

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА

Том XXXVII



Журнал выходит ежегодно
Основан в 1947 году

Москва
ИВ РАН

2023

ISSN 0131-1344
ISBN 978-5-907671-01-0

Периодическое издание

Рецензируемый научный академический журнал
Учрежден Ученым советом Института востоковедения Российской академии наук
Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Главный редактор

Научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН В. В. Наумкин

Редакционная коллегия

А. Аванцини	М. А. Мусаев
А. К. Аликберов	В. Н. Настич
Ч. Алйылмаз	Н. Небес
А. С. Балахванцев	С. Ратх
Г. Бауэрсок	К. Ж. Робин
В. Я. Белокреницкий	А. В. Седов
М. Д. Бухарин	А. А. Столяров (<i>зам. главного редактора</i>)
Д. Даялан	Я. Хубен
Д. В. Дубровская	В. В. Тишин
Э. Е. Кормышева	Р. Фуруи
А. В. Коротаев	
М. А. Лебедев	

Редакция

А. Ю. Волович (*ответственный секретарь*)
В. Н. Настич

E-mail: oriental.epigraphy@mail.ru
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 115

Макет и верстка — А. Ю. Волович,
В. Н. Настич

INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

O R I E N T A L

EPIGRAPHY

Vol. XXXVII



Published yearly
Founded in 1947

Moscow
IOS RAS

2023

Peer-reviewed academic journal

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 0131-1344

Editor-in-Chief

Academic Supervisor of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Vitaly V. Naumkin

Editorial Board

Alikber K. Alikberov

Alessandra Avanzini

Chingiz Alyjlmaz

Archil S. Balakhvantsev

Vyacheslav Y. Belokrenitsky

Glen W. Bowersock

Mikhail D. Bukharin

Duraiswamy Dayalan

Dinara V. Dubrovskaya

Ryosuke Furui

Jan E. M. Houben

Eleonora E. Kormysheva

Andrei V. Korotaev

Maksim A. Lebedev

Makhach A. Musaev

Vladimir N. Nastich

Norbert Nebes

Saraju Rath

Christian J. Robin

Alexander V. Sedov

Alexander A. Stolyarov (*deputy*

Editor-in-Chief)

Vladimir V. Tishin

Editorial Group:

Anna Yu. Volovich (*Executive Editor*)

Vladimir N. Nastich

Эпиграфика Востока. Том 37. — М.: ИВ РАН, 2023. — 224 с.

ISSN 0131-1344

ISBN 978-5-907671-01-0

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения ИВ РАН, редколлегии и редакции журнала.

Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: oriental.epigraphy@mail.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 115

© ФБГУН ИВ РАН, 2023

© Редакция журнала «Эпиграфика Востока» (составитель), 2023

DOI 10.31696/0131-1344-2023-7-12

ФРАГМЕНТ ЧИНОВНИЧЬЕЙ ПЕЧАТИ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЕ СЯ, ОБНАРУЖЕННЫЙ В ПРИМОРЬЕ

В. А. Беляев¹, С. В. Сидорович²

Аннотация

В статье рассматривается фрагмент чиновничьей печати, случайно обнаруженный в Партизанском районе Приморского края, недалеко от Шайгинского городища. Авторам удалось восстановить текст клише и датирующую надпись и показать, что печать использовалась казенным контролером-ревизором и была изготовлена в 1217 г. в чжурчжэньском государстве Восточное Ся.

Ключевые слова: чжурчжэни, Восточное Ся, Пусянь Ваньну, Шайгинское городище, служебная печать

Для цитирования: Беляев В. А., Сидорович С. В. Фрагмент чиновничьей печати государства Восточное Ся, обнаруженный в Приморье. *Эпиграфика Востока*. Т. 37. 2023. С. 7–12. DOI 10.31696/0131-1344-2023-7-12

A FRAGMENT OF EASTERN XIA STATE OFFICIAL'S SEAL DISCOVERED IN PRIMORYE

Vladimir A. Belyaev, Sergey V. Sidorovich

Abstract

The article studies the fragment of an official's seal accidentally discovered in Partizansky district, Primorsky Krai, near the Shaiginskoye ancient settlement. Authors were able to successfully reconstruct the text of the cliché and the dating inscription, thus proving that the seal was used by a state controlling inspector and was cast in 1217 in the Jurchen state of Eastern Xia.

Keywords: Jurchen, Eastern Xia, Puxian Wannu, Shaiginskoye ancient settlement, official seal

For citation: Vladimir A. Belyaev, Sergey V. Sidorovich. A fragment of Eastern Xia state official's seal discovered in Primorye. *Oriental Epigraphy*. Vol. 37. 2023. P. 7–12. DOI 10.31696/0131-1344-2023-7-12

¹ Владимир Анатольевич Беляев — к. т. н., независимый исследователь, г. Москва; oldcharm@yandex.ru. ORCID ID 0000-0002-4453-8668

Vladimir A. Belyaev — PhD, independent researcher, Moscow; oldcharm@yandex.ru. ORCID ID 0000-0002-4453-8668

² Сергей Владимирович Сидорович — независимый исследователь, г. Санкт-Петербург; sssc@zmail.ru. ORCID ID 0000-0002-7817-4890

Sergey V. Sidorovich — independent researcher, St. Petersburg; sssc@zmail.ru. ORCID ID 0000-0002-7817-4890

В сентябре 2022 г. авторы получили известие об обнаружении вблизи с. Сергеевка в Партизанском районе Приморского края фрагмента бронзовой печати. Следует отметить, что недалеко от указанного населенного пункта находится Шайгинское городище³ — один из самых крупных и наиболее изученных памятников культуры чжурчженей второй половины XII — первой трети XIII вв.



Фрагмент нерегулярной формы весом 79,68 г представляет собой часть основания печати с находящимся на нем клише (илл. 1). Почерк *цзюдечжуань*⁴, которым выполнен текст клише, в сочетании с общим внешним видом фрагмента и местом находки, позволяют отнести печать к числу чиновничьих, выпущенных в государствах Цзинь или Восточное Ся. Основание служебных печатей имеет, как правило, форму, близкую к правильной усеченной

³ Крупный административно-хозяйственный центр времен империй Цзинь (1115–1234) и Восточное Ся (1215–1233). Городище находится в 7 км юго-восточнее с. Сергеевка, на правом берегу р. Ратная (приток р. Партизанская). Обнаружено горным инженером Д. Л. Ивановым в 1891 г. Стационарные раскопки городища начались в 1963 г. и велись 30 лет под руководством Э. В. Шавкунова. Площадь памятника около 45 га. В настоящее время исследовано около 2/3 городища.

⁴ *Цзюдечжуань* 九疊篆, букв. «чжуань, сложенный в девять раз». Настоящий каллиграфический стиль характеризуется зигзагообразными линиями знаков, при этом количество слоев варьирует от 5 до 11. Поскольку иероглиф 九 *цзю* «девять» в старокитайском языке означал также «много, множество», название почерка может быть переведено как «многослойный чжуань». В отечественной литературе встречаются также названия «девятислойный чжуань» и «девятистопный чжуань». Этот почерк появляется на печатях со времени эпохи Сун (960–1279) [Лу, 2009, с. 143]. Особенно широко использовался в период империй Цзинь, Южная Сун (1127–1279) и частично во времена Юань (1271–1368).

четырёхугольной пирамиде, то есть форма клише обычно стремится к квадрату. Со стороны клише наибольшие размеры фрагмента по высоте и ширине составляют 38,84×25,51 мм. Высота основания 14,57 мм.

На сохранившейся части боковой грани основания виднеется небрежно выбитая и к тому же местами плохо сохранившаяся надпись из шести знаков, от последнего из которых уцелела лишь верхняя часть (илл. 16). В ней в позициях 3–4–5 четко просматривается последовательность из трех иероглифов 三年七 *сань нянь ци*, из чего явно следует, что это датирующая надпись («...третий год седьмой...»). Следовательно, перед этими тремя знаками должны находиться два знака девиза правления. Первый из них, помимо искажений, имеет утраты и не может быть напрямую отождествлен ни с одним из первых иероглифов девизов правления императоров Цзинь и Восточного Ся. Второй знак — по всей видимости, иероглиф 泰 *тай*, что дает возможность определить девиз правления как [天]泰 [Тянь]*тай*⁵. На утраченной части печати должны были находиться как минимум два последних знака датирующей надписи⁶; они также восстанавливаются по известным формулярам датирующих надписей и приводятся здесь в квадратных скобках. Вся надпись, по нашему мнению, читается следующим образом:

[天]泰三年七[月造]... [тянь]*тай сань нянь ци* [юэ *цзао*]

[Сделано в] 7-м [месяце] 3-го года [Тянь]*тай*.

Таким образом, печать была выпущена в 1217 г. в государстве Восточное Ся. Следует отметить, что боковая грань основания — довольно необычное место для датирующей надписи, которая, как правило, наносилась на оборотной стороне основания и начиналась справа от ручки. Впрочем, значительное количество сохранившихся печатей вообще не датированы. Что касается оборотной стороны основания фрагмента, то каких-либо следов гравировки здесь обнаружить не удалось.

Клише печати обрамлено бордюром шириной 2,2–3,3 мм. Судя по ориентации знаков и бордюра, обнаруженная часть клише формировала левую верхнюю часть оттиска печати. Полностью сохранились два верхних иероглифа в последней строке: *хао* 号 «номер» и служебное слово *чжи* 之, а также сохранилось начало следующего знака в данной строке и некоторые линии двух знаков в предыдущей строке. За иероглифом *чжи* явно следует *инь* 印 «печать», в пользу

⁵ *Тяньтай* 天泰 — девиз, под которым в 1215–1223 гг. правил бывший цзиньский сановник Пусянь Ваньну 蒲鮮萬奴, узурпировавший власть и основавший государство Великое Чжэнь (да *чжэнь*, 大真). Отечественными и китайскими историографами традиционно используется более позднее название государства — Восточное Ся (*дун ся*, 東夏).

⁶ Дата изготовления нередко могла указываться с точностью до конкретного дня, или могла гласить «в дни такого-то месяца».

этого говорят как сохранившаяся часть знака, так и репертуар известных надписей. Таким образом, левая вертикальная строка текста клише печати состояла из трех иероглифов: *хао чжи инь* 号之印 «печать номер...».

С учетом размеров сохранившихся иероглифов, ширины бордюра, расстояния между бордюром и знаками, а также расстояния между двумя соседними знаками можно приблизительно оценить высоту и ширину клише, которые по нашим расчетам составляют примерно 52,6 и 53,7 мм соответственно. Расчетные данные соответствуют упомянутому выше тезису о том, что клише служебных печатей обычно стремились к квадрату. Таким образом, наиболее вероятно, что текст клише состоял из трех вертикально ориентированных строк по три знака в каждой.

Иероглиф *хао* 号 в тексте клише указывает на то, что печать номерная. Судя по известным надписям, ему должен предшествовать иероглиф *цзы* 字 «знак», в нашем случае это третий иероглиф в центральной строке (утрачен полностью). Вместе они образуют двуслог *цзыхао* 字号, т. е. «помета / номер [посредством] иероглифа». Перед ним, в свою очередь, должен находиться сам уникальный номер, которым в подобных случаях традиционно выступал один из знаков из «Тысячесловия»⁷. Хотя сохранившиеся остатки черт второго иероглифа в центральной строке позволяют существенно сузить круг подходящих вариантов, тем не менее, возможность его однозначного восстановления, по нашему мнению, в данный момент не наблюдается.

Насколько можно судить по сохранившимся чертам, первым знаком в центральной строке является *ши* 事 «дело». Это наблюдение вместе с информацией о репертуаре возможных надписей позволяет уверенно (за исключением второго знака в центральной строке) восстановить текст клише следующим образом (илл. 2):

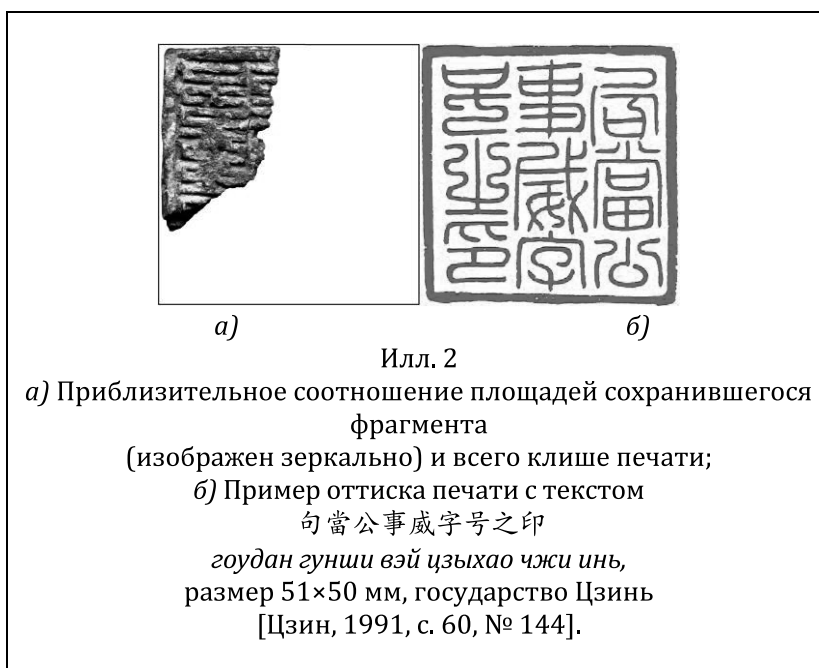
[句當公]事[...字]号之印 [*гоудан гун*]*ши* [... *цзы*]*хао чжи инь*
«Печать под знаком [?] распоряжающегося казенными делами»⁸.

На сегодняшний день это шестая находка печати *гоудан гунши* в Приморье. Несколько лет назад авторы подробно описывали печати с подобной легендой, найденные на территории РФ и Китая [Беляев, Сидорович, 2016]. В этой связи

⁷ *Цяньцзывэнь* 千字文, «Тысячесловие», классический мнемонический текст философского содержания, применяемый для заучивания иероглифов. Знаки из данного текста издавна использовались в Китае в целях защиты от фальсификации при представлении чисел, например, для обозначения серийного номера.

⁸ *Гоудан гунши* 句當公事, букв. «распоряжаться казенными делами». Этим термином обозначались чиновники, направляемые для осуществления контроля и проведения ревизий на местах.

представляется интересным сравнение сведений, полученных в результате рассмотрения настоящего фрагмента, со сделанными ранее общими выводами.



Во-первых, следует отметить, что известные датированные печати *гоудан гунши* попадают в довольно узкий временной диапазон 1211–1231 гг. Реконструированные авторами выпускные сведения, выбитые на рассматриваемом фрагменте, также комфортно вписывают данную печать в эти хронологические рамки.

Во-вторых, доступные данные о размерах печатей подтверждают утверждение А. Л. Ивлиева об ограниченной «тенденции некоторого увеличения размеров печатей ряда должностных лиц в Восточном Ся по сравнению с Цзинь» [Ивлиев, 2006, с. 111]. В частности, для печатей *гоудан гунши* авторами было отмечено: «... заметное увеличение размеров клише (примерно с 1 *цунь* 6 *фэнь* до 2 *цунь*⁹) цзиньских печатей фиксируется в 1216 году, затем почти сразу же происходит небольшая коррекция в сторону уменьшения размеров. Поскольку Восточное Ся было образовано в самом конце 1215 года, то очевидно, что первый выпуск печатей происходит не ранее следующего, 1216 года. Это также подтверждается известными датированными печатями» [Беляев, Сидорович, 2016, с. 65]. Что касается рассматриваемого фрагмента, то полученное расчетное значение размеров клише 52,6×53,7 мм (1,7–1,75 *цунь*) несколько выбивается из общей тенденции, наблюдавшейся на основе опубликованных данных о

⁹ Мера длины, 1 *цунь* 寸 = 10 *фэнь* 分. В период Сун–Юань 1 *цунь* составлял 3,072 см [Кроль, Романовский, 1982, с. 227].

размерах печатей *гоудан гунши*, поскольку для периода 1216–1217 гг. ожидаемые размеры клише, по нашему мнению, составляли порядка 58–60 мм [Беляев, Сидорович, 2016, с. 63]. Изучаемый период в истории Восточного Ся характеризуется, по всей видимости, значительной турбулентностью, и безукоризненного соблюдения стандартов здесь ожидать, пожалуй, не следует. Кроме того, на настоящий момент нет понимания, насколько были регламентированы размеры клише, поэтому не исключено, что зафиксированное расхождение находится в допустимых пределах. Некоторую ошибку также может вносить и приблизительность расчетов, обусловленная утратой большей части печати и использованием усредненных данных для оценки восстанавливаемых размеров.

В любом случае, даже с учетом фрагментарного состояния, рассмотренная находка представляет интерес для исследователей, поскольку является точно датированным артефактом из достаточно точно определенного ареала.

Список литературы / References

- Беляев В. А., Сидорович С. В. Печати казённых ревизоров *гоудан гунши*. *Средневековые древности Приморья*. Владивосток: Дальнаука, 2016. Вып. 4. С. 59–70. [Belyaev V. A., Sidorovich S. V. The Seals of the Government Inspectors (*goudang gongshi*). *Medieval Antiquities of Primorye*. Vladivostok: Dalnauka, 2016. Vol. 4. P. 59–70 (in Russian)]
- Ивлиев А. Л. О печати чжичжуна и статусе Шайгинского городища. *Вестник ДВО РАН*. 2006. № 2. С. 109–113. [Ivliev A. L. A Stamp of zhizhung and Status of Shaiginskoye Ancient Town. *Bulletin of the Far-Eastern Branch of the RAS*. 2006. № 2. P. 109–113 (in Russian)]
- Кроль Ю. Л., Романовский Б. В. Опыт систематизации традиционной китайской метрологии. *Страны и народы Востока*. Москва: Наука, 1982. Вып. 23. С. 209–243. [Krol Yu. L., Romanovsky B. V. The Experience of Systematization of the Traditional Chinese Metrology. *Countries and peoples of the East*. Moscow: Nauka, 1982. Vol. 23. P. 209–243 (in Russian)]
- Лу Сисин 陆锡兴. 九叠篆的来龙去脉 *Цзюдечжуань дэ лайлун цюмай* [Происхождение и развитие {каллиграфического стиля} *цзюдечжуань*]. *南方文物 Наньфан вэньу* [Памятники материальной культуры юга {Китая}]. 2009, № 1. С. 134, 143–148. [Lu Xixing. Jiudiezhuang de lailong qiumai. Origin and development of [calligraphic style]]. *Nanfang Wenwu* (Monuments of Material Culture of the South [China]). 2009. No. 1. P. 134, 143–148]
- Цзин Ай 景愛 (ред.). 金代官印集 *Цзиньдай гуаньинь цзи* [Собрание официальных печатей эпохи Цзинь]. Пекин: 文物出版社 Вэньу чубаньшэ, 1991. 267 с. [Jing Ai (Ed.). *Jindai Guanyin Ji (Collection of Official Seals of the Jin Dynasty)*. Beijing: Wenwu Chubanshe, 1991. 267 p.] (in Chinese)].

DOI 10.31696/0131-1344-2023-13-24

**ОТРАЖЕНИЕ ОДНОЙ ИЗ ФУНКЦИЙ БОГИНИ ХЕКЕТ В РЕЧЕНИИ 1061
ТЕКСТОВ САРКОФАГОВ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ДЕЙР ЭЛЬ-БЕРШЕ**

А. Ю. Волович¹

Аннотация

В статье рассматривается вопрос отражения в речении 1061 одной из функций богини Хекет, заключающейся в обеспечении покойного защитой во время наиболее сложных и опасных моментов его движения по дорогам загробного мира. Изучив надписи с саркофагов B1Bo, B2Bo, B4Bo, B1C, B3C, B12C, B1L, B2L, B3L и B4L, автор приходит к выводу, что в них зафиксирован момент расширения спектра действия данной функции. Кроме Хекет, в указанных фрагментах текста упомянуты т.н. «живые боги», воплощающие идею достижения покойным неба и его присоединение к богам в солнечной ладье, а также божество Рути с функцией защиты и сопровождения солнца во время его путешествия по Дуату, а также во время его перехода в подземный мир вечером и во время восхода утром. Из смысла речения 1061 следует, что Хекет, обеспечивая усопшего защитой и покровительством, действует вместе и наравне с ними. Т.о., можно заключить, что у Хекет в Среднем царстве начинает проявляться способность обеспечить мощную защиту не только усопшему в рамках ритуала, но и на макрокосмическом, божественном уровне, оберегая солнце при его перехода из земного мира в подземный и обратно.

Ключевые слова: речение 1061 Текстов саркофагов, богиня Хекет, Рути, «живые боги», бог Нун, Среднее царство, Древний Египет, некрополь Дейр эль-Берше.

Для цитирования: Волович А. Ю. Отражение одной из функций богини Хекет в речении 1061 Текстов саркофагов из некрополя Дейр эль-Берше. *Эпиграфика Востока*. Т. 37. 2023. С. 13–24. DOI 10.31696/0131-1344-2023-13-24

¹ Анна Юрьевна Волович — младший научный сотрудник Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия, anna@volovich.me; ORCID ID: 0000-0001-9219-1884

Anna Y. Volovich — junior researcher of the Department of History and Culture of the Ancient East, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, anna@volovich.me; ORCID ID: 0000-0001-9219-1884

REFLECTION OF ONE OF THE GODDESS HEQET'S FUNCTIONS IN THE SPELL 1061 OF THE COFFIN TEXTS FROM THE DEIR EL-BERSHE NECROPOLIS

Anna Y. Volovich

Abstract

The paper deals with the reflection of one of the goddess Heqet's functions in the spell 1061 of the Coffin Texts from the Deir El-Bershe necropolis. This function consists in a sharp calm confrontation during the most difficult and dangerous moments along the paths of the afterlife. Having studied the inscriptions from the sarcophagi B1Bo, B2Bo, B4Bo, B1C, B3C, B12C, B1L, B2L, B3L and B4L, the author concludes that the spell points the moment of expansion this function's spectrum of action. In addition to Heqet, in these fragments of the text are mentioned so-called "living gods", embodying the idea of the deceased reaching the sky and joining him to the gods in the solar boat, and the deity Rwti with the function of protecting and accompanying the sun during his journey through the Duat, and during his sunset in the evening and in the sunrise in the morning. It follows from the meaning of spell 1061 that Heqet, providing the deceased with protection and patronage, acts together with them and at the same level. So, we can conclude, that Heqet in the Middle Kingdom begins to manifest the ability to provide powerful protection not only to the deceased within the framework of the ritual, but also at the macrocosmic, divine level, protecting the sun during its transition from the earthly world to the underworld and vice versa.

Keywords: spell 1061 of Coffin texts, goddess Heqet, Rwti, "living gods", god Nwn, Middle Kingdom, Ancient Egypt, Deir el-Bershe.

For citation: Anna Y. Volovich. Reflection of One of the Goddess Heqet's Functions in the Spell 1061 of the Coffin Texts from the Deir El-Bershe Necropolis. *Oriental Epigraphy*. Vol. 37. 2023. P. 13–24. DOI 10.31696/0131-1344-2023-13-24

В речении 1061, представляющим собой фрагмент «Книги Двух Путей» и выписанном на нескольких саркофагах из гермопольского некрополя Дейр эль-Берше, усопший просит демонов-стражников, охраняющих пути подземного мира, не чинить ему препятствий в достижении небесных врат. При этом в качестве аргумента он заявляет, что находится под защитой ряда божеств, в частности, парного божества Руты и богини Хекет. Ранее совместное функционирование этих богов, направленное на защиту усопшего, преодолевающего «заставы» потустороннего мира, не фиксировалось. В этой связи целью настоящего исследования является определение функции, которую предстояло осуществлять богине Хекет в данном случае, а также содержание этой

функции. Для этого будут рассмотрены фрагменты вариантов речения 1061, расположенные на следующих саркофагах [СТ VII, 1961, р. 319]:

- Саркофаг B1Bo — внешний саркофаг Джхутинахта, хранится в Музее изящных искусств Бостона (20.18.22-27) (окончание XI династии – первая половина периода царствования Аменемхета I [Sherbiny, 2017, р. 19]);
- Саркофаг B2Bo — внутренний саркофаг Джхутинахта, находится в Музее изящных искусств Бостона (21.962-63) (окончание XI династии – первая половина периода царствования Аменемхета I [Sherbiny, 2017, р. 19]);
- Саркофаг B4Bo — Внутренний женский саркофаг Сатмекут, хранится в Музее изящных искусств Бостона (21.966-67) (окончание XI династии – первая половина периода царствования Аменемхета I [Sherbiny, 2017, р. 19]);
- Саркофаг B1C — саркофаг Сепи, хранится в Египетском музее, г. Каир, (28083) (период правления Сенусерта II – Сенусерта III [Sherbiny, 2017, р. 19]);
- Саркофаг B3C — внутренний женский² саркофаг Сатхеджхотеп, хранится в Египетском музее, г. Каир (28085) (вторая половина периода правления Сенусерта I [Sherbiny, 2017, р. 19]);
- Саркофаг B12C — внутренний саркофаг Иха, хранится в Египетском музее, г. Каир (28089) (период правления Сенусерта II – Сенусерта III [Sherbiny, 2017, р. 19]);
- Саркофаг B1L — внутренний саркофаг Гуа, хранится в Британском музее (30840) (период правления Сенусерта II – Сенусерта III [Sherbiny, 2017, р. 19]);
- Саркофаг B2L — внешний саркофаг Гуа, хранится в Британском музее (30839) (период правления Сенусерта II – Сенусерта III [Sherbiny, 2017, р. 19]);
- Саркофаг B3L — внутренний саркофаг Сена, хранится в Британском музее (30842) (период правления Сенусерта II – Сенусерта III [Sherbiny, 2017, р. 19]);
- Саркофаг B4L — внешний саркофаг Сена, хранится в Британском музее (30841) (период правления Сенусерта II – Сенусерта III [Sherbiny, 2017, р. 19]).

Саркофаги будут перечислены по группам, предложенным Вильемсом [Willems, 1988, р. 68–81], что позволит рассмотреть редакции речения в хронологическом порядке.

² B3C рассматривается большинством исследователей как внутренний саркофаг Сатхеджхотеп, без пометки, что саркофаг — женский (см., например: [Semenenko, Hereikhanova, 2022, 132, tab. 2; Sanders, 2016; Лаврентьева, 2012, с. 249; Willems, 1988; СТ VII, 1961, р. ix]). В то же время другие исследователи специально указывают, что он принадлежал женщине [Sherbiny, 2017, р. 99; O'Connor D., Quirke, 2003, р.143]. Я поддерживаю последнюю точку зрения, поскольку в речении 1061 присутствует указательное местоимение *tn*, маркирующее женский род.

...N pn ʕpr Rwtj H(k)t ntrw ʕnhw im.k hmw pn

...N этот обеспечен Руты, Х(ек)ет (и) богами живыми. Ты не должен изгонять (N) этого!

В этом случае присутствие Хекет имеет тот же смысл, что и в рассмотренных ранее фрагментах, и обозначает ее участие вместе с Руты и «богами живыми», указание на которых должно было присутствовать, в защите усопшего, преодолевающего препятствия иного мира.

Рассмотрим речение 1061 с **саркофага ВЗС, отнесенное к группе В и датированное временем второй половины царствования Сенусерта I (1956–1911/10 гг. до н. э.):**

... N ʕpr Rwtj Hkt ntrw ʕnhw im.k hmw N tn

... N tn ʕpr Rwtj Hkt ntrw ʕnhw im.k hmw N tn

... N эта обеспечена Руты, Хекет (и) богами живыми. Ты не должен изгонять N эту!

Здесь Хекет представлена так же, как в рассмотренных выше фрагментах речения 1061 с саркофагов В4Во и В2Во, относящихся к более раннему историческому периоду.

Переходим к рассмотрению фрагментов речения 1061, расположенных на **саркофагах группы D, датированных временем правления Сенусерта II – Сенусерта III**. Рассмотрим речение 1061, выписанное на внутреннем **саркофаге В1L**, принадлежавшем врачу Гуа. В отличие от предыдущих фрагментов, здесь возможны следующие варианты трактовки:

... ʕpr Rwtj Hkt ntrw ʕnhw im.k hmw N tn

В отличие от ранее рассматриваемых здесь фрагментов, в первом предложении после имени Хекет следует не *ntrw*, а *ʕnhw*. Если рассматривать данный текст, опираясь грамматику, его можно транслитерировать и переводить следующими способами.

Первый возможный вариант: *ink ʕpr Rwtj Hkt pt ʕnhw im.k hmw w(i)/ Я обеспечен Руты, богиней Хекет небес, живой. Не изгоняй (меня)!*

часовни, с просьбой произнести благопожелание или прочесть заупокойную формулу для владельца стелы. Например, богини Нут и Хекет упоминаются в особых списках богов, зафиксированных на стеле Абкау (Torino 137 (1534)) [Maspero, 1882, p. 115–116], на так называемой Стеле мистерий Осириса Louvre C.15 (359) [Gayet, 1886, pl. LIV], а также на упоминавшейся ранее стеле WAF 35 [Sethe, 1927, p. 73]. Исходя из этого можно заключить, что причиной взаимозамены Хекет и Нут могла быть не только техническая ошибка, но и очевидное сходство функций этих богинь в данный исторический период.

В данном случае выражение  (*Hkwt pt nḥ*) будет трактоваться как «Хекет небес⁹ живая».

Второй возможный вариант: ...*ink ḥpr Rwtj Hkwt nḥ(w) m ḥm w(i) /...Я обеспечен Руты, богинями Хекет живыми. Не изгоняй (меня)!*

Здесь выражение  (*Hkwt nḥ(w)*) переводится как «богини Хекет живые» (I I I - множественное число¹⁰) с ошибочно выписанным знаком .

И третий возможный вариант: *ink ḥpr Rwtj Hkwt (Hkwt ḥry nḥ(w) m ḥm w(i) /...Я обеспечен Руты, богинями Хекет живыми. Не изгоняй (меня)!*

В этом случае выражение  (*Hkwt ḥry nḥ(w)*) трактуется как «Хекет – богини, которые верхние, живые», поскольку знаком  во время Среднего царства, передавалась, в частности, нисба от слова *ḥr* («на», «над», «верх») [Hannig, 2006, p. 1731, Faulkner, 1972, p. 174].

Однако у всех перечисленных вариантов есть одинаковые «слабые места». Во-первых, указание на конкретного бога (Птаха, Амона-Ра и пр.) в выражении «живой бог»¹¹ фиксируются в древнеегипетских памятниках только начиная с Нового царства [LÄGG, IV, 2002, p. 403–404, 477–478]. Что же касается конкретно Хекет, то у нее ни один из вариантов рассмотренных выше эпитетов в настоящее время не фиксируется ни в Среднем царстве, ни в и более ранние эпохи, ни в период Нового царства [см., напр., LÄGG, IV, 2002, p. 403–404, 477–478; LÄGG, V, 2002, p. 490–491]. Но самое главное – сравнение данного фрагмента речения 1061 с остальными вариантами этого же речения показывает, что после имени Хекет, скорее всего, должно следовать *nṯrw*. Если вышеизложенные предположения верны, то переводить рассматриваемый фрагмент речения нужно исходя из того, что на месте  должно быть *nṯrw*. Что касается второго предложения рассматриваемого фрагмента, то при его написании также были допущены ошибки. Во-первых, оно, согласно логике и грамматике, должно оканчиваться зависимым местоимением *wi*, и, во-вторых, перед  (*w*) ошибочно выписан знак  (*i*). Т.о., транслитерация и перевод фрагмента с саркофага B1L должны быть следующими:

⁹  трактуется как «небеса» в словарях Ханнига и Фолкнера [Hannig, 2006, p. 832; Faulkner, 1972, p. 87], в Большом Берлинском словаре вариант написания слова «небеса» как  не значится (WB, I, 1971, p. 490–492).

¹⁰ Случаи выписывания имени Хекет во множественном числе несколько раз фиксируются в Текстах саркофагов – см. например, речение 258, находящимся на саркофагах S1Ca, S2Ca, S1Cb, S3C [CT III, 1947, 371], речение 317, зафиксированное на саркофагах B2L и S1P [CT IV, 1951, 122], речение 320 с саркофага B2L [CT IV, 1951, 145] и речение 321 с саркофага B2L [CT IV, 1951, 146].

¹¹ Возможно, здесь следует сделать важное уточнение: выражение «бог живой» следует трактовать как указание на усопшего, благополучно достигшего небес и удостоившегося места в ладье Ра, только если в нем не указано имя конкретного бога (в последнем случае именно бог приобретает эпитет «живой», и о находящемся в солнечной барке покойном речи уже не идет).



TBV

иса:

Саркофаг В4L:

...ink ʕpr Rwtj Hkt nṯrw ʕnhw im.k ḥm (w)i

Я обеспечен Руту, Хекет (и) богами живыми. Ты не должен изгонять меня!

Я СЛ

ения

кофаге Иха **(B12C)**:

...*ink* *prt(?)* *Rwty ntrw Hkt ntrw* *nhw im.k hmw.i*

*Я обеспечен Рутти, богами, Хекет (и) богами живыми. Ты не должен изгонять
я!*

данн

ГМЕР

¹² Как уже было указано, иероглифический текст данного фрагмента с саркофага В1С передается по: СТ, VII, 1961, 319. В публикации П. Лако данный фрагмент начинается с имени Сепи () [см., Lacau, 1904, p.140].

Во-первых, нахождение рядом со столь могущественным общеегипетским божеством как Рути, а также с «живыми богами», говорит о ее высоком статусе как сильного и надежного посмертного защитника в эпоху Среднего царства. Во-вторых, присутствие и деятельность Хекет вместе с богами, присутствующими в солярной барке и «отвечающими» за безопасность солнца в моменты его перехода из подземный мира в земной и обратно позволяют заключить, что в Среднем царстве намечается расширение ареала ее функции, связанной с идеей защиты человека во время перехода в иной мир. Она начинает восприниматься как богиня, способная дать мощную защиту не только «обычному» человеку в рамках ритуала, но и на макрокосмическом, божественном уровне, оберегая солнце при его переходе из земного мира в подземный и обратно, что свидетельствует о возрастании ее роли в общеегипетском пантеоне и подготавливает фундамент для закрепления ее статуса как одного из сопровождающих солярной ладьи *Mskit* и появление солнечного младенца, что будет неоднократно наблюдаться в эпоху Нового царства.

Список литературы / References

- Кормышева Э. Е. Голова как самостоятельная часть тела в потустороннем мире. *ЭВ. XXXIV*. 2019. С. 86–109 [Kormysheva .E. The Head as an Independent Part of the Body in the Netherworld. *Oriental Epigraphy*. XXXIV. 2019. P. 86–109 (in Russian)].
- Лаврентьева Н. В. *Мир ушедших. Дуат: образ иного мира в искусстве Египта (Древнее и Среднее Царства)*. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – 360с. [Lavrenteva N. V. Drawing the Netherworld. The Image of Duat in Ancient Egyptian Art (Old and Middle Kingdom). Moscow: Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniyu i Nauke. 2012. – 360 p. (in Russian)].
- Чегодаев М. А. Древнеегипетская Книга Мертвых — фрагменты перевода и комментария. *Вопросы истории*. 1994. № 8. С. 145—163; № 9. С. 141—151 [Chegodaev M.A. Ancient Egyptian Book of the Dead - fragments of translation and commentary. *Voprosi istorii*. 1994. № 8. P. 145—163; № 9. P. 141—151 (in Russian)].
- Altenmüller B. Synkretismus in den Sargtexten. *Göttinger Orientforschungen, IV. Reihe: Ägypten, Bd 7*. 1975.
- Buck de A. The Egyptian Coffin Texts, 2. Texts of Spells 76-163. *OIP*. 49. 1938. (=CT II)
- Buck de A. The Egyptian Coffin Texts, 3. Texts of Spells 164–267. *OIP*. 64. 1947. (=CT III)
- Buck de A. The Egyptian Coffin Texts, 4. Texts of Spells 268–354. *OIP*. 67. 1951. (=CT IV)
- Buck de A. The Egyptian Coffin Texts, 5. Texts of Spells 355–471. *OIP*. 73. 1954. (=CT V)
- Buck de A. The Egyptian Coffin Texts, 7. Texts of Spells 787–1185. *OIP*. 87. 1961. (=CT VII)
- Carrie C. *Textes des sarcophages du Moyen Empire égyptien*. Tome III: spells [788] à [1186]. Monaco: Éditions du Rocher, 2004.
- Erman A., Grapow H. Wörterbuch der aegyptischen Sprache Bd. I, II, III. Akademie Verlag. Berlin. 1971. (=WB I, WB II, WB III).

- Faulkner R. *A Concise Dictionary of Middle Egyptian*. Oxford: Griffith Institute, 1972.
- Gayet A. Musée Du Louvre. Stèles de la XII Dynastie (1886-1889). *BEHE*, 68. Paris. 1886.
- Hannig R. *Ägyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit* [Egyptian dictionary], Verlag Philipp von Zabern, Mainz, 2006 (=Hannig).
- Lacau P. *Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire N°28001-28086 Sarcophages antérieurs au nouvel empire*. T. I. 1904.
- Leitz Ch. Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen. Bd. I–VII. *Orientalia Lovaniensia Analecta*, 110–116. Leuven, 2002 (=LÄGG, III; LÄGG IV; LÄGG V)
- Maspero G. Rapport sur une mission en Italie. *RecTrav*: pour servir de bulletin à la Mission Française du Caire 3. 1882.
- Mathieu B. *Les textes de la pyramide de Pépy Ier. Mission archéologique franco-suisse de Saqqâra*. IFAO, Le Caire, 2018.
- O'Connor D., Quirke S. (eds.). *Mysterious Lands Encounters with Ancient Egypt*. Institute of Archaeology. London: University: College, 2003.
- Pinch G. *Magic in Ancient Egypt*. London: British Museum Press, 2006.
- Sanders F. H. M. "Food for Eternity". *The Coffin of Sathedjhotep: Granaries and Coffin Texts*. Master Thesis Classics and Ancient Civilizations. Leiden: Leiden University. 2016.
- Sherbiny W. Through Hermopolitan Lenses: Studies on the So-called Book of Two Ways in in Ancient Egypt. *Probleme der Ägyptologie*. Vol. 33. 2017.
- Shaw J., Nicholson P. *The British Museum. Dictionary of Ancient Egypt*. The American University in Cairo Press, 2002.
- Semenenko Il., Hereikhanova D. The unusual writings of the name of the god Duamutef in the First Intermediate Period and the Middle Kingdom. *Prague Egyptological Studies XXXVIII*. 2022. P. 122–150.
- Sethe K. *Die altaegyptischen Pyramidentexte nach den Papierabdrucken und Photographien des Berliner Museums*. Leipzig. 1922 (= PT)
- Sethe K. *Aegyptische Lesestücke zum Gebrauch im akademischen Unterricht: Texte des Mittleren Reiches*. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung. 1927.
- Wilkinson R. H. *The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt*. The American University in Cairo Press. 2003
- Willems H. *Chest of Life. A Study of the Typology and Conceptual Development of Middle Kingdom Standard Class Coffins*. MEOL. 25. Leiden, 1988.

DOI 10.31696/0131-1344-2023-25-43

**KĀVERIPŪMPATTINAM: A COSMOPOLITAN CENTRE
OF ANCIENT TAMILAKAM**

D. Dayalan¹

Abstract

Kāveripūmpattīṇam was a celebrated seaport city of Tamilakam during the early historic period. The ancient Tamil literatures, the “Periplus of Erythraean Sea” and Ptolemy mention about its flourishing maritime trade activities and prosperous state of the city in the early historic period. The archaeological exploration and excavations in this place not only brought to light the remains of the wharf of about the 3rd century BCE, but also many religious and secular structures of the early historic period. The excavations have also yielded many foreign materials such as amphora pieces of the European origin, coins, pottery and glass objects from the Roman empire, China, Sri Lanka, and Southeast Asia. This evidence show that Kāveripūmpattīṇam had an international maritime trade network during the early historic period. It was also served as an important emporium of international trade. This paper discusses in detail the maritime trade activities and the cosmopolitan nature of this ancient city.

Keywords: Seaport, Saṅgam age, Yavana, wharf, excavation, vihāra, Paṭṭīṇappālai, Maṇimēkalai, Silappatikāram, Abhidhammāvatāra, buddhapāda, Mediterranean amphora.

For citation: D. Dayalan. Kāveripūmpattīṇam: A Cosmopolitan Centre of Ancient Tamilakam. *Oriental Epigraphy*. Vol. 37. 2023. P. 25–43. DOI 10.31696/0131-1344-2023-25-43.

**КАВЕРИПУМПАТТИНАМ — КОСМОПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ДРЕВНЕГО ТАМИЛАГАМА**

Д. Даялан

Аннотация

В ранний исторический период Каверипумпаттинам был знаменитым портовым городом страны тамиллов — Тамилагама. В произведениях древнетамильской литературы и в древнегреческих текстах, таких, как «Перипл Эритрейского моря», сочинения Клавдия Птолемея говорится о преуспевании морской торговли и процветающем состоянии города в это время. Археологическая разведка и раскопки, проводимые в

¹ Dayalan Duraiswamy — Archaeological Advisor to the Government of Tamil Nadu; Former Director of the Archaeological Survey of India, Delhi, India; sooraidayalan@gmail.com;
ORCID ID: 0000-0003-2804-8105

устье р. Кавери, выявили не только остатки пристани, относящиеся примерно к III в. до н. э., но и множество религиозных и светских построек этого периода. В ходе раскопок было также обнаружено большое количество находок иностранного происхождения, таких как фрагменты средиземноморских амфор, монеты, глиняная посуда и стеклянные предметы из Римской империи, Китая, Шри-Ланки и Юго-Восточной Азии. Эти находки свидетельствуют, что в ранний исторический период Каверипумпаттинам являлся частью международной морской торговой сети, будучи важным центром международной торговли. В статье подробно рассматривается морская торговая деятельность и космополитический характер этого древнего города.

Ключевые слова: Морской порт, эпоха Сангама, явана (греки), пристань, раскопки, вихара (буддийская монашеская обитель), Паттинаппалаи (поэма литературы Сангама), Манимегалаи (тамило-буддийский эпос VI в.), Шилаппадигарам (древнетамильский эпос V–VI вв.), Абхидхаммаватара (буддийский текст на пали, V в.), буддхапада, средиземноморская амфора

Для цитирования: Даялан Д. Каверипумпаттинам — космополитичный центр древнего Тамиллагама. *Эпиграфика Востока*. Т. 37. 2023. С. 25–43. DOI 10.31696/0131-1344-2023-25-43

Kāveripūmpattīṇam (10°46'N; 79°51'E), the celebrated port city of the illustrious Cōḷas of the Saṅgam age is said to have been situated on the confluence of the River Kāvēri and the Bay of Bengal. This city was known by several names in the ancient period namely Pukār, Pūmpukār, Kākanti [Maṇimēkalai, Canto. 22, line No. 37–38], Campāpati [Maṇimēkalai, Introduction, line Nos. 8 and 30] and Kāveripūmpattīṇam. The Periplus of Erythraean Sea refers to Kāveripūmpattīṇam as 'Camara' [Schoff, 1912] whereas Ptolemy refers to this place as 'Kaberis Emporion' [Gerini, 1992]. The Tamil literature of the 3rd–2nd centuries BCE to 1st–2nd centuries CE gives a vivid account of this celebrated port city of the Cōḷas, its harbour, well planned layout, beautiful mansions, sailors, merchants, and merchandise. Akanāṇūru, a Tamil literature of the 3rd–2nd centuries BCE mentioned that Pukār having fort wall touching to the sky with Makara (flag?) on its top and buildings whose top are so high which could not be visible [Akanāṇūru 181, line No. 20–22]. Puṇāṇāṇūru, another Tamil literature of the 3rd–2nd centuries BCE states that big ships entered the port without slacking their sails and poured out on the beach precious merchandise from different overseas countries and also other ports of India [Puṇāṇāṇūru 30, line No. 11–15].

The Paṭṭiṇappālai, yet another Tamil work of the same period, gives a lurid description of the various goods and articles of trade along with their place of origin, which came to Kāveripūmpattīṇam. Mention is made of horses from across the ocean, pepper from the western coast, semi-precious stones and gold from the northern hills, a fragrant wood called Aquila and sandalwood from Kuṭamalai (Potiyil hill), pearls from the southern seas (teṇkaṭal — coast of the southernmost part of Tamil Nadu), red coral from the ocean on the southern side

(kuṇakaṭal), products from the Ganges and Kaveri valleys, food products from Īlam (Sri Lanka), and perfumes from Kāḷakam (Kaṭāram-Kedah Province of Malaysia) [Paṭṭiṇappālai, line No. 185–192]. Further, it states that the ships were tied in the place surrounded by salt-pan like the horses tied in the stable [Paṭṭiṇappālai, line No. 30–32], and the flags were fluttering on the mast of the ships heaving in the port of Pukār like huge elephants shaking the strong post to which it was tied [Paṭṭiṇappālai, line No. 172–175].

Paṭṭiṇappālai, mentions many locations in Kāveripūmpaṭṭiṇam such as beautiful gardens (Puzhil), pond with high raised bund (Poygai), twin lakes which give pleasure both in the present life and in the next birth [Paṭṭiṇappālai, line No. 39], huge kitchen for offering food, hermitage or place for the performance of austerities [Paṭṭiṇappālai, No. line 53], multi-storeyed building raised on tall pillars [Paṭṭiṇappālai, No. line 111], high buildings [Paṭṭiṇappālai, line No. 145], outside hamlets with ring wells [Paṭṭiṇappālai, line No. 76], the Kali temple (?) guarded by spiritual elements or ghost located in the unapproachable area [Paṭṭiṇappālai, line No. 57], etc.

Paṭṭiṇappālai also speaks about the untiring duty of the officials, who collect custom or toll on the goods by stamping Tiger insignia (Cōḷa's royal insignia) on them and the goods unloaded from the ships and to be loaded in the ships were heaped in the warehouse near the coast [Paṭṭiṇappālai, line No. 121–135]. The picturesque narration of the seaport activities at Kāveripūmpaṭṭiṇam given in the Paṭṭiṇappālai is as follows:

On mountain slopes, that flows down plains
And rushes to merge with surging waves,
The countless cargoes from the land
Are shifted to the ships in the sea;
And loads and loads of cargoes there,
Quite varied beyond conceptual mind
Are moved to the land from the anchored ships
And piled up there in heaps and heaps.
In the customhouse that's to enter hard,
The ensign, a terror to thieves around
Stamp the royal Chola's sign
Of tiger on every piece before

It crosses the line of customhouse [Paṭṭiṇappālai, line No. 129–136].

The market street had a series of shops of various products on either side of it and the flags tied to the poles erected on the sides of the street were fluttering exquisitely [Paṭṭiṇappālai, line No. 163–168]. The merchants were honest and maintain transparency in their business [Paṭṭiṇappālai, line No. 206–212]. They shunned murder, and put aside theft,

pleased the gods by fire offerings... they regarded others' rights as scrupulously as their own, they took nothing more than was due to them and never gave less than was due from them. Trading thus in many articles of merchandise, they enjoyed an ancient heritage of prosperity and lived near one another. The cosmopolitan nature of Kāveripūmpaṭṭiṇam is indicated in the Paṭṭiṇappālai, which states that the people of various languages who immigrated from different nations live together happily in the city [Paṭṭiṇappālai, line No. 216–218].

Paṭṭiṇappālai, describes the activities and settlement of Paratavar, the fishermen folk on the coast of the Kāveripūmpaṭṭiṇam. They live in a small, thatched house with a narrow entrance on the outskirts of the city close to the coast. They plant the horn of shark fish on the sand as the representation of a deity and worship by adorning it with colourful flower garland [Paṭṭiṇappālai, line No. 87–90]. They took bath at the confluence of the River Kāvēri and the ocean and delight in witnessing the contest of sheep and cockfights [Paṭṭiṇappālai, line No. 77].

The Buddhist Jataka story mentioned that Bodhisattva was born in the well-off Brahmin family in Banaras and was named Akitti. He wanted to follow an ascetic life and left Banaras after disbursing all his treasures to the public. Akitti came to the kingdom Damiḷa (Tamil Nadu) and started dwelling in a park over against Kāvīrapaṭṭana. He cultivated a mystic ecstasy and supernatural faculties. There he received much honour and great store of gifts. But Akitti did not like and forsook it and passing through the air descended at the isle of Kāra, which is over against the island of Nāga (near Sri Lanka or part of it). At that time, Kāradīpa was named Ahidīpa, the Isle of Snakes. There he built a hermitage beside a great kāra-tree and dwelt in it. Notwithstanding, there is no direct reference to Kāveripūmpaṭṭiṇam in the Milinda Panha — The Question of King Milinda (1st century BCE), the seaport town on the Coromandel coast mentioned in this may be taken probably Kāveripūmpaṭṭiṇam [Rhys Davids, 1894].

The inscription engraved on a railing of Bhārhut stūpa states that it was the gift of a nun Sōma from Kākamti (kākamtiya sōmaya bikkhuniya dānam) [Cunningham, 1962]. Kākamti is often identified by scholars with Kākanti, the ancient name of Kāvīrippūmpaṭṭiṇam, which is said to have mentioned in the Maṇimēkalai [Maṇimēkalai, Canto. 22, line No. 37–38; Aruvar, 1975; Nagaswamy, 1980]. There are a few points yet to be settled before accepting this identification unanimously. Firstly, the name Sōma is not generally met with as a proper name in the Tamil land. Secondly, there is less possibility of contact between the coastal town on the extreme south and the remote Buddhist centre in Central India, in the pre-Christian era. It is interesting to note in this context that the inscriptions found at Sānchi, a famous Buddhist centre in Madhya Pradesh mention that locality as Kākanāya, Kākanāva, Kākanādapoṭa, etc [Marshall, 1982]. The word Kākamti referred to in the Bhārhut inscription may be taken as a corrupt form of Kākanāya or Kākanādapoṭa, as Sānchi is closer to Bhārhut than Kāvīrippūmpaṭṭiṇam.

This metropolis was also well known in times of yore as a glorious centre of Buddhism. Many texts such as Maṇimēkalai and Silappatikāram, the famous epics of Tamil literature (dated variously between 3rd and 6th century CE), Abhidhammāvatāra, Buddhavamsātha Katha, etc indicate the existence and perhaps the prosperous condition of the Buddhist establishments at Kāvīrippūmpaṭṭiṇam. Silappatikāram lauds Pukār equalled to heaven in its fame and the Serpent World in its enjoyment [Silappatikāram, Canto. 1, line No. 21–22], the varieties of foreign merchandise, rare commodities brought to the city by ships and caravans, were so vast that, even if the whole world, encircled by the roaring seas, flocked into it, its wealth would not become diminished [Silappatikāram, Canto. 2, line No. 3–7]. In different places of Pukār the onlooker's attention was attested by the sight of the abodes of Yavanas (foreigners) whose prosperity was never on the wane. On the harbour were to be seen sailors come from distant lands, but for all appearance, they lived as one community [Silappatikāram, Canto. 5, line No. 9–12].

The locality was known as Maruvūrpākkam in Kāvīrippūmpaṭṭiṇam city where the artisans of different professions live in their respective streets [Silappatikāram, Canto. 5, line No. 16–39]. In another part of the city, there were the royal street, the car street with flying flags, the bazaar street, the broad highway where highborn merchants lived in the turreted houses, and streets for the Brahmanas, physicians and astrologers respectively, agricultural communities, and the broad street having the residences of those who bored holes in gems and pearls, and for other who work on shells and the conches. There were also separate quarters for Sūtars and Māgadhar, religious dancers, astronomers, mock dancers, prostitutes, actresses, maidens bearing flowers and betels, maidservants, bagpipe musicians, drummers, buffoons, and jesters. In an extensive open space, on the outskirts of the city, were quarters occupied by cavalymen, elephant warriors, charioteers, and infantrymen. This region was further celebrated by the presence of highly renowned great men. It went by the name of Paṭṭiṇappākkam [Silappatikāram, Canto. 5, line No. 40–58]. The central part of the city between the two divisions Maruvūrpākkam and Paṭṭiṇappākkam was an open area with a lot of trees. Underneath the dense rows of the tree were erected permanent booths and stalls. That was the marketplace (nāḷaṅkāṭi) where the din and bustle of sellers and buyers could be heard throughout the day.

The Silappatikāram mentions many spots in Kāvīrippūmpaṭṭiṇam such as Veḷḷiṭai maṇṇam (open space where large bundles of goods were kept); Ilaṅci maṇṇam (place with the miraculous lake by bathing in, the dump, the deaf and lepers were cured and gained health and grace of form); neḍumkal niṇṇa maṇṇam (open space where stood the tall shining stone by the worship of which were cured all those who were suffering from palsy as a result of poison, those bitten by poisonous snakes and those who were possessed by devils); Būta-atukkam (the meeting place of four roads where stood the Būta, who punish the people of evil deeds); Pāvai maṇṇam (a place where stood the statue which would weep by shedding tears on every occasion when there was a deviation from the path of justice by the king). Viccirakōṭṭam (temple of Thunderbolt where the auspicious drum was kept),

Tarunilaikkōṭṭam (temple of the Kalpa tree), the temple of the great Lord who was never born (Siva temple), the temple of six-faced red Lord (Subrahmaṇya temple), the temple of Vāliyōṇ (Baladēva) whose complex was like the white conch-shell, the temple Neḍiyōṇ (Viṣṇu) of the dark colour, the temple of Indra of the victorious umbrella and the pearl garland, the Aravor palli (Jaina temple) [Silappatikāram, Canto. 5, line Nos. 169–173, 179], the Puṇṇilai kōṭṭam (temple on the outskirts), etc. The epic also graphically describes the shops on the seashore where various local goods and the seaborne goods brought by the foreign and outside merchants (pulam peyar mākkal), who have left their native homes and settled in Kāvīrippūmpaṭṭiṇam were sold [Silappatikāram, Canto, line No. 129–140]. The text also mentions beacon light erected to guide ships on the seashore, lamps taken out to sea by fishermen in their boats as they went for fishing, nightlong lights set up by foreigners speaking different languages, and the lamps lit by the watchmen of (the warehouses containing) valuable merchandise [Silappatikāram, Canto. 6, line No. 141–144].

While describing the story of Mālati, who lost her co-wife's child while feeding milk record many temples in Kāvīrippūmpaṭṭiṇam where she took the dead child for regaining life to the corpse. The temples were namely temple of divine Kalpa tree (Amarartaruk kōṭṭam), the temple of White Elephant (Vēlyāṇikkōṭṭam), the temple of the beautiful white god (Vēḷḷaināgarkōṭṭam), the temple of the Sun who rises in the east (Uccikkīḷaṅkōṭṭam), the temple of the city-god (ūrkkōṭṭam), the temple of the spear-god (Vēlkōṭṭam), temple of the Vajra (Vaccirakōṭṭam), the temple of the Deity who dwells outside the city (Puṇṇapaṇaiyāṇvāḷkkōṭṭam), the temple of Nigranta (Nikkantakōṭṭam, may be Jaina temple), the temple of the Moon (Nīlākkōṭṭam) and the temple of Sāttaṇ. The work also mentions the ground Suṭukāṭṭukkōṭṭam, where the goblin and Iḍākiṇi, who eats buried dead bodies [Silappatikāram, Canto. 9, line Nos. 9–13, 20–21].

Silappatikāram refers to two sacred tanks namely Sūryakuṇḍam (Sun tank) and Sōma-kunḍam (Moon tank) in the park near the confluence of the River Kāvēri and the sea. Those women who bathe in them and worship the God of Love enshrined there will ever enjoy the company of their husbands in this world. Besides, they will also attain heaven [Silappatikāram, Canto. 9, line No. 57–63]. Silappatikāram mentions that Kōvalaṇ and Kaṇṇaki, after passing out the tall outer gate of Pukār city on their journey to Madurai, they circumambulated the temple to Maṇivaṇṇaṇ (Maṇivaṇṇaṅkōṭṭam) sleeping on serpent-couch [Silappatikāram, Canto. 10, line No. 9–10]. Going beyond it they pass through the seven Intira vihāras (believed to be made by God Indra), where divinities moving in the sky explained treatises on dharma which were the divine words of the Aṇṇavōṇ (Buddha), under the shade of the bōdhi tree [Silappatikāram, Canto. 27, line No. 92], the highly shining Silātala, the Jaina temple and other places, which were in the outskirts of the urban area.

Maṇimēkalai, the epic composed with the intention of the exaltation of Buddhism, is crucial for the study of the various Buddhist establishments at Kāvīrippūmpaṭṭiṇam. It is, in fact, significant that Maṇimēkalai, the heroine of the poet-philosopher Sāttaṇār, started as a

Buddhist novitiate in Pukār, and was made to visit all the key centres of Buddhism in Tamiḻakam (Tamil Nadu), Īlam (Ceylon) and Southeast Asia. Maṇimēkalai adopted the robes of a bhikkuṇi under the tutelage of Aravaṇa aṭigal, the head of the Saṅgha of Pukār [Maṇimēkalai, Canto. 15, line No. 55–59]. Maṇimēkalai records many locations in Pukār such as Vaccirakōṭṭam [Maṇimēkalai, Canto. 1, line No. 27]; Sampāti vaṇam – the garden of Sampāti [Maṇimēkalai, Canto. 3, line No. 54]; Kavēra vaṇam – the grove where lived the sage Kavēraṇ, the father of Kāvēri [Maṇimēkalai, Canto. 3, line No. 56]; Ilavantikai park — the royal garden meant for the royal family and their associates [Maṇimēkalai, Canto 3, line No. 44–45]; Būtacatukkam [Maṇimēkalai, Canto. 20, line No. 29; Canto. 22, line 50]. The twin temples of the Kalpa tree and Thunderbolt (Tarunilai Vacciram ena iru kōṭṭam) [Maṇimēkalai, Canto. 5, line No. 114]; a transparent and sound-proof small pavilion made of crystal (paḷiṅkaṇai maṇḍapam) in the park called Upavaṇam in which kept the Lotus Seat (tamarai pīḍikai) studded with jewels [Maṇimēkalai, Canto. 3, line No. 61–66]; (this was also known as Pāta pīḍikai. Canto. 6, line No. 12); Cuṭukāṭṭukkōṭṭam [Maṇimēkalai, Canto 6, line No. 30]; Cakkaravāḷakkōṭṭam; Mutiyōḷkōṭṭam or Mutiyāḷkuṭigai [Maṇimēkalai, Canto. 17, line No. 88; Canto. 18, line No. 169; Canto. 19, line No. 39; Canto. 21, line No. 3; Canto. 22, line No. 3; Canto. 24, line No. 161], also known as Kuccarakkuṭikai [Maṇimēkalai, Canto. 18, line No. 145 and 152]; Ciraikkōṭṭam [Maṇimēkalai, Canto. 19, line No. 43 and 157–161]; Indra Vihāram [Maṇimēkalai, Canto. 26, line No. 55; Canto. 28, line No. 70] and other places.

The Cakkaravāḷakkōṭṭam, located near the burial ground, seems to have been a symbolic representation of the universe as per Buddhist notions. The account of Maṇimēkalai on Cakkaravāḷam which says that it had the depiction in clay; the Mēru hill, with its seven allied hills, four island continents, two thousand islets and the celestial's residents in them [Maṇimēkalai, Canto. 6, line No. 190–202]. It is interesting to note that this description strikingly corresponds with the plan of the remains unearthed from Pantuwasnuwara in Sri Lanka. The excavator of the site has given the following interpretation. 'The plan reminds one of the manners in which the universe was conceived by the people of India and Ceylon in ancient times. The square structure corresponds to the mountain Mēru, the ridges to the circles of mountains, which are said to encompass it, and the depressions to the oceans in between these circles of mountains. Encircling all it was believed, there was Cakkaravāḷa, beyond which the light of the sun and moon does not travel. The central features being buried, the universe must have been here represented as seen from a point very much above the summit of Mēru. There is thus reason to conclude that the circular site at Pantuwasnuwara is a representation in miniature of the universe... the Cakkaravāḷa' [Obevesekere, 1984]. In the Cakkaravāḷakkōṭṭam there was a huge assembly hall known as 'Ulaga aṇavi' having many entrances [Maṇimēkalai, Canto. 17, line No. 78]. The Cakkaravāḷakkōṭṭam at Kāviriṇṇipūmpaṭṭiṇam seems to be a model of a Vajrayāna maṇḍala.

Close to the Cakkaravāḷakkōṭṭam was the Cuṭukāṭṭukkōṭṭam (temple in the cremation ground) on the outskirts of Pukār. It was probably associated with the Kapālikas, a group of ardent Śaivas [Maṇimēkalai, Canto. 6, line No. 86–89]. Maṇimēkalai records the

Cuṭukāṭṭukkōṭṭam had a lofty compound wall with gates on all four sides. One of the gates had paintings of paddy, sugarcane, lakes of water and a garden. Another gate where stood a terrible figure mud-baked, its red lips pursed, eyes ferocious, the hands holding a noose and trident. The third gate with spaces all white-washed with lime but left blank with no drawing on the wall and the fourth gate with a representation of gods moving around in self-propelled chariots [Maṇimēkalai, Canto. 6, line No. 38–49].

Kuccarakkuṭikai was a small Buddhist temple, which is stated to have enshrined Goddess Campāpati [Maṇimēkalai, Canto. 18, line No. 144–145 & 152]. The name Kuccarakkuṭikai perhaps denotes a small temple of Gurjara (Gujarat) style. The temple was also known as Mutiyāl kōṭṭam (temple of the elderly goddess) [Maṇimēkalai, Canto. 19, line No. 39]. Campāpati was considered the tutelary deity of the Buddhist at Kāvīrippūmpaṭṭiṇam. In one of the pillars of the Campāpati temple existed the pillar-statue known as Kantil niṇṇa pāvai, a divine agent which has the spiritual power of explaining the past and future [Maṇimēkalai, Canto. 7, line No. 94–95; Canto. 17, line No. 89; Canto. 21, line No. 6–7; Canto. 22, line No. 2–3]. The pillar statue was the God Tuvatikaṇ retained here as a divine witness [Maṇimēkalai, Canto. 21, line No. 131 and 187].

On the lotus pedestal found in the pavilion made of crystal in the park called Upavanam was kept the replica of the Buddha's feet for worship and hence it was also known as Pāta pīḍikai [Maṇimēkalai, Canto. 6, line No. 11–12]. The Sāttaṇār states that Kiḷḷiṇaḷavaṇ, the Cōḷa king converted the prison into a Buddhist monastery at the request of the nun Maṇimēkalai and that was known as Cīraikkōṭṭam [Maṇimēkalai, Canto. 19, line No. 157–162; Canto. 20, line No. 11–12]. The existence of Buddhist monasteries called seven Intira vikārams at Pukār is conspicuously mentioned in the Silappatikāram and the Maṇimēkalai [Silappatikāram, Canto. 10, line No. 11–14; Maṇimēkalai, Canto. 26, line No. 55; Canto. 28, line No. 69–72]. The mentioning of seven vihāras at Kāvīrippūmpaṭṭiṇam is a quite interesting aspect. Number seven seems to be a very auspicious number to the Buddhist religion. From the statement in Silappatikāram, it is apparent that the vihāras were in the outskirts of the urban area [Silappatikāram, Canto. 10, line No. 14]. According to the tradition, the construction of these vihāras is ascribed to Mahēndra, son of Asoka and God Indra. Associating any place or religious edifices with the divine heroes or great kings to boost its importance and antiquity is a common tradition in India. Following this tradition, the vihāras at Pukār are also perhaps ascribed to divine authorship i.e., to Indra and the great kings like Asoka or Mahēndra. There is no probability at all of Asoka or Mahēndra having built a stūpa or monastery in this area. This narration is tainted by legendary accounts and cannot be relied upon in history. The Intira vikāram seems to be popular at that time and was prestigious to name the vihāras elsewhere after it and compare it with other vihāras. One of the vihāra at Vañci, the Cēra capital, was also called famously as Intira vikāram probably after the one at Kāvīrippūmpaṭṭiṇam [Maṇimēkalai, Canto. 28, line No. 69–71].

In the concluding lines of *Abhidhammāvatāra* (5th century CE), Buddhadatta the author of the work says, 'In the lovely Kāveripaṭṭana, crowded with hordes of man and women, not belonging to impure castes, endowed richly with all the requisites of a town... beautified with many gardens, and in a beautiful and pleasant monastery adorned with a mansion as high as the peak of Kailasa, built by Kanhadāsa... while I was living in an old house there, by me, who am shining with qualities, such as writing beautifully on good topics... this was composed and propounded extensively' [Rhys Davids, 1884]. After closing the benedictory lines, some later writers have added the colophon: This work named *Abhidhammāvatāra*, was composed by Buddhadatta āchārya, the inhabitant of Urugapuram (Uraiyūr).

In the *Nigamana* of the *Madhuratthavilāsinī*, Buddhadatta tells that on the land purified by the flowing of the waters of the Kāvira, in delightful Kāviraṭṭana, crowded with various men and women is a vihāra with divers charming walls and gates built by Kaṇhadāsa of gentle words. In a delightful building called *Godhāsālilasaṃpāta* with no encumbrance from bad people, which is blissful and where there is the joy of solitude, dwelling there in the eastern building, exceedingly cool, he wrote his *Madhuratthavilāsinī* (*Madhuratthavilāsinī nāma Buddhavamsatthakatha*) [Horner, 1946]. Vajirabuddhi, perhaps a contemporary of *Dhammapāla* (6th century CE) in his sub-commentary known as *Vajirabuddhiṭikā* referred to a Sāridhamma monastery at Kāviraṭṭana [Hinuber, 1996]. The *Sīhaḷavattuppakaraṇa*, a collection of edifying tales from the island Sīhaḷa, mentions that the pilgrims on their way *bōdhi* *vandanatthāya* (to venerate the *bōdhi* in northern India) after starting from Anurādhapura, went first to a port city called Mahākoṇḍa (*Mahātitttha*), embarked on a ship there and disembarked in Kāviraṭṭana. Although it was written in the 13th century CE by Dhammadinna the tales referred to in this are much earlier ones [Bareau, 1980].

The archaeological excavations conducted at various locations in Kāviriṭṭampāṭṭiṇam for more than a decade in the 1960s and 70s (i.e., 1963–1973) have yielded interesting results about the historicity of this ancient place [Soundara Rajan, 1994]. At Kīlaiyūr, a suburb of Kāviriṭṭampāṭṭiṇam a massive brick platform measuring 18.28 × 7.62 m in size was brought to light. In one of the corners, the remnants of wooden posts planted close to the brickwork were noticed (Fig. 1). The structure was built on natural sand and very likely represented a wharf in the backwaters where boats could have been anchored to the wooden posts [IAR, 1962–1963; Soundara Rajan, 1994]. The structural remains exhibit two phases of construction. It seems the first phase of the wharf was made of a series of poles laid in the soil at low tide, in an alignment of rows and seemingly secured to one another and the planks probably fixed on top as a platform, for loading and unloading the commodities brought from the sea into the backwaters by boats. This appears to have been elaborated and strengthened, in the subsequent phase, by a regular brick-built wharf of twin platforms, complete with a floor course and space in between the quay like platforms there was a channel for breakwaters to run through without eroding the bricks. C14 dating of the wood associated with the wharf was approximately between 300 BCE and 200 BCE say an average of 250 BCE. The brick wharf platform probably came up in the 1st century CE. The brick wharf was in use up

to the 2nd century CE or slightly later. The double platform wharf with a channel in between should have risen much higher suiting the high tide level of the lagoon anciently. It is also possible that this wharf was close to the high tide bank but in water.

The massive brick structure of almost semi-circular on plan, probably a sluice or small water reservoir, with a channel datable to 2nd–3rd centuries CE was laid bare at Vāṇagiri, another suburb of Kāvīrippūmpaṭṭiṇam (Fig. 2). The dimensions of the semi-circular structure are nearly 24 m in length north south and 8 m width and the central channel is 83 cm width. The channel seemed to have a corbelled roof [IAR, 1963–1964]. Fascinatingly the excavations in a locality known as Pallavanēśvaram in Kāvīrippūmpaṭṭiṇam demonstrate the existence of Buddhist vihāra and temple. The available evidence suggests that the monastery (vihāra) belonged to the 4th–5th centuries CE. It went into disuse in the 5th century CE, perhaps because of the intrusion of the sea. The temple seems to be later than the vihāra and can be dated to the 6th–7th centuries CE [IAR, 1972–1973].

One full wing of the monastery (vihāra), consisting of nine oblong cells, each measuring 3.10 × 2.40 m was laid bare (Figs. 3–4). On the south of these cells, a common veranda was there which measured about 2.25 m wide. There was a provision of drainages of wastewater, which moved through a drain under the monastery unit towards the north. The cells are laid in the southeast to northwest direction. The extent courses stand up to a metre or more and the size of the brick was 42 × 24 × 10 cm average. A small bronze figurine of a seated Buddha in dhyāna pose (Fig. 5) and a broken terracotta figurine of a goddess were found in one of the cells. The Buddha is shown on his head with the ushṇīśa, the cranial protuberance symbolising Buddhahood, in the form of a flame. The shawl covered only the left shoulder leaving the right bare. Stylistically this figure is datable to the 5th century CE or a little later.

There was a buddhapāda found away from the vihāra to its south (Fig. 6). It was tilted upside down at the time of discovery, showing thereby evidence of disturbance of life and desecration of the site temporarily. The pottery associated with this layer is datable around the 3rd–4th centuries CE. The buddhapāda was made of limestone from Palnadu region in Andhra Pradesh and it has a small receptacle cut between the long toes of the feet and intended for the relic offerings of bone fragments, which were customarily deposited in it, related to the ācharyas or the Buddha as the case may be, which is venerated. The buddhapāda of similar nature, of course, without receptacle socket noticed at Nāgarjunakoṇḍa is datable to the 3rd century CE by its inscription. The buddhapāda pair shows the auspicious symbols such as the pūrṇa-kalasa, svastika and śrivatsa, etc. The four important events of the Buddha's life ending with chaitya worship representing mahāparinirvāṇa are also depicted on the slab, which is datable to the 3rd–4th centuries CE.

The second stage of Buddhist activity at Kāvīrippūmpaṭṭiṇam began in the form of a temple or caitya. The caitya was excavated on the south of the vihāra was itself a good example of early brick architecture in Tamiḷakam (Figs. 7–8). Notwithstanding mainly the foundation and plinth of the ground floor of the structure is preserved at present, it reveals about

the techniques of the construction in brick, adopted at that time. The temple, square on plan, built in pañcaratha (five offsets) style stands on a lofty plinth of brick, moulded in jagatī, padma, etc. The rectangular or 'L' shaped as well as the small square voids in the foundation, together with the large central squarish void, would seem to suggest that the structures stood in more than one storey height. Probably the sanctum was on the top of the central large square void, after spanning the void by corbelling method and provided by the floor of the sanctum on its top. The 'L' shaped voids suggested that the staircases leading to the upper floor were provided from all three sides except the east, towards which the temple was facing. Except for the traces of granite members, perhaps used as pillars the entire structure was of brick and stucco. The walls were originally decorated with moulded bricks and stucco ornamentation. Traces of a few layers of paintings have also been noticed on the stucco pieces recovered in the excavation. There is no clear evidence about the height and number of storeys of the structure. However, it could not be less than two or three storeys, as it was not uncommon in the Brāhmaṇical temples of the age. The temple might have been surmounted by a vimāna either on the form of kūṭākāra or curvilinear. The available evidence suggests that the temple seems to be later than the vihāra and can be dated to the sixth–seventh centuries CE. The nature of some of the numerals engraved on the stone pillars, the style of the stucco heads of vyālas and dvārapālas, etc. found at the site also indicates that they are of the 6th–7th centuries CE [Soundara Rajan, 1994].

The statement made in the Maṇimēkalai that Pukār was swallowed by the sea [Maṇimēkalai, Canto. 29, line No. 34–35], may be taken as some sort of sea erosion of high tidal wave that lashed upon the city. Interestingly the excavations at Pallavanēśvaram revealed that there was a disturbance or disuse of the monastery around the 5th century CE, probably due to the intrusion of sea and activity was resumed after a break only in the 6th century CE when the brick temple was erected farther south of the monastery [Soundara Rajan, 1994]. However, the intrusion of the sea to the city perhaps caused only a temporary disturbance and the city had returned to normal state shortly. Buddhadatta was said to have written Abhidhammāvatāra in the 5th century CE when he was staying in the vihāra at Kāveripāṭṭana. Maṇimēkalai, the heroine of the epic, when she met her grandfather Māsāttuvaṇ in Vañci and Aṟavaṇa aṭṭigal, the Buddhist saint, in Kacci (Kāñci) discuss only the past incident of the incursion of the sea into Pukār city and during her lifetime, as narrated by Sāttaṇār, the city was in a good state [Maṇimēkalai, Canto. 28, line No. 79–82; Canto. 29, line No. 34–35]. It seems that there is no probability that the major part of the ancient Kāviriippūmpaṭṭiṇam was submerged in the sea as it is generally believed. The analysis of past mean sea-level (MSL) fluctuation of the Tamil Nadu coast recently indicates that the sea level has been continuously rising gradually since the last 20,000 years [Ramasamy and Saravanavel, 2019]. The details are as below:

1. 110 m below the present MSL during 15,000 BP.
2. 50 m below during 11,000 BP

3. 25 m below during 9000 BP
4. 20 m below MSL during 8000 BP and
5. 5 m below present MSL during 7000 BP

The recent Report of Ministry of Earth Science also revealed that the sea level rise has been estimated to be 1.3 mm per year, along India's coast during the last 40-50 years. The sea level rise in Chennai and adjoining areas, observed from 1916–2005, is about 0.33 mm per year. If 0.5 mm rise of sea level is considered average per year, the sea level at Kāvīrippūmpaṭṭiṇam during the Sangam period (2300 BP) may be about 2 to 3 m below present MSL and not more than that. On the northern side of the monastery (vihāra), a long compound wall built at a slightly later date was excavated. Outside this wall, a circular brick structure containing the skull, jaw and ribs of an animal of bovine species was found [IAR, 1972–73]. This may perhaps indicate the sacrifice tradition of the Vajrayāna sect. It is appropriate to point out here that the sacrifices were also reported to in the Vajrayāna temple of Hariti elsewhere [Saroja, 1992].

The excavations during 1963–73 at various localities in Kāvīrippūmpaṭṭiṇam have yielded also interesting antiquities and potteries. Notable among them were pieces of the Mediterranean amphora, the Roman lead coin, pieces of Roman glass objects, Chinese and Southeast Asian pottery from 1st–2nd centuries CE to 11th–12th centuries CE, Chinese jars of the Medieval period, the Chinese coins, grey and black-and-red ware pottery with a rouletted pattern, the copper coin of the early Cōḷas with Tiger on one side and the elephant on the other, terracotta objects, glass and semi-precious stone beads, shell and glass bangles, etc [Soundara Rajan, 1994]. The fact that Kāvīrippūmpaṭṭiṇam remained active even in the medieval period is attested by the excavations at Vellayan Iruppu, which yielded cultural materials belonging to the medieval period (9th–12th centuries CE) [Soundara Rajan, 1994]. In the seventh century Sāyāvaṇam (Tiruccāykkāḍu) and Pallavanēśvaram, the suburbs of Kāvīrippūmpaṭṭiṇam were sung by Tēvāram hymnners- Appar and Sambandar. They refer to the places as 'Kāvīrippūmpaṭṭiṇattu Pallavanēśvaram' and 'Pukār Cāykkāḍu'. Mēlaiyūr, a suburb of Kāvīrippūmpaṭṭiṇam had yielded beautiful bronzes including a gilded (covered thinly with gold leaf or gold paint) Maitrēya as a treasure trove in 1927. This place was a part and parcel of ancient Kāvīrippūmpaṭṭiṇam [Schalk, 2002]. Even today, a locality in Kāvīrippūmpaṭṭiṇam is known by the same name. This place is often wrongly located by scholars in the Nāgapaṭṭiṇam region [Ramachandran, 1954; Sivaramamurti, 1963]. The gilded Maitrēya figure has a socket beneath its hallow pedestal that suggests it would have been fixed on either the pedestal or prabha of a bigger image. This image is dated to the 8th–9th centuries CE. Perhaps the main image by the side of which the beautiful Maitrēya fixed originally is the magnificent gilded Buddha, now in the collection of the Museum of Fine Arts in Boston (Fig. 9). Originally it was flanked by two Bōdhisattvas probably Avalōkitēśvara and Maitrēya. Onshore and offshore exploration carried out in and around Kāvīrippūmpaṭṭiṇam jointly by the CSIR – National Institute of Oceanography, Goa and the Tamil Nadu State

Archaeology Department in 1993. The findings include ring well and Brahmi potsherd at Chinṇa Vāṇagiri, ring wells near Kannagi statue of Pūmpukār, a brick structure of 4 m length and 1.2 m width to the south of Kannagi statue datable to the 3rd–2nd century BCE, a U-Shaped structure at a depth of 23 m about 5 km off the shore and shipwreck at 19 m water depth [Rao et al., 1995–96].

References

- Akanāṇūru*. Venkatasami Nattar N. M., Venkatachalam Pillai A. R. (ed., comm.). Chennai: S.I.S.S.W. Publishing Society, 1957.
- Aruvar. *Pumpukar* (Tamil). Chennai: Tamil Nadu State Archaeology Department publications, 1975.
- Bureau A. *Le Sihalavattthuppakaraṇa*. Texte Pali et Traduction par Ver Eecke J. P.: EFEO, 1980. Nos. XII, XIII, XIV (...*mahākoṇḍāya nāvam abhirūhitvā kāveripaṭṭaneuttiṇṇā*).
- Cunningham A. *The Stupa of Bharhut*. Varanasi: Indological Book House, 1962.
- Dehejia V. The Persistence of Buddhism in Tamil Nadu. *Marg: A Magazine of the Arts*. Bombay: Marg Publications, 1988. Vol. 39. No. 4. Pp. 53–74.
- Gerini G. E. *Research on Ptolemy's Geography of Eastern Asia*. New Delhi: Asian Educational Services, 1992.
- Hinuber O, von. *A Handbook of Pāli Literature*. Berlin: Walter de Gruyter, 1996.
- Horner I. B. (ed.). *Madhuratthavilāsinī nāma Buddhavamsatthakatha*. L.: Pali Text Society, 1946.
- Maṇimēkalai*. Saminatha Iyar U. V. (ed., comm.), Chennai: Purasavakkam Venus Press, 1949.
- Marshall J. *The Monuments of Sanchi*. (Reprint). Delhi: Swati Publications, 1982.
- Nagaswamy R. *Art and Culture of Tamil Nadu*. Delhi: Sundeep Prakashan, 1980.
- Obevesekere G. *The Cult of the Goddess Pattini*. Chicago: University of Chicago Press, 1984.
- Paṭṭiṇappālai*. *Pattuppāṭṭu Mūlamum Nacciṇārkkīṇiyar Uraiyum*. Saminatha Iyar U. V. (ed., comm.). Chennai: Kesari Patippakam, 1950.
- Puṇanāṇūru*. Saminatha Iyar U. V. (ed., comm.). Chennai: S.I.S.S.W. Publishing Society, 1935.
- Ramachandran T. N. The Nagapattinam and Other Buddhist Bronzes in the Madras Museum. *Bulletin of the Madras Government Museum*. New Series — General Section. Madras, 1954. Vol. 7. No. 1. P. 52.
- Ramasamy S. M., Saravanavel J. Drowned Valleys of Vaigai and Tamiraparani Rivers in the Gulf of Mannar Region, India. *Current Science*. Bengaluru, 2019. Vol. 116. №. 12. Pp. 1958–1960.

- Rao S. R., Rao T. C. S., Gaur A. S., Sila Tripathi., Sundaresh, Gudigar P. Underwater Explorations off Poompuhar – 1993. *Journal of Marine Archaeology*. Springer, 1995–96. Vol. 5–6. P. 7–22.
- Rhys Davids T.W. (transl., ed.). *Abhidhammāvatāra, Buddhaddatta's Manuals*. Part I. *Abhidhammāvatāra and Rūpārūpavibhāga*. L.: Pali Text Society, 1884.
- Rhys Davids T. W. *The Questions of King Milinda*. (Transl. from Pali). Pt. II. Oxford: The Clarendon Press, 1894.
- Saroja G. V. *History of Buddhism in Tamil Nadu*. Paper presented in the International Seminar on Tamil Buddhism held at Chennai during May 25–31, 1992.
- Schalk P. (ed.), Velupillai A. (co-ed.). *Buddhism among Tamils in Pre-Colonial Tamiḻakam and Iḻam*. Pt. 2 (The Period of the Imperial Cōḻar. Tamiḻakam and Iḻam). Uppsala, Sweden: Acta Universitatis Upsaliensis, Historia Religionum, 2002. Vol. 20.
- Schoff W. H. (transl., ann.). *The Periplus of the Erythraean Sea — Travel and Trade in the Indian Ocean by a Merchant of the First Century*. New York: Longmans, Green, and Co., 1912.
- Silappatikāram*. Saminatha Iyar U. V. (ed. a. comm.). Chennai: Kapir Accukkūṭam, 1950.
- Sivaramamurti C. *South Indian Bronzes*. Delhi: Lalit Kala Academy, 1963.
- Soundara Rajan K. V. *Kaveripattinam Excavations 1963–73 (A Port City on the Tamil Nadu Coast)*. New Delhi: ASI, 1994 (Memoirs of the Archaeological Survey of India. №. 90).

Illustrations²



Fig. 1

Excavated remains of the wharf of Kaveripumpattinam

² Figures 1-4 and 8 – courtesy Archaeological Survey of India, figures 5-7 - author's foto collection, figure 9 – courtesy Peter Schalk.



Fig. 2

Excavated remains of the water reservoir with a channel, Kaveripumpattinam



Fig. 3

Exposed cells of Buddhist monastery (vihāra), Kaveripumpattinam

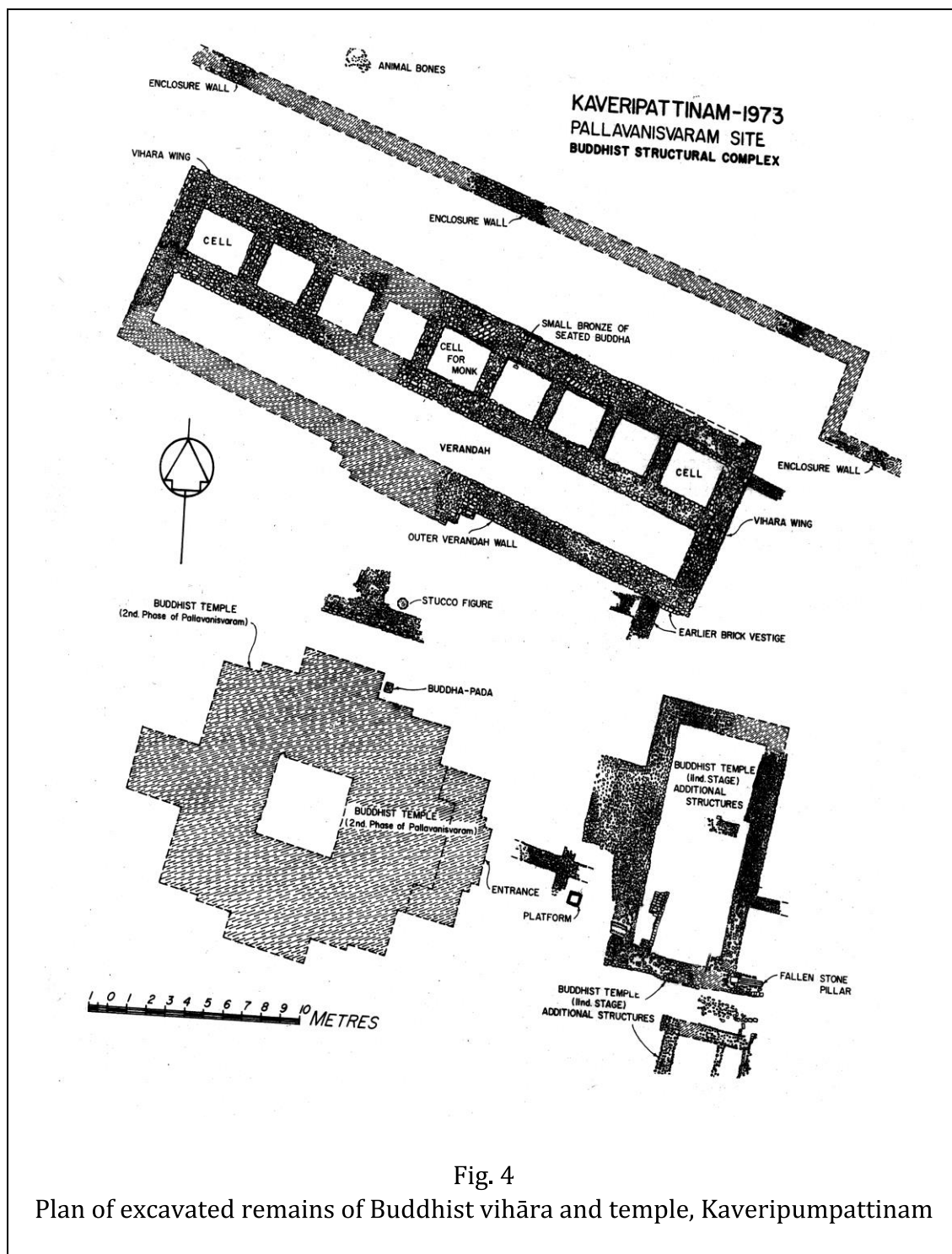


Fig. 4

Plan of excavated remains of Buddhist vihāra and temple, Kaveripumpattinam



Fig. 5
Bronze figurine of seated Buddha, Kaveripumpattinam



Fig. 6
Buddhapāda found near the vihāra, Kaveripumpattinam



Fig. 7
Excavated remains of Buddhist temple, Kaveripumpattinam

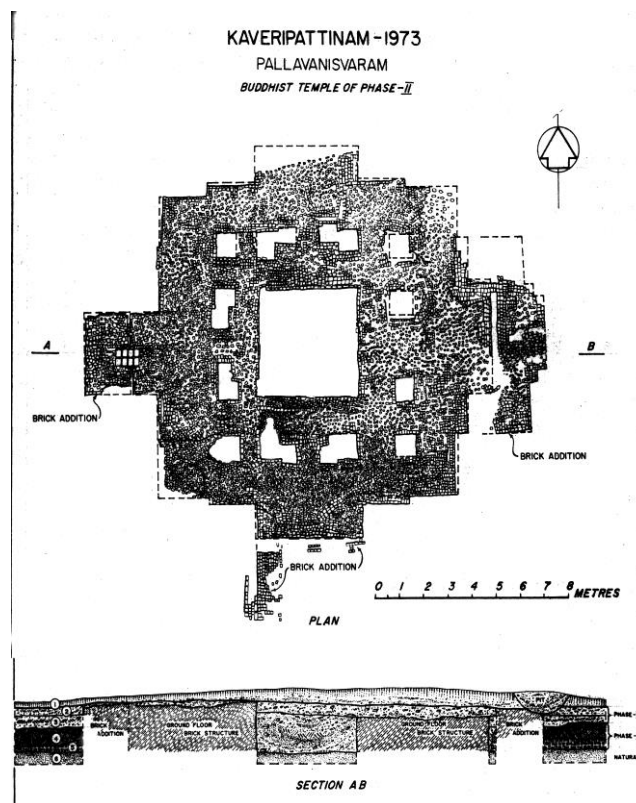


Fig. 8
Plan and elevation of Buddhist temple remains, Kaveripumpattinam



Fig. 9

Gilded Buddha now kept in Museum of Fine Arts in Boston, Kaveripumpattinam

DOI 10.31696/0131-1344-2023-44-62

МЕМОРИАЛЬНЫЕ СТЕЛЫ НА РОДИНЕ МАСАОКА СИКИ

А. А. Долин¹**Аннотация**

Хайку Нового времени обязаны своим вторым рождением на пороге XX в. замечательному поэту и теоретику стиха Масаока Сики. Его новаторские идеи не только помогли спасти от угасания древний поэтический жанр, но и проложили путь для блестящих экспериментов. Имя Сики неразрывно связано с судьбой его «малой родины», замкового города Мацуяма на острове Сикоку, где поэт провел юность и куда впоследствии не раз возвращался. Земляками Сики оказались и многие его сподвижники в деле возрождения хайку, а впоследствии лидеры магистральных школ Нового времени. Память о них запечатлена в каменных поэтических скрижалях.

Около сотни мемориальных стел со стихами Сики, установленных в храмах и парках Мацуямы, не только являют собой важный элемент урбанистической планировки города, но и создают неповторимую поэтическую атмосферу. Трехстишия Сики оживляют образ великого уроженца Мацуямы и доносят его строфы до широких народных масс, тем самым пробуждая в людях интерес к личности и творчеству поэта.

Ключевые слова: поэзия хайку, мемориальные стелы, город Мацуяма

Для цитирования: Долин А. А. Мемориальные стелы на родине Масаока Сики. *Эпиграфика Востока*. Т. 37. 2023. С. 44–62. DOI 10.31696/0131-1344-2023-44-62

MEMORIAL STELES IN MASAOKA SHIKI'S HOMELAND

Alexander A. Dolin

Abstract

In the Meiji period, *haiku* of the new age were reborn due to the endeavor of Masaoka Shiki, a remarkable poet and theoretician of verse. His innovative concepts not only helped to save the fading traditional genre from oblivion but also paved the way for the brilliant experiments in the field of *haiku* and *tanka* as well. The name of Shiki is closely related to the destiny of his home castle city Matsuyama (Shikoku Island) where the poet spent his youth and where

¹ Александр Аркадьевич Долин — кандидат филологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Школа востоковедения; старший научный сотрудник Центра изучения Японии ИВ РАН, akitadol@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-9602-1855

Alexander A. Dolin — PhD (Literature), Professor, National Research University “Higher School of Economics”, School of Asian Studies; Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; akitadol@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-9602-1855

he would return periodically later. Quite a few Shiki's friends, disciples, assistants, and later leaders of the major poetic schools of the new times on the path of *haiku* restoration proved to be his compatriots. Their memory is now also inscribed on the poetic stone steles.

About one hundred poetic stone steles dedicated to Shiki and erected in the temple precincts and parks of Matsuyama not only are an important component in the urban design, but also produce a unique poetic atmosphere. Shiki's *haiku* revive the image of the great citizen of Matsuyama and bring his poetic heritage to the people who turn with new interest to the biography and poetic collections of Masaoka Shiki.

Keywords: *haiku* poetry, Masaoka Shiki, Matsuyama city, memorial poetic steles

For citation: Alexander A. Dolin. Memorial steles in Masaoka Shiki's homeland. *Oriental Epigraphy*. Vol. 37. 2023. P.44–62. DOI 10.31696/0131-1344-2023-44-62

В ряду великих мастеров поэзии хайку Масаока Сики (1867–1902) числится четвертым и последним — после Мацуо Басё, Ёса-но Бусона и Кобаяси Исса. Однако если говорить о традиционных поэтических жанрах в Новое время, Сики, без сомнения, займет первое место — просто потому, что без него поэзия *танка* и *хайку* могла остаться лишь курьезным реликтом, уходящим в прошлое вместе с другими пережитками феодальной Японии.

Масаока Цунэнори (будущий поэт Сики) родился в семье небогатого отставного самурая в 1867 году, накануне реставрации Мэйдзи, которая открыла перед феодальной Японией путь в светлое капиталистическое будущее и приобщила обособленную дальневосточную империю к наследию мировой цивилизации. В те времена Мацуяма, родной город Сики на острове Сикоку, представлял собой глухой уголок живописной провинции с величественным замком на холме и сгрудившимися вокруг него приземистыми хрупкими строениями, крытыми черепицей.

В шесть лет Цунэнори потерял отца. Мать, обремененная заботами о хлебе насущном, при всем желании не могла дать мальчику приличного образования. Его путь в большую литературу начался с приходской школы при местном храме. Когда ему исполнилось восемь лет и первые сотни иероглифов из многих тысяч уже были зазубрены, Цунэнори твердо решил, что станет ученым-филологом. Своей мечте он остался верен до конца. Уже в двенадцать лет он начал писать стихи на китайском (*канси*), уделяя все свободное время штудированию древних текстов, которые приходилось копировать от руки, взяв ненадолго в местной библиотеке.

Едва успев закончить среднюю школу и пренебрегая повышенной средней, шестнадцатилетний Цунэнори устремился в Токио, чтобы найти себе там применение на литературном поприще. Он поступил сначала на подготовительное отделение Токийского Имперского университета, а затем в 1890 году успешно сдал экзамены на литературный факультет. Увлекался завезенным

недавно из Америки бейсболом... Годом раньше у него открылось кровохарканье — дала себя знать болезнь бедных, неизлечимая в ту пору чахотка. Туберкулез, нажитый усердным школяром в годы, когда пристанищем ему служили холодные, грязные комнатухи в токийских трущобах, остался его зловещим спутником на всю жизнь. Узнав, что дни его сочтены, Масаока Цунэнори решил взять литературный псевдоним Сики — Горная кукушка. По древнему поверью, у горной кукушки (чьи трели нисколько не похожи на знакомое нам монотонное кукованье) при пении идет горлом кровь.

Однако известие о том, что он приговорен к скорой и мучительной смерти, не остановило Сики и не отвратило его от творчества. Наоборот, он с удвоенной энергией набрасывается на книги, пробует кисть в различных стихотворных жанрах, занимается рисованием, много путешествует по стране и ведет художественные путевые дневники, знакомится с ведущими столичными поэтами и критиками — словом, стремится как можно скорее определиться в своем призвании и занять подобающее место в литературном мире. Вкус к сочинению *хайку* появляется у него после знакомства со знаменитым сборником трехстиший Басё *Сарумино* «Соломенный плащ обезьянки». Оригинальность взглядов, свежесть эстетических оценок и незаурядный поэтический талант позволяют молодому провинциалу с неожиданной быстротой внедриться в токийскую литературную среду и найти в ней свою нишу.

В 1892 году Сики впервые получил возможность обосноваться в собственном жилище. Маленький одноэтажный дощатый домишко в Токио, ставший ныне (после реконструкции) домом-музеем Сики, находился в районе Нэгиси, недалеко от большого столичного парка Уэно. Сегодня скромная обитель Сики возле одной из центральных станций кольцевой «надземки» Угуисудани (Соловьиная падь) окружена унылыми и безликими бетонными зданиями с преобладанием популярных в Японии приютов мимолетной любви, лав-отелей. Но сто лет назад все выглядело иначе. Дом стоял на окраине Токио, среди пышной зелени. Сики любил эту жизнь наедине с природой — так же, как любил он и сосредоточенный азарт поэтических турниров, и жаркие споры в литературных салонах, и праздничную атмосферу столичных вернисажей. Но больше всего на свете он любил книги. Он был прежде всего человеком книжной культуры, наследником эдоских *бундзин*, виртуозов кисти и поэтического слова. Однако Сики был слишком талантлив и независим, чтобы довольствоваться ролью скромного «книжного юноши», проводящего время в пыли библиотек. Он нуждался в многотысячной аудитории для пропаганды своих взглядов — и эта аудитория, словно по мановению волшебной палочки, была ему предоставлена.

В 1892 году Сики, до того лишь примерявшийся к литературной стезе, впервые определенно заявил о своем намерении стать поэтом. Ничто из его главных трудов еще не было написано. Он лишь успел приступить к систематическому изучению *хайку* и опубликовать несколько небольших статей, которые отнюдь не свидетельствовали о заслугах автора в данной области. Тем не менее обаяние личности этого сублильного некрасивого юноши было настолько велико, что ему как бы авансом была предложена почетная должность редактора поэтической страницы в крупнейшей центральной газете «Ниппон симбун». Сики в ту пору был еще студентом университета! Для страны с развитыми традициями возрастной и служебной иерархии это назначение было абсолютно невероятно и необъяснимо, так что его трудно рассматривать иначе, чем перст судьбы, указующий молодому автору путь к реформам поэтики.

Весной 1895 г. Сики отправился на театр военных действий в Китай, где провел месяц в окрестностях Цзиньчжоу, с энтузиазмом описывая для соотечественников победоносные баталии императорской армии в ходе Японо-китайской войны. Чувство воинственного патриотизма, столь типичное для большинства японских писателей эпохи Мэйдзи, оказалось не чуждо начинающему поэту. Однако впоследствии оно переросло в одно осознанное стремление — возродить и возвеличить отечественную литературу, сделав ее достойной исторических свершений великой восточноазиатской державы.

По пути из Китая на родину у Сики открылось сильное кровотечение из легких. Он попал в больницу в Кобэ, а оправившись, перебрался на долгое время в родной город, Мацуяму, чтобы там, вдали от столичной суеты, продолжить свои литературные изыскания. Должность в газете была сохранена за ним заочно. В Мацуяме Сики провел три месяца. Этого времени оказалось достаточно для того, чтобы сформировать круг единомышленников и создать собственную школу *хайку*! В числе его преданных друзей и учеников оказались поэты Такахама Кёси, Найто Мэйсэцу и Кавахигаси Хэкигото, а также приехавший в Мацуяму преподавать в школе английский выдающийся романист Нацумэ Сосэки, с юности увлекавшийся *хайку*. В дальнейшем поэтическое общество, родившееся из школы Сики, приняло название «Хототогису» («Горная кукушка» — слово, записывающееся теми же иероглифами, что и Сики) и вскоре заняло господствующее положение в мире *хайку*, которое сохраняет и поныне.

В дом Сики навещали поэты, критики и просто любители изящной словесности со всей страны. Там были написаны тысячи стихов, десятки статей и эссе, сотни отзывов и рецензий. Ныне укромная обитель Сики в Мацуяме по-

мещена внутри двухэтажного стеклобетонного мемориального музея, похожего на мавзолей, и выглядит курьезной этнографической деталью богатого, со вкусом оформленного интерьера...

Беспощадно порицая эпигонскую поэзию *хайку*, а впоследствии и *танка*, Сики все же допускал возможность возрождения для обоих жанров и, более того, именно в этом возрождении видел свою миссию. Ему удалось собрать практически все хайку, опубликованные за три столетия — с конца шестнадцатого века до конца девятнадцатого, собственноручно переписывая лучшие произведения бесчисленных авторов и объединяя их в сезонные циклы, изучая особенности лексики и тропы. Объем охваченного материала — сотни тысяч стихов — был настолько велик, диапазон исследований настолько широк, а суждения автора настолько весомы и хорошо обоснованы, что никто из лучших поэтов и критиков даже не пытался вступить с нарушителем спокойствия в серьезную полемику.

Пафос выступлений Сики сводился в первую очередь к отрицанию шаблонов и стереотипов, утвердившихся за последние полтора столетия в мире *хайку*. Он жестоко критиковал поэтов-эпигонов, перпевающих с унылым постоянством из поколения в поколение одни и те же сезонные образы и темы, слепо поклоняющихся своим рукотворным кумирам.

В целом Сики отнюдь не отвергал изначальные принципы *хайку*, столь типичные для поэтики Басё и его школы: недосказанность, многозначность, суггестивность — все то, что позволяет поэту выразить «многое в немногом». Вслед за Басё он признавал ценность таких эстетических категорий, как *саби* (ощущение печальной прелести изменчивого мира), *ваби* (осознание тоскливого одиночества человека во Вселенной), *фуэки рюко* (постижение вечного в текущем), *сибуми* (восприятие терпкой прелести бытия), *каруми* (легкость и органичность изобразительных средств). Однако Сики убедительно показал, что сам Басё и мириады его последователей оказались в плену условностей, слишком часто жертвуя жизненной правдой и полнотой художественного образа во имя воплощения ими же канонизированного идеала красоты.

Главная заслуга Сики состоит в стремлении избавить поэзию традиционных жанров от косности, начетничества, векового консерватизма. Выступая в роли «посредника» между литературой Средневековья и Нового времени, он открыл перед поэзией *хайку* перспективу перехода к реалистическому изображению действительности. При этом Сики стремился подытожить мироощущение художника новой, переходной эпохи. Он, в частности, сформулировал учение о двух типах красоты: восточном, пассивном, присущем китайской класси-

ческой лирике, поэзии Басё и в целом всему жанру *хайку*, — и западном, активном, присущем всему европейскому искусству, а также нарождающемуся современному искусству Японии.

Многие города мира достаточно прочно связаны в сознании читателей с именами великих писателей и поэтов. Памятники классикам стоят во всех странах. Пушкин и Лермонтов, Байрон и Шелли, Верлен и Рембо, Гёте и Гейне неоднократно увековечены в бронзе. Их скульптурные портреты можно встретить почти всюду в родных местах поэтов. Однако в Японии издревле существовали другие способы увековечить память поэта, накрепко связать его имя и творчество с «малой родиной». Это их стихи, высеченные на сотнях и тысячах каменных скрижалей — мемориальных стел, установленных возле их домов и в пределах храмов, в местах литературных собраний, творческих встреч и просто в парках, где любили бродить барды.

Масаока Сики, признанный патриарх новой поэзии, сделал Мацуяму мировой столицей *хайку* Новейшего времени. Его земляки, друзья и ученики, перебравшиеся в Токио, Киото, Акиту, а также другие города и веси Японии донесли выдвинутый им принцип «отражения натуры» до многих тысяч поэтов во всех уголках страны. Прежде не слишком известная культурной жизнью провинциальная Мацуяма превратилась в город поэтической славы. В сентябре 1999 г. на базе мемориального общества Сики была принята Декларация Мацуямы, провозглашавшая *хайку* важнейшим транснациональным средством культурного общения. Начали проводиться ежегодные международные конкурсы *хайку*, в которых призерам вручалась премия имени Масаока Сики. Был построен новый музей Сики, ставший местом паломничества поэтов из всех уголков света.

Именно за последние три десятилетия в городе резко увеличилось число мемориальных стел с произведениями самого Сики (таковых насчитывается в Мацуяме уже более сотни) и поэтов его школы. Каменные глыбы *кухи* стали важным градообразующим элементом, функция которого как раз и сводится к утверждению Мацуямы в качестве «столицы *хайку*», одного из важнейших культурных центров страны, а может быть, и всего цивилизованного мира. Присутствие *кухи* в храмах, на площадях, в скверах и парках города постоянно напоминает жителям и гостям Мацуямы о славной поэтической истории этих мест. Те же стелы выполняют роль неиссякаемого поэтического ресурса, который будет вечно напоминать новым поколениям жителей Мацуямы и заезжих туристов из других уголков Японии об их великом земляке и его школе *хайку*, которая благополучно вошла в XXI век.

1.

色里や
十歩はなれて
秋のかぜ

В десяти шагах
от «веселого квартала»
осенний ветерок...

Стела установлена в храме Хогон-дзи
на термальном курорте Дого.

6 октября 1895 Сики отправился на термальный курорт Дого вместе с Нацумэ Сосэки и на обратном пути сложил эту хайку, проходя мимо «веселого квартала» Мацугаэ-тё.



2.

牛行くや
毘沙門阪の
秋の暮

Корова бредет
по склону Бисямонтена² —
осенний сумрак...

Стела установлена на перекрестке трех дорог
по пути к префектуральному университету Эхимэ
к северо-западу от замка Мацуяма.



² Бисямонтен — одно из популярных буддийских божеств.

3.

若鮎の二手になりて上りけり

Молодь форели,
разделившись на две стайки,
плывет вверх по течению...

Стела установлена в пригороде Мацуямы у моста Дзаи (мост Встречи) у слияния рек Сигэнобу и Иситэ, неподалеку от деревни Нагара, куда Сики еще в детстве навещался в гости к приятелю Курата Такэти.



4.

春や昔
十五万石の
城下哉

Весна — все как встарь.
Вокруг замка на полях
немерно риса...

Стела установлена на площади городского вокзала в г. Мацуяма и стала одной из узнаваемых достопримечательностей города.



5.

見あぐれば塔の高さよ秋の空

Поднимаю взор —
пагода уходит ввысь,
в осеннее небо...

Стела установлена в храме Иситэ-дэра в одном километре от термального курорта Дого близ Мацуямы.



6.

「松山や秋より高き天守閣」

Мацуяма —
выше осенних небес
вздывается замок...

Стела установлена возле терминала канатной дороги, ведущей в замок Мацуяма на высоком холме. Возле стелы — почтовый ящик, в который все желающие могут опускать свои хайку. Открытые чтения этих стихов проводятся раз в два месяца.



7.

旅人のうた登り行く若葉かな

Уносится ввысь
песня путников на склоне —
молодая листва...

Стела установлена в квартале Кубоно-тё в Мацуяме. Хайку сложена в 1892 г. во время путешествия в храм Ивая, предпринятого Сики с друзьями по поэтическому цеху.



8.

閑古鳥竹のお茶屋に人もなし

Голос кукушки.
«Бамбуковый» чайный домик
совсем обезлюдел...

Стела установлена у входа в сад бывшего чайного домика в районе Хига-сино, в Мацуяме. Домик для чайной церемонии в стиле школы Ура-Сэнкэ был



построен в XVII в. по приказу князя Мацудайра Саданобу и назван «Бамбуковым», поскольку был целиком сделан из бамбука. Камни фундамента и пруд, имитирующий по форме знаменитое озеро Бива близ Киото, сохранились до наших дней.

9.

身の上や御鬪をひけば秋の風

Каково мне будет?
Предсказанья вытянул
На осеннем ветру...

Стела установлена в храме Иситэ-дзи, в Мацуяме.

Хайку сложена в 1895 г. во время прогулки. Сики вытянул билетик с предсказанием, которое гласило: «Твоя болезнь продлится, но в целом вс т жизни будет хорошо».

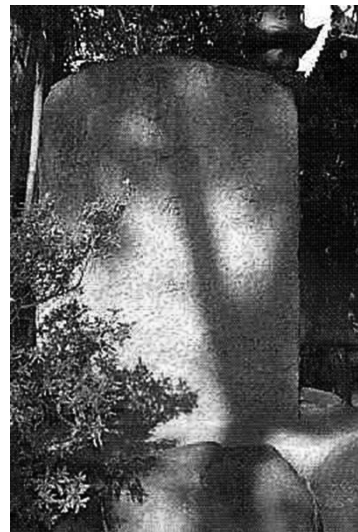


10.

南無大師石手の寺よ稲の花

Славься, Кобо Дайси³!
Храм Иситэ, а вокруг —
Цветенье риса...

Стела установлена в храме Иситэ-дзи в Мацуяме.
Хайку написана во время прогулки в 1895 г.

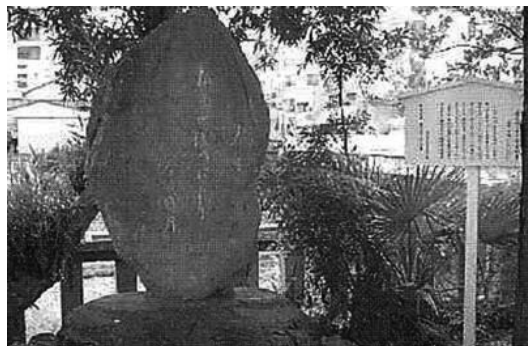


³ Кобо Дайси (Великий учитель распространитель дхармы) — Кукай (774–835), выдающийся религиозный деятель и просветитель японской древности. Легенда приписывает ему создание традиции паломничества по восьмидесяти восьми буддийским храмам острова Сикоку, в число которых входит и Иситэ-дзи.

11.

新立（しんだて）や
橋の下より
今日の月

Синдатэ —
из-под моста люблюсь
сегодняшней луной.



Стела установлена в квартале Синдатэ в Мацуяме у моста через реку Иситэ. Хайку написана в 1895 г. по случаю полнолуния 3 октября.

12.

城山の
浮かみ上るや
青嵐

Замковая гора
вздывается в зелени листьев
навстречу буре...



Стела установлена на городском вокзале в Мацуяме.
Хайку сложена в 1892 г.

13.

永き日や菜種つたひの七曲り

Долгий денек.
Вдоль семи излучин дороги
поля сурепки...



Стела установлена в парке Такасаки в Мацуяме. Дорога Семи излучин (Нанамагари) между Химэбара и Камогава была построена с изгибами по стратегическим соображениям владельцем замка Мацуяма Като Ёсиакира.

14.

真宗の伽藍いかめし 稲の花

Храм секты Син
вздымается величаво
над цветущим рисом.

Стела установлена в храме Соко-дзи в Мацуяме, однако в хайку (написана в 1895 г.) упомянут другой храм буддийской секты Син (Истина) Рэмпуку-дзи.



15.

母様に見よとて晴れしふじの雪

Распогодилось —
Пусть увидит матушка снег
На вершине Фудзи...

Хайку высечена на одном из памятных камней, установленных на месте бывшего дома матери и сестры Сики из двух комнатушек площадью в четыре и шесть *татами* в квартале Минато-тё в Мацуяме.

Домик был построен на богатом подворье семейства Охара в ста метрах от другого домишки, где Сики родился и вырос. Проданный в 1889 г. старый дом был сломан в 1923-м, однако несколько балок уцелели и пошли на строительство павильона Сики-до в саду храма Сюдзю-дзи в Мацуяме. В ноябре 1892 г. мать и сестра Сики отправились навестить поэта. Сики встретил их в Кобэ. Затем вся семья посетила Киото и далее переехала в Токио. Этому событию Сики посвятил несколько хайку.



16.

風呂吹を喰ひに浮世へ百年目

Сто лет его нет,
а будто вот-вот воскреснет
отведать *фуруофуки*⁴...



⁴ *Фуруофуки* — блюдо из вареной редьки, залитой соевым соусом мисо.

Стела установлена в храме Энко-дзи в Мацуяме в 1896 г. На ней указано, что она посвящена столетию со дня смерти преподобного Мэйгэцу (1718–1797), известного поэта и каллиграфа, проходившего обучение в этом храме.

17.

節季候の札の辻にて分れけり

На исходе года
расходятся два нищих —
перекресток Фуда...

Стела установлена на перекрестке Фуда в Мацуяме, в месте, которое служило на Сикоку точкой отсчёта расстояния до важнейших пунктов.

Нищие и, в частности, монахи, собирающие подаянье, обычно обходили дома, закрыв лицо соломенной шляпой, с бамбуковым посохом и деревянной плоской.



18.

くれなるの梅散るなへに故郷に
つくしつみにし春し思ほゆ

В родимом краю
Опадают цветы алой сливы —
И вспомнилось мне,
Как в далекую пору детства
Собирал здесь хвощи когда-то...



Стела была установлена в 1952 г. на месте дома в Мацуяме, где Сики жил до семнадцати лет, к пятидесятой годовщине его смерти. Это была первая в Японии памятная стела с *танка* Сики.

19.

三津口を又一人行く 袷哉

В предместье Мицу
Еще одного приметил —
Платье в полоску*⁵...

Стела установлена возле Общественного
оздоровительного центра в Мицу, в пригороде
Мацуямы.

Хайку сложена в 1892 г.



20.

秋風や高井のていれぎ 三津の
鯛

Осенний ветер —
сезон кардамона из Такаи⁶,
форели из Мицу...

Стела установлена в храме Сайрин-дзи в
окрестностях Мацуямы.



21.

興居嶋へ魚舟いそぐ 吹雪哉

К острову Гого
рыбачья лодка спешит
сквозь снежный буран...

Стела установлена у моста Сёва в портовом
городке Такахама в пригороде Мацуямы.



⁵ Согласно старой токугавской регламентации, легкие халаты-кимоно в полоску следовало надевать с наступлением лета.

⁶ Кардамон (*cardamine regina*) из Такаи славится в Мацуяме как сезонная приправа к *са-сими*.

22.

松に菊古きはものゝなつかしき

Так сердцу милы
старые мои друзья —
сосны, хризантемы...

Стела установлена возле дома культуры Бункё в парке на термальном курорте Дого под Мацуямой.

Хайку сложена в 1887 г.



23.

御所柿に小栗祭の用意かな

Хурма Госё⁷.
Готовятся к празднику
в селенье Огури...

Стела установлена в святилище Огури (впоследствии переименовано в Югун) в Мацуяме.

Хайку написана в 1895 г., когда Сики посещал одного из собратьев по сообществу хайку в окрестностях храма.



⁷ Госё – название сорта хурмы.

24.

行く秋や手を引きあひし松二木

Уходит осень —
будто за руки взялись
эти две сосны...⁸

Стела установлена в святилище Мисима в Мацуяме в 1933 г. Это первая стела с хайку Сики, появившаяся на Сикоку.

Хайку написана в 1895 году.



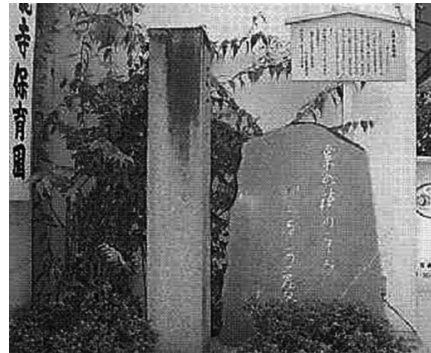
25.

栗の穂のこゝを叩くなこの墓を

О ветви каштана,
не бейтесь листвой о плиту
на этой могиле!..

Стела установлена в Хорю-дзи, семейном буддистском храме семейства Сики, где был похоронен его отец.

Хайку сложена в 1895 г. при посещении храма. Хайку предваряет запись: «Посетил нашу родовую усыпальницу в храме Хорю-дзи и увидел, что она превратилась в заброшенное захоронение на пустыре. Невольно слезы навернулись на глаза».



26.

萱町や裏へまわれば青簾

В квартал Кая-тё
завернул — и везде в домах
зеленые шторы*⁹...

Стела установлена в святилище Омисима в квартале Кая-тё в Мацуяме.



⁸ «Взявшиеся за руки сосны» сохранились до наших дней.

⁹ Имеются в виду зеленые плетеные загородки от солнца из свежей рисовой соломы *сударэ*.

Хайку написана в 1892 г.

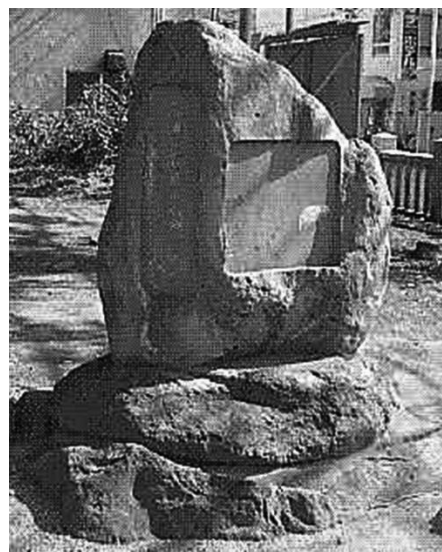
27.

名月や
伊予の松山
一万戸

Полная луна —
в краю Иё, в Мацуяме,
десять тысяч крыш...¹⁰

Стела установлена в святилище Ануми в Мацуяме.

Край Иё — область, в которой расположен город Мацуяма (статус города Мацуяма получила в 1889 г., когда в ней насчитывалось всего 7519 домов с тридцатью тремя тысячами жителей).



28.

じゅずだまや普通ひし叔父が家

Зёрнышки дзюдзу¹¹
мне напомнили дядюшкин дом,
где бывал когда-то...

Стела установлена перед дворцом культуры Кисибодзин в Мацуяме.

Хайку написана в 1895 г. Упоминается дом Саэки Масафуса, старшего брата отца Сики, к которому юный Цунэнори с шести лет ходил заниматься каллиграфией.



¹⁰ Японская глазурованная серая черепица блестит в свете луны.

¹¹ Дзюдзу (*soix lacryta jobi*) — «голубиный ячмень», дикое полевое растение из семейства рисовых.

29.

霜月の空也は骨に生きにける

На дворе ноябрь
Куя¹² все еще живет,
обратившись в прах...

Стела установлена в храме Дзёдзё-дзи в
Мацуяме.



Список литературы / References

- Масаока Сики — стихи и проза (Перевод, комментарий и вступ. статья А. Долина). СПб: Гиперион. 1999 [*Masaoka Shiki — Poetry and Prose. Translation, comments and introduction. by A. Dolin (in Russian)*].
- Dolin A. *The Fading Golden Age of Japanese Poetry*. Akita: Akita International University Press, 2015.
- 柴田宵曲 『子規居士の周囲』（岩波文庫、2018 年）[Сибата Ёкёку. «Окружение Сики» (Иванами бунко, 2018) (in Japanese)].
- 粟津則雄 『正岡子規』（現代日本の評伝 講談社文芸文庫、1995 年）[Авадзу Норико. «Взгляд на Масаока Сики». Серия биографических очерков современной Японии, Коданся бунгэй бунко. 1995 (in Japanese)] [Awazu Norio “A Glance at Masaoka Shiki”. Biographic series of modern Japan. Kodansha bungei bunko. 1995 (in Japanese)].
- 長谷川權 『子規の宇宙』（角川選書、2010 年）[Хасэгава Кацу. «Вселенная Масаока Сики», Кадокава сэнсё. 2010 (in Japanese)] [Hasegawa Katsu. “The Universe of Masaoka Shiki”, Kadokawa sensho, 2010 (in Japanese)].
- 坪内稔典 『正岡子規 言葉で生きる』（岩波新書、2010 年）[Цубоути Минэнори. «Масаока Сики: жизнь в словах», Иванами синсё, 2010 (in Japanese)] [Tsubouchi Minenori. “Masaoka Shiki- to Live by Words”. Iwanami shinsho, 2010 (in Japanese)].
- 山下一海 『俳句で読む正岡子規の生涯』（永田書房、1992 年）[Ямасита Кадзуми. «Жизнь Масаока Сики сквозь призму хайку». Нагата сёбо, 1992 (in Japanese)] [Yamashita Kazumi. “The Life of Masaoka Shiki Read through Haiku”. Nagata shobo, 1992 (in Japanese)].

¹² Куя — святой подвижник, который некогда провел в этом храме три года. Согласно легенде, Куя проповедовал в Киото, призывая будду Амида гонгом, ударами по полой тыкве-горлянке и танцами.

弘中 孝 石に刻まれた芭蕉—全国の芭蕉句碑・塚碑・文学碑, Т., 智書房, 2004.
[Хиронака Такаси. «Басё, высеченный в камне: каменные стелы, плиты и литературные монументы, посвященные Басё». Тисёбо. 2004 (in Japanese)]
[Hironaka Takashi “Basho Inscribed in Stone: Stone Steles, Grave Stone Inscriptions and Literary Monuments Dedicated to Basho”, Chishobo, 2004(in Japanese)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

URL: <https://web.archive.org/web/20070809182525/http://www.lib.ehime-u.ac.jp:80/KUHI/JAP/kuhi82.html>
(retrieved 2.11.2018) (in Japanese.).

URL: http://www.haginotera.or.jp/outline/people_shikikuhi.php
(retrieved 5.11.2018) (in Japanese).

URL: <http://www.yamanoideyu.com/spot/article.php?p=77>
(retrieved 5.11.2018) (in Japanese).

DOI 10.31696/0131-1344-2023-63-81

**САНСКРИТСКИЕ ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ НА ГЛИНЯНЫХ
ТАБЛИЧКАХ ПЕРВЫХ ПАГАНСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ
АНОРАТХИ (1044–1077) И СОЛУ (1077–1084)**

И. А. Зайцев¹

Аннотация

В статье представлен перевод и исследование тринадцати санскритских дарственных надписей на глиняных табличках, относящихся к двум первым царям Пагана, первого бирманского государства (1044–1368) – Аноратхе (1044–1077) и Солу (1077–1084). Тексты надписей были записаны североиндийским шрифтом. В ходе исследования тексты надписей разделяются автором на две группы, внутри которых выделяются несколько подгрупп. В статье представлен анализ структурно-содержательных особенностей надписей и исследован вопрос особенностей упоминаний фигуры правителей.

Ключевые слова: вотивная табличка, санскрит, надпись, дарение, структура.

Для цитирования: Зайцев И. А. Санскритские дарственные надписи на глиняных табличках первых паганских правителей Аноратхи (1044–1077) и Солу (1077–1084). *Эпиграфика Востока*. Т. 37 2023. С. 63–81. DOI 10.31696/0131-1344-2023-63-81

**SANSKRIT DONATIVE INSCRIPTIONS ON VOTIVE TABLES OF THE
FIRST PAGAN KINGS ANAWRATHA (1044–1077) AND SAWLU (1077–
1084)**

Ivan A. Zaitsev

Abstract

This paper represents a study of thirteen donative inscriptions in Sanskrit engraved on votive tablets (clay moulds) and written in North Indian script. Inscriptions under the study were issued by the first kings of Pagan: Anawratha (1044–1077) and Sawlu (1077–1084). Texts were divided into two large groups within several subgroups. The author also

¹ Иван Алексеевич Зайцев — научный сотрудник ИСАА МГУ, Кафедра истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии; gorniy_strannik@mail.ru;

ORCID ID: 0000-0002-0883-059X

Ivan A. Zaitsev — researcher, MSU Institute of Asian and African Studies, Department of History of the Far East, and Southeast Asia; gorniy_strannik@mail.ru;

ORCID ID: 0000-0002-0883-059X

carries out a study of inscriptional content and text structure. One of the main questions, which paper rises, is how early Burmese kings represented themselves throughout titles, personal names, and honorific epithets.

Keywords: votive tablet, Sanskrit, inscription, donation, text structure

For citation: Ivan A. Zaitsev. Sanskrit Donative Inscriptions on Votive Tablets of the First Pagan Kings Anawratha (1044–1077) and Sawlu (1077–1084). *Oriental Epigraphy*. Vol. 37. 2023. P.63–81. DOI 10.31696/0131-1344-2023-63-81

Введение²

Глиняные вотивные таблички, содержащие на своей поверхности фигуративные изображения Будды, божеств из индо-буддийского пантеона, цитаты из канонических текстов или надписи, свидетельствующие о совершении символических подношений в пользу сангхи (общины буддийских монахов), являются распространенными артефактами буддийской археологии как в странах материковой Юго-Восточной Азии (Мьянма, Таиланд, Камбоджа, Лаос, юг Вьетнама), так и островной (Малайзия, Индонезия).

По своей сущности, вотивная табличка представляет собой сакральный объект, предназначавшийся для закладки в реликварий буддийской ступы или для дарения монастырю, равно как и отдельному монашескому сообществу [Skilling, 2001, p. 677–680].

Практика изготовления вотивных табличек на территории Мьянмы берет свое начало в первых веках нашей эры и связана с существованием материальной культуры народов монов и пью (Подробнее см.: [Gu, 2003; Skilling, 2005]. Еще с тех времен изготовление большого числа подобных артефактов свидетельствовало о популярности совершения праведных деяний во благо сангхи. В числе заказчиков этих объектов присутствовали представители различных социальных групп, в том числе правители и их родственники.

В настоящей статье представлена публикация и исследование подборки из тринадцати текстов дарственных надписей первых паганских царей — Аноратхи (1044–1077 г.) и Солу³ (1077–1084 г.), выполненных на вотивных табличках и записанных североиндийским шрифтом⁴.

² Автор статьи выражает глубокую признательность к. ф. н. А. Г. Гурии за помощь и многочисленные консультации в переводе текстов надписей.

³ Бирманское имя, известное из письменных летописных памятников.

⁴ К эпохе правления этих правителей следует отнести несколько десятков вотивных табличек с надписями различного содержания: буддийская формула (Ye Dharmā hetuprabhāvā), дарственные надписи, символические надписи (Om. Namo bhagavato) и т. д.

Перед описанием местоположения источников автор считает необходимым оговорить использование ряда основных терминов. Под **дарственной надписью** понимается текст, передающий сообщение о совершении символического дара в пользу религиозного учреждения или общины монахов⁵. По структуре такое сообщение может состоять из сведений о дарителе, предмете дарения и мотивации совершения благого деяния (в некоторых случаях).

В статье представлено исследование особенностей описания первых царей Пагана: изменения их титулов, набора хвалебных эпитетов (характеристики). Также кратко характеризуется феномен изменения самих надписей: использования двумя правителями разных видов письма для записи текстов.

В работе используется понятие **дарственная формула**. Под этим термином следует понимать отдельную дарственную надпись, составленную по конкретному шаблону, куда могут входить сведения о дарителе, предмете дарения, намерениях дарителя. Необходимость в использовании этого термина продиктована тем, что на поверхность нескольких табличек могли наноситься идентичные надписи, что позволяет группировать их между собой в единую дарственную формулу – способ выражения благого намерения (Подробнее см.: [Milligan, 2013]).

Исследуемые надписи были обнаружены в районах археологической зоны г. Пагана и г. Тагауна, что сужает местонахождение рассматриваемых надписей до географического региона верхней Бирмы (илл. 1)⁶.

Тексты надписей записаны на санскрите с использованием североиндийского шрифта, предположительно сиддхаматрики. В предшествующей историографии шрифтом этих надписей считается деванагари, что не является верным [Ray, 1939, U Mra, 1961]⁷. Из-за плохого качества опубликованных ранее изображений, представляется невозможным проведение анализа палеографии на данном этапе исследования, что делает установление шрифта предварительным. В дальнейшем, в тексте статьи шрифт будет именоваться **североиндийским**.

В историографии эти источники исследовались в работах М. Рэя, Тан Тхуна, У Мья и Г. Люса [Ray, 1936; Tan Thun, 1954; U Mra, 1961; Luce, 1969]. Стоит отметить, что ряд санскритских надписей на votивных табличках трактовался исследователями как следствие наличия в Пагане альтернативного Тхераваде буддизма – тантрического

⁵ В рассматриваемом случае — дарения votивной таблички.

⁶ Схожие по функционалу votивные таблички с надписями этих правителей на пали, выполненные монским шрифтом, были обнаружены на более широком географическом пространстве, в т. ч. в регионе нижней Бирмы — прибрежных территорий и дельте р. Иравади.

⁷ На территории современной Мьянмы памятники эпиграфики, записанные на санскрите с использованием сиддхаматрики, встречаются на территории национальной области Аракан [Griffiths, 2015].

[Luce, 1969; Ray, 1936]. В более поздних публикациях эта точка зрения оспаривается [Lammerts, 2018; Skilling, 2001].

Рассматриваемая в статье выборка надписей публиковался в нескольких отчетах археологической службы Бирмы с 1907 по 1948 г. [ASB, 1907–1948]. В 1961 г. департаментом археологии Бирмы была предпринята попытка публикации вотивных табличек с расшифровкой ряда надписей и их переводом на бирманский язык в двух томах [U Mra, 1961]. В дальнейшем фотографии табличек вместе с латинской транслитерацией надписей и их переводом на английский язык публиковались известным бирманистом Г. Люсом в 1969–1970 г. [Luce, 1969–1970]. В 2005 г. некоторые подобные надписи публиковались П. Скиллингом [Skilling, 2001, 677–685].

Задача настоящей статьи заключается в публикации переводов текстов надписей с их критическим комментарием. Помимо этого, производится классификация надписей по их структуре и содержанию, а также осуществляется исследование особенностей описания фигуры бирманских правителей.

В районах верхней и нижней Бирмы, глиняные таблички с сакральными письменами на санскрите, пали, монском и бирманском языках создавались для записи классической буддийской формулы (Ye Dharmā hetuprabhavā), а также дарственных надписей, что позволяет сравнивать такие надписи со своими аналогами, обнаруженными в странах индо-буддийского культурного ареала.

В статье представлена публикация двенадцати дарственных надписей на вотивных табличках, изготовленных в годы царствования первых паганских правителей – Анирудхи (Аноратхи) (1044–1077 г.) и Ваджрабхарады (Солу) (1077–1084 г.). Рассматриваемые надписи обладают рядом типологических сходств: 1) языком надписей является буддийский гибридный с пали санскрит [подробнее см. Edgerton, 1953]; 2) надписи записаны с помощью двух североиндийских шрифтов: деванагари и сиддхаметрики; 3) по содержанию надписи являются дарственными, а в роли дарителей выступают цари; 4) все таблички были обнаружены в географическом регионе верхней Бирмы, в археологических зонах г. Пагана и г. Тагауна (илл. 1)⁸. Такой набор признаков дает возможность для включения надписей в единую выборку.

В статье представлено исследование особенностей описания первых царей Пагана: изменения их титулов, набора хвалебных эпитетов (характеристики). Также кратко характеризуется феномен изменения самих надписей: использования двумя правителями разных видов письма для записи текстов.

⁸ Схожие по функционалу вотивные таблички с надписями этих правителей на пали, выполненные монским шрифтом, были обнаружены на более широком географическом пространстве, в т.ч. в регионе нижней Бирмы – прибрежных территорий и дельте р. Иравади.

Для более детального понимания текстов надписей автором используется понятие **дарственная формула**. Под этим термином следует понимать отдельную дарственную надпись, составленную по конкретному шаблону, куда могут входить сведения о дарителе, предмете дарения, намерениях дарителя. Необходимость в использовании этого термина продиктована тем, что на поверхность нескольких табличек могли наноситься идентичные по структуре и содержанию надписи, что позволяет группировать их между собой в единую дарственную формулу – способ выражения благого намерения. [Подробнее см. Milligan, 2013]. При публикации текстов надписей выделяется несколько дарственных формул, используемых дарителями.

Рассматриваемая выборка надписей публиковалась ранее в нескольких отчетах археологической службы Бирмы с 1907 по 1948 г. [ASB, 1907–1948]. В 1961 г. департаментом археологии Бирмы была предпринята попытка публикации вотивных табличек с расшифровкой ряда надписей и их переводом на бирманский язык в двух томах [U Mra, 1961]. В дальнейшем фотографии табличек вместе с латинской транслитерацией надписей и их переводом на английский язык публиковались известным бирманистом Г. Люсом в 1969–1970 г [Luce, 1969–1970]. В 2005 г. некоторые надписи публиковались П. Скиллингом [Skilling, 2005, 677–685].

Обзор исследуемых источников

В статье представлено исследование текстов санскритских надписей, выполненных на тринадцати вотивных табличках. По форме таблички возможно выделить три типа: овальные, прямоугольные с треугольной вершиной и фрагменты.

Таблица № 1. Типы табличек

Название типа	Овальная	Прямоугольные с треугольной вершиной	Фрагменты	Всего 13 ед. 100 %
Кол-во	1	7	5	
Процент	10 %	50 %	40 %	

Наиболее массовым типом является второй — прямоугольные с треугольной вершиной. 40 % составляют фрагменты и всего одна табличка (10 %) является овальной.

На поверхности табличек присутствуют несколько видов фигуративных изображений Будды, к которым можно отнести: 1) Будда в монашеском одеянии с *мудрой бхумиспарша*⁹ 2) Будда в королевском одеянии с мудрой бхумисарша в окружении

⁹ Мудра — положение рук. Бхумиспарша — одно из наиболее распространенных положений рук, в которой Будда касается земли кончиками пальцев правой руки.

бодхисатв Майтрейи и Локанатхи, восседающих в лалитасане¹⁰; 3) изображение нескольких маленьких Будд с мудрой бхумиспарша, помещенных в несколько рядов; 4) фрагменты¹¹.

Таблица № 2. Распределение фигуративных изображений

Номер группы	1	2	3	4	Всего – 13 ед. 100%
Кол-во	3	3	2	5	
Процент	23%	23%	16%	38%	

Наиболее распространенным типом изображений являются фрагменты. Первые два типа изображений распределены равномерно. Тип 3 имеет наименьший количественный показатель.

В рассматриваемом материале надпись помещалась строго под изображением Будды и могла записываться в одну, две и четыре строки. В процентном соотношении распределение выглядит следующим образом:

Таблица № 3. Распределение надписей по форме записи

Название типа	Одна строка	Две строки	Четыре строки	Всего 13 надписей 100 %
Кол-во	10	2	1	
Процент	77 %	15 %	8 %	

Наиболее распространенным вариантом является форма записи в одну строку (77 %). Запись в две строки составляет 15 %, а в четыре строки – 8 %.

Публикация надписей

При публикации исследуемых надписей их количество (10 ед.) было поделено на две группы по именам правителей, которые выступают в роли дарителей – Аноратхи и Солу.

Внутри каждой из групп было выделено несколько подгрупп. Критерием к их делению послужили грамматические формы отдельных слов (падеж

¹⁰ Асана — положение ног. Лалитасана — одна из форм положения ног (см. Илл. 2).

¹¹ Точная интерпретация изображения затруднительна. На некоторых фрагментах (Илл. 5, PL 11 а), скорее всего, по центру изображен Будда, восседающий с мудрой бхумиспарша на фоне маленьких изображений Будд, помещенных в несколько рядов.

существительного, наличие глагола), а также структурно-смысловые особенности каждой надписи. Перейдем к описанию выделенных групп.

Группа № 1. Аноратха

Подгруппа А

Табличка обнаружена в реликварии ступы Швейсандо на территории г. Пагана. Представляет собой овал. На поверхности присутствует изображение Будды с мудрой бхумиспарша, восседающего на троне под зонтом. По правую и левую сторону от Будды расположены изображения ступ (Илл. 2).

Текст надписи¹²:

May(âniruddha)de || vena¹³ krtam ||

Sugattasañcakam¹⁴ || tena maitreyam sambo || dho¹⁵

Labheyam(m)¹⁶ nivrtto padam

Перевод:

Мной, Анирудхадевой, создана форма [для изготовления вотивных табличек] с Сугатой¹⁷

Тем самым, пусть в следующем рождении [я], обретший просветление, освободившийся, достигну [состояния] Матрейи.

Комментарий к тексту:

Надпись представляет собой самую большую по объему среди всех рассмотренных. Ее можно классифицировать как длинную [См., Milligan, 2013]. В ней отражена информация о дарителе, объекте дарения (табличке), а также мотивации совершения благого деяния – достижения состояния Матрейи.

Термин, определяющий совершение благого деяния в тексте надписи отсутствует. В роли дарителя выступает паганский царь Аноратха, упомянутый только по своему тронному имени без указания титула. Этот текст следует рассматривать как самостоятельную дарственную формулу.

Подгруппа Б

¹² В латинской транслитерации

¹³ Instr. Sg.

¹⁴ Acc, Sg.

¹⁵ Nom, Sg.

¹⁶ OPT. sg, I; корневая основа √labh.

¹⁷ Одно из возможных обозначений Будды.

Представлена тремя идентичными табличками с прямоугольным основанием и треугольной вершиной¹⁸. Таблички были обнаружены неподалеку от монастыря Часин в Пагане. На поверхности присутствует изображение Будды с мудрой бхумиспарша, восседающего на троне под конической вершиной (санскр. śikhara). По правую и левую сторону от Будды расположены изображения бодхисаттв Локанатхи и Майтрейи, восседающих в лалитасане. Сверху от них присутствуют небольшие изображения Будд с мудрой бхумиспарша (Илл. 3).

Текст надписей¹⁹:

*Om deyadharmo'yam sañcakadânapati || ma
|| hârâja śrî aniruddhadeva(sya)*

Перевод:

Ом! Это форма – благой дар дарителя великого царя Шри Анирудхадевы.

Комментарий к тексту:

Представленные две надписи можно охарактеризовать как краткие. Они содержат законченную мысль о том, что этот предмет является благим деянием великого царя Анируддхи²⁰. Текст начинается с сакрального слога Ом, который часто ставился вначале торжественных заявлений, надписей или священных формул, мантр. Благое деяние (дарение) именуется термином deyadharma, что соответствует некоторым индийским понятийным реалиям (См. [Milligan, 2013]). Рассмотренные надписи представляют собой отдельную дарственную формулу.

Надпись на третьей табличке имеет некоторые отличия.

Ее **текст** записан как:

Sadharmo'yam²¹ sañcakadânapati²² mahārāja śrî aniruddhadevena

Перевод:

Эта, содержащая дхарму, форма [изготовлена] дарителем великим царем Шри Анируддхой²³.

Комментарий к тексту:

¹⁸ Фото третьей таблички не было опубликовано.

¹⁹ На двух табличках идентичные надписи.

²⁰ Санскритское имя Аноратхи.

²¹ Sadharmo + ayam. sadharmah — дословно «с дхармой, содержащая дхарму».

²² Автор полагает что рассматриваемое слово не является составным и его следует делить на две части: sañca и dânapati.

²³ Автор статьи выражает благодарность д. и. н. А. А. Вигасину и д. и. н. А. О. Захарову за помощь в разборе синтаксиса надписи и ее перевода.

Надпись можно охарактеризовать как краткую. В ней отсутствует сакральный слог Om. Табличка характеризуется как Sadharma — содержащая дхарму. Надпись следует рассматривать как отдельную дарственную формулу.

Текст содержит законченную мысль о том, что сотворение ритуального предмета выполнено царем Анируддхой. Паганский правитель упоминается как великий царь (mahārāja). Присутствует и его тронное имя, включающее почетный префикс śrī. Правитель характеризуется как «dānapati» — даритель, благодетель. Текст надписи представляет отдельную дарственную формулу.

Отметим, что во всех трех надписях глаголы отсутствуют.

Подгруппа В

Настоящая подгруппа представлена двумя идентичными надписями, выполненными на поверхности прямоугольных табличек (Илл.4 а, б) с небольшими изображениями Будд, восседающих в мудре бхумиспарша. Эти источники обнаружены неподалеку от монастыря Кьясин в Пагане.

Текст:

Om. sañcakadānapati²⁴ mahārāja śrī aniruddhadevena kato²⁵ bhagavo

Перевод:

Om! Форма господина изготовлена великим царем Шри Анирудхой

Комментарий к текстам:

Рассмотренные две надписи идентичны друг другу по содержанию. Их можно охарактеризовать как краткие надписи. Тексты начинаются с восклицания «Om» и содержат законченную мысль о том, что этот предмет является благим деянием великого Анируддхи.

Паганский правитель упоминается как великий царь (mahārāja). Присутствует его тронное имя, включающее почетный префикс śrī. Правитель характеризуется как «dānapati» - даритель, благодетель. Надписи на рассмотренных табличках представляют отдельную дарственную формулу.

Подгруппа Г

Состоит из четырех фрагментарно сохранившихся табличек, на поверхности которых присутствуют небольшие изображения Будд с мудрой бхумиспарша. Имеют прямоугольное основание. Обнаружены на территории археологической зоны Пагана (Илл. 5 а, б, в, г).

²⁴ Вероятное чтение sañcaka, вместо saccaka. См.: [Luce, Vol 2, 1969, 5].

²⁵ Глагол Kato имеет корневую основу √kr. Этот пример делает используемый язык «гибридным».

Текст²⁶

Om kritiyah²⁷ rājnah śrianirudhadevasya²⁸

Перевод:

Ом! Изготовлено царем Шри Анирудхой

Комментарий к тексту:

Надписи являются краткими и содержат законченную мысль о том, что искомые таблички были изготовлены Шри Анирудхой. Надписи начинаются с восклицания — Ом.

Правитель Пагана обозначается тронным именем, включающим почетный префикс śrī. В тексте присутствует титул rājnah — царь. Тексты всех четырех табличек воспроизводят отдельную дарственную формулу.

Группа № 2. Солу**Подгруппа А**

Обнаружена неподалеку от монастыря Мьинпьягу в Пагане. Представляет собой табличку с прямоугольным основанием и треугольной вершиной. На поверхности присутствует изображение нескольких маленьких Будд с мудрой бхумиспарша, помещенных в шесть рядов (Илл. 6).

Текст:

Om rājnah śrī V(b)ajrabharadadevasya

Перевод:

Почтение! Царя Шри Ваджрабхарады

Комментарий к тексту:

Надпись является краткой. По своей сути носит характер пометки предмета — вотивной таблички и указывает на ее изготовителя — Ваджрабхараду²⁹. Начинается с восклицания — Ом.

Паганский правитель упоминается как царь (rājnah). Присутствует его тронное имя — Ваджрабхарада, включающее почетный префикс śrī. Надпись следует рассматривать как отдельную дарственную формулу.

Подгруппа Б

²⁶ Серия типовых фрагментов с повторением одной и той же надписи в четырех случаях.

²⁷ Глагол kritiyah имеет корневую основу √kr̥.

²⁸ Gen, SG I.

²⁹ Санскритское тронное имя государя Солу. Перевод — «обладатель молнии».

Подгруппа представлена одной надписью на табличке, обнаруженной в районе г. Тагауна неподалеку от ступы Одоук. По своей форме табличка имеет прямоугольное основание и треугольную вершину. На поверхности присутствует изображение Будды с мудрой бхумиспарша, восседающего на троне под зонтом. По правую и левую сторону от Будды расположены изображения ступ (илл. 7)

Текст надписей³⁰:

Maha śrīmad V(b)ajrabharadadevasya³¹ bhirah³²

Перевод:

Произведение великого Ваджрабхарадыдевы

Комментарий к тексту:

Текст является кратким и содержит законченную мысль о том, что искомая табличка является произведением государя Ваджрабхарады.

Правитель упоминается по своему тронному имени. Упоминание титула отсутствует. Царь характеризуется как великий, что выражено с помощью двух синонимов — maha śrīmad. Рассмотренные две надписи необходимо рассматривать как отдельную дарственную формулу.

Структурно-содержательные особенности надписей

Среди рассматриваемых надписей по содержанию возможно выделить два типа: краткие и длинные.

Краткие надписи являются наиболее многочисленной формой (90 % от общего числа). Их суть сводится к простому указанию факта дарения таблички конкретным дарителем. Надписи такого типа были распространены и в более ранние периоды на территории Индии среди артефактов Санчи и Бхархута [Schopen, 1991, p. 11; Milligan, 2013, p. 171–180].

Длинные надписи составляют 8 % от общего количества текстов. Ключевым отличием длинной надписи от краткой является упоминание намерений дарителя, исходя из которых совершалось дарение.

Исходя из рассмотренных источников, их наиболее полную структуру можно представить в виде набора следующих компонентов³³: символического восклицания;

³⁰ Текст надписей на двух табличках идентичен.

³¹ Gen SG.

³² Возможно, имеется в виду форма bhārah (भृः), которое следует переводить как «произведение» [Apte, 1997, 1192].

³³ Поскольку структура таких текстов не была стабильной, автором приводится наиболее расширенный набор структурных компонентов.

имени дарителя; его титула; набора эпитетов, характеризующих его фигуру; упоминания того, что изготовлено; намерения дарителя.

Исследование надписей позволило выявить восемь самостоятельных дарственных формул, из которых пять относятся к Аноратхе, а три к Солу. Такое распределение может быть проинтерпретировано двояко. К первому предположению отнесем то, что до наших дней не сохранилось большого количества археологических и эпиграфических памятников, принадлежавших к правлению первых паганских правителей. В этой ситуации, и Аноратха, и Солу могли изготавливать большое количество табличек с надписями, содержащими отдельные формулы, но по тем или иным причинам большинство из них попросту не сохранились. Возможно и другое объяснение: поскольку Аноратха правил дольше Солу, то в его правление подобных артефактов было изготовлено больше с использованием большего количества дарственных формул.

Особенности упоминаний правителей

Рассмотренные эпиграфические памятники представляют ценность для изучения истории первого бирманского государства Паган (1044–1368 г.), по причине наличия в них титулов, тронных имен и эпитетов первых двух бирманских государей — Аноратхи и Солу. При описании фигур правителей автором использовалась концептуальная модель описания правителей, разработанная отечественным востоковедом Г. Г. Бандиленко. Она состоит из трех компонентов: титула, тронного имени и характеристики правителя (набора эпитетов). Впервые модель была апробирована на материале источников яванского царства Маджапахит [Бандиленко, 1984, с. 221–243].

Первым компонентом при описании фигур государей является титул — это разновидность социальных детерминативов, маркирующих общественный статус индивида. В рассмотренных надписях концептуальные идеи верховной власти выражались с помощью двух терминов — *gāja* и *mahārāja*, что в переводе означает царь и великий царь.

В случае с Аноратхой в 50 % случаев он упоминается как *gāja*. В 40 % как *mahārāja*. В 10 % — упоминание титула отсутствует. В случае с Солу в 34 % случаях он упоминается как *Rāja*, а в остальных 64 % упоминание титула отсутствует.

Употребление по отношению к Аноратхе титула «Великий царь» может быть связано с тем, что этот правитель правил дольше Солу и в годы его правления Паган активно расширял свои владения³⁴. В силу этого, у Аноратхи отмечается больше дарственных надписей на votивных табличках с соответствующим употреблением двух возможных титулов. Солу правил меньше, а его правление закончилось политическим кризисом, окончанием династии и узурпацией власти военачальником Чанзитой

³⁴ В схожих votивных табличках на с надписями на пали оба правителя именуются как *mahārāja* [Luce, 1969, p. 46–48].

[Luce, 1969, p. 46–50]. По этой причине, Солу мог не «награждаться» титулом великий государь, а как следствие изготавливать меньшее количество табличек.

Оба правителя обладают своими персональными тронными санскритскими именами — Aniruddhadeva и Vajrabharada. По своему значению они носят символический характер. Aniruddha — имя одного из учеников Будды. Символизм выбора такого имени, вероятно, был продиктован тем, что в период правления этого правителя буддизм Тхеравады превратился в главенствующую религию. Vajrabharada — «обладатель молний» имеет отсылку к образу Индры — царя богов, оружием которого являлись молнии. Тем самым, имена первых паганских правителей были нацелены на придание особого символического образа их носителям путем демонстрации связи с учениками Будды или божествами (санскр. deva).

После смерти Солу в 1084 г. в именах последующих паганских государей используется единое идентичное тронное имя – Tribhavanādiya (солнце трех миров), употребление которого могло служить элементом легитимации правителя, т.к. указывало на его символическую принадлежность к царскому роду [Luce, 1969, p. 50, 83; Fräsch, 1995, p. 97–108].

Такое обстоятельство означает, что в Пагане в течение XI в. одной из форм легитимации фигуры царя являлся выбор особого индивидуального тронного имени, имеющего символическое значение. В дальнейшем, этот принцип претерпевает изменения и популярность обретает выбор типового одинакового тронного имени, причисляющего царя к символическому роду праведных буддийских правителей³⁵.

Похожие процессы происходили и в истории других регионов. Так, в индологии феномен изменений царских имен рассматривался немецким историком Р. Шмиттом [Schmitt, 1995, p. 645–657]. В исследованиях эпиграфики Пратихаров немецким исследователем А. Шмидхен зафиксированы тенденции к унификации царских имен после VII в. [Schmiedchen, 2019, p. 179].

Среди набора эпитетов, характеризующих фигуру государей, отметим наличие термина *dānapatī* (даритель, благодетель), применительно к Аноратхе. Солу характеризуется как *maha śrīmad* — великий.

Заключение

Рассмотренная в рамках исследования подборка из тринадцати вотивных табличек с санскритскими дарственными надписями первых бирманских правителей обладает характерными для подобных памятников эпиграфики содержательными особенностями. Их можно разделить на краткие и длинные в зависимости от упоминания мотивов дарителя.

³⁵ Речь идет об имени Tribhuvanāditya — солнце трех миров.

Ранние правители Пагана использовали символические тронные имена в своих надписях, что было нацелено на построение собственного символического образа. Исследование особенностей описания фигуры правителей выявило использование двух титулов: *gāja* и *maḥārāja*. При описании Солу использовался всего один титул, что может быть связано с ослаблением верховной власти в период его правления и последовавший за этим процесс узурпации власти Чанзитой.

Изготовление votивной таблички с дарственной надписью на санскрите, записанной североиндийским шрифтом, являлось прерогативой ранних правителей Пагана. Ни одна другая социальная группа не занималась изготовлением ритуальных предметов, содержащих санскритские тексты.

Санскрит, как язык сакральной традиции, мог использоваться с целью придания царским ритуальным деяниям особой значимости. Это подтверждается наличием нескольких дарственных формул, отражающих намерение правителя совершить благое деяние³⁶. Отметим, что в схожих надписях этого периода (1044–1084), записанных на пали, присутствует всего одна формула.

Важным представляется и наличие палийской глагольной формы *kato* (делать) в текстах двух надписей группы № 1 подгруппы В. Это указывает на употребление авторами этих текстов гибридной формы санскрита и языка пали. Такое обстоятельство может подчеркивать на влияние палийской литературно-религиозной традиции, что позволяет усомниться в выводах историографии первой половины прошлого столетия [Ray, 1936] о господстве санскритского тантрического буддизма на территории Пагана в XI в.

Список литературы / References

- Бандиленко Г. Г. Типология обозначения монарха и его развития в средневековом яванском обществе. *Типология основных элементов традиционной культуры*. М.: 1984. С. 221–243 [Bandylenko G. G. Typology of King Description and Its Development in Medieval Javanese Society. *Typology of Basic Element of Traditional Culture*. Moscow: 1984. P. 221–243 (in Russian)].
- Apte V. *The Student's Sanskrit – English Dictionary*. Delhi: Motilal Banarsidass, 1997.
- Archaeological Survey of Burma (ASB)*. Reports. Rangoon, 1907–1948.
- Aung-Thwin M. *Pagan: The Origins of Modern Burma*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1985.
- Coedes, G. Siamese votive tablets. *Journal of the Siam Society*. 1926. 20. P. 1-24.

³⁶ У Аноратхи присутствовало пять формул. У Солу — три.

- Datta S. In the King's Shadow: Petitioner-Donors of Eighth–Ninth Century Pāla Copper Plate Land Grant Charters. *The Indian Economic and Social History Review*. New-Dehli: 2017. P. 457–476.
- Frasch T. *Pagan: Stadt und Staat*. Stuttgart: F. Steiner, 1996.
- Griffiths, A. Three More Sanskrit Inscriptions of Arakan: New Perspectives on Its Name, Dynastic History and Buddhist Culture in the First Millennium. *Journal of Burma Studies*. 2015. 19. P. 281–340.
- Guy J. *Offering up a Rare Jewel: Buddhist Merit-Making and Votive Tablets in Early Burma*. New Research on the Art and Archaeology of Burma. L.: British Museum Publications, 2003. P. 23–33.
- Lammerts C. *Buddhist Law in Burma: A History Dhammasattha Texts and Jurisprudence, 1250–1850*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2018.
- Luce G. H. *Old Burma — Early Pagan*. 3 vols. Locust Valley & New York: J. J. Augustin; Artibus Asiae, 1969–1970.
- Milligan M. The Development and Representation of Ritual in Early Indian Buddhist Donative Epigraphy. *Journal of the Institute of Buddhist Studies*. 2013. № 15. P. 171–186.
- Mra U. *Aut khvak rup pvā' cha tu tau myā akro*. 2 vols. Yangon: Dept. of Archaeology, 1961 [Mra U. Votive Tablets of Burma. 2 vols. Yangon: Dept. of Archaeology, 1961].
- Ray N. *Sanskrit Buddhism in Burma*. Leiden: PhD Thesis., 1936.
- Schopen, G. Archaeology and Protestant Presuppositions in the Study of Indian Buddhism. Bones, Stones, Buddhist monks: Collected Papers on the Archaeology, Epigraphy, and Texts of Monastic Buddhism in India. Honolulu: University of Hawai'i Press. 1991. P. 1–23.
- Skilling P. Buddhist Sealings: Reflections on Terminology, Motivation, Donors, Status, School-Affiliation, and Print-Technology. *South Asian Archaeology*. 2001: Proceedings of the Sixteenth International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists. P.: Éditions Recherche sur les Civilisations, 2005. P. 677–685.
- Schmitt R. *Alt-und mittelindiarische Namen*. Namenforschung. Ein internationales Handbuch zur Onomastik. Berlin–New York, 1995. P. 645–657.
- Schmiedchen A. *Herrschernamen als Legitimationsinstrument im frühmittelalterlichen Indien (6. bis 10. Jahrhundert)*. Machterhalt und Herrschaftssicherung. Bonn: University Press, 2019. P. 175–192.
- Than Tun. The Buddhist Church in Burma during the Pagan Period (1044–1287). Ph.D. thesis. University of London, 1955.

Иллюстрации



Илл. 1

Географическое расположение Пагана и Тагауна

[Luce 1969, 4]



Илл. 2

Табличка, обнаруженная в реликварии ступы Швейсандо на территории
г. Пагана

[Luce, 1970, PL 6 c]



Илл. 3

Фотография таблички

[Luce, 1970, PL 8 a]



а

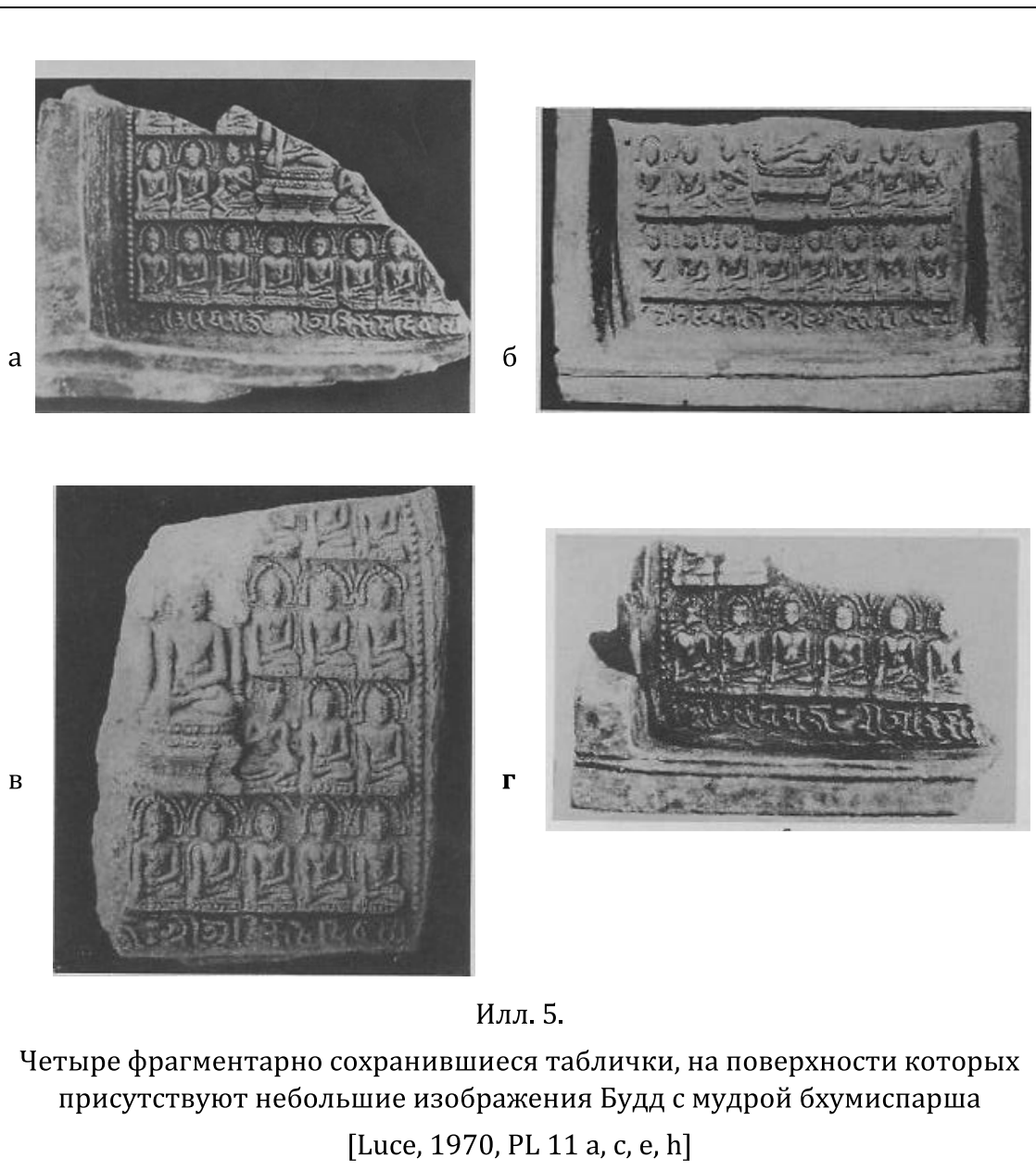


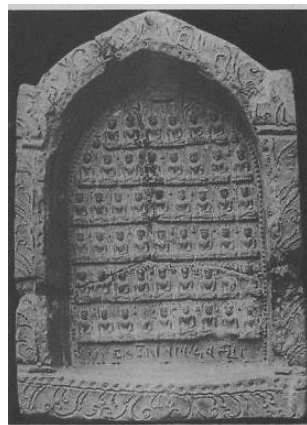
б

Илл. 4

Фотография таблички

[Luce, 1970, 12 a, 13 e]





Илл. 6.
Фотография таблички
[Luce, 1970, PL 15 a]



а



б

Илл. 7.
Фотография таблички
[Luce, 1970, PL 15 d, e]

DOI 10.31696/0131-1344-2023-82-100

**НАДПИСЬ НА КАМЕННОМ СОСУДЕ ГУЙ ИЗ ИНЬСЮЯ
(ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РИТУАЛЬНОЙ ЭПИГРАФИКИ
ПОЗДНЕСАНСКОГО ПЕРИОДА)**

Д. Е. Куликов¹

Аннотация

Данная статья посвящена анализу надписи на каменном сосуде *гуй* (簋), обнаруженном в царской усыпальнице некрополя Сибэйган (西北崗) археологического комплекса Иньсюя (殷墟) и датированном концом позднего периода эпохи Шан (商; XIII–XI вв. до н. э.). В научной литературе данный сосуд имеет название *Сяо-чэнь Си ши гуй* (小臣系石簋; «Каменный сосуд *гуй* “Сяо-чэнь Си”»). Автор дает комментированный перевод этой надписи и освещает ряд вопросов, связанных с толкованием основных терминов, содержащихся в надписи. Рассматриваемая инскрипция отсылает к теме ритуальной коммуникации позднесанского периода, выражавшейся, в частности, в актах дарения, жертвенного подношения и ритуальных трапезах. По версии автора, каменный сосуд *гуй* был использован для подношения ритуального блюда, приготовленного из закланных пленников.

Ключевые слова: шанская эпиграфика, сосуд *Сяо-чэнь Си ши гуй*, позднесанский период, Шан, Инь, гадательные надписи, человеческие жертвоприношения

Для цитирования: Куликов Д. Е. Надпись на каменном сосуде *гуй* из Иньсюя (опыт интерпретации ритуальной эпиграфики позднесанского периода). *Эпиграфика Востока*. Т. 37. 2023. С. 82–100. DOI 10.31696/0131-1344-2023-82-100

**INSCRIPTION ON THE STONE VESSEL GUI FROM YINXU
(EXPERIENCE IN INTERPRETING RITUAL EPIGRAPHY OF LATE SHANG)**

Dmitry Y. Kulikov

Abstract

This paper focuses on the analysis of the inscription on stone vessel *gui* found in the royal tomb of the Xibeigan cemetery in Yinxu and dated by the end of Late Shang (商; XIII–

¹ Дмитрий Евгеньевич Куликов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва); vostok1991@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9569-1005

Dmitry Yevgenyevich Kulikov – Ph.D. (History), Senior Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow); vostok1991@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9569-1005

XI centuries BC). In the academic literature this vessel is called Xiao-chen Xi shi gui (小臣系石簋; Stone vessel *gui* Xiao-chen Xi). The author gives a commented translation of this inscription and highlights several issues related to the interpretation of the main terms contained in the inscription. The inscription under consideration refers to the theme of ritual communication of Late Shang, which was expressed, in particular, in acts of donation, sacrificial offerings and ritual meals. According to the author, the *gui* stone vessel was used to offer a ritual dish prepared from slaughtered captives.

Keywords: Shang epigraphy, Xiao-chen Xi shi gui Vessel, Late Shang, Shang, Yin, oracle bone inscriptions, human sacrifices

For citation: Dmitry Y. Kulikov. Inscription on the Stone Vessel *gui* from Yinxu (Experience in Interpreting Ritual Epigraphy of Late Shang). *Oriental Epigraphy*. Vol. 37. 2023. P. 82–100. DOI 10.31696/0131-1344-2023-82-100

Когда речь заходит о древнекитайской эпиграфике позднешанского периода (ок. 1250–1046 гг. до н. э.), прежде всего имеются в виду так называемые «надписи на панцирях черепах и костях животных» (*цзягувэнь*; 甲骨文), или, проще короче, гадательные надписи. Их абсолютное большинство было обнаружено на археологическом памятнике последнего столичного города Шан — Иньсюй (близ г. Аньян, пров. Хэнань). Однако помимо этих эпиграфических свидетельств там же были найдены надписи, сделанные на других твердых материалах, — бронзе, керамике, нефрите, камне. В отличие от гадательных инскрипций эти надписи не были связаны с мантическим ритуалом и, как правило, носили мемориальный характер. Чаще всего они были настолько лаконичны, что ограничивались лишь упоминанием имени владельца инскрибированного изделия или мастера, его изготовившего, предка или родовой эмблемы. В последующую, чжоускую, эпоху практика записи гаданий на черепашьих панцирях и костях животных сошла на нет и в то же время своего расцвета достигли надписи на бронзовых сосудах. Что же касается надписей на каменных изделиях, количество которых в позднешанский период исчисляется единицами, то нельзя сказать, чтобы они получили широкое распространение в эпоху Чжоу (1046–221 до н. э.) их популярность возросла в более поздние эпохи, когда надписи стали наноситься на каменные изваяния и стелы. Примечательно, что предшественница археологии — китайская «наука о металлах и камнях» (*цзинь ши сюэ*; 金石學), возникшая в эпоху Сун (960–1280), складывалась именно как наука о надписях на древних бронзовых (*цзинь*; 金) сосудах и каменных (*ши*; 石) изделиях. В данной статье мы рассмотрим шанскую инскрипцию на каменном сосуде, являющуюся единственной достаточно пространной иньсюйской надписью на камне.

Помимо рассматриваемой надписи, в Иньсюе в разное время и в разных местах были обнаружен ряд надписей на каменных изделиях: несколько инскрипций на каменных литофонах *ши-цин* (石磬), инскрипция на нижней челюсти вырезанного из камня быка (буйвола) из могилы Фу Хао (婦好)², знаки на шлифовальном камне из

² В 1976 г. в Иньсюе была обнаружена неразграбленная могила (известна как могила № 5)

археологического комплекса северной части Мяопу (苗圃; *Мяопу бэй ди*; 苗圃北地). Все эти надписи слишком лапидарны и не могут быть интерпретированы как законченные высказывания. В отличие от этих инскрипций надпись на сосуде *гуй* представляет собой достаточно пространную фразу, которая состоит из двенадцати знаков, выгравированных на ушке вырезанного из мрамора сосуда. Последний был обнаружен в ходе археологических раскопок 1935 г. в небольшой прямоугольной яме на северной стене западного дромоса могилы НРКМ 1003 царского некрополя Сибэйган. Археологи обнаружили три фрагмента сосуда, на одном из которых — верхней части сосуда с одним ушком были выгравированы знаки. Надпись нанесена двумя рядами на внешнюю сторону ушка. Остальные обломки сосуда в этом месте не были найдены. В то же время на раскопе № 3082, расположенном в ста сорока метрах к юго-востоку от могилы НРКМ 1003, был найден еще один фрагмент каменного сосуда *гуй*, однако неизвестно, являлся ли он частью сосуда с надписью.

Что касается сосудов *гуй*, то они относятся к категории сосудов для пищи. Этот вид кухонной утвари играл важную роль в социальной жизни Шан и Чжоу [Ма Чэн-юань, 2003, с. 112]. Следует отметить, что в те времена наиболее широко были распространены не каменные, а керамические и ритуальные бронзовые сосуды *гуй*, применявшиеся в ритуалах жертвоприношений для подношений предкам сваренных злаков: проса, ячменя, риса, гаоляна. Количество обнаруженных каменных сосудов относительно невелико. Так, в погребениях Иньсюя было найдено семь сосудов *гуй* [Иньсюй, 2001, с. 357]. В позднешанский период каменные (равно как и керамические) сосуды часто имитировали бронзовые, вплоть до копирования литейных швов и других особенностей, не имевших производственной целесообразности в камне (керамике) [Кузнецова-Фетисова, 2015, с. 113–117]. Вероятно, рассматриваемый сосуд также представлял собой имитацию ритуального бронзового сосуда, при этом его изготовление вряд ли можно назвать менее трудоемким, чем создание бронзового сосуда. Высеченный из мрамора, он по своей ценности, видимо, не уступал бронзовому аналогу.

Способы нанесения надписей на бронзу и камень существенно различались. Бронзовые инскрипции вырезались на модели и затем отливались вместе с сосудом, что имеет сходство с техникой создания инталии. Надписи же на камне вырезались острым орудием (бронзовым ножом). Интересно, что надписи на бронзе обычно помещались на внутренние стенки сосуда или его днище с тем, чтобы сделать их недоступными для взгляда стороннего наблюдателя. Поскольку эти сосуды по своему назначению являлись ритуальными, т. е. использовались в ритуалах жертвоприношений предкам, то эти инскрипции служили средством общения с духами во время жертвенной трапезы и инструментом ритуального перехода от мира людей к миру предков. Они принадлежали к сфере сакрального, поэтому следовало не допустить их нежелательный контакт с профанной сферой и обеспечить интимность ритуальной

с богатым сопроводительным инвентарем, в том числе с бронзовыми сосудами с вырезанными именами Фу Хао и Сы Му-синь (司母辛; как считается, это посмертное имя Фу Хао), которые принадлежали супруге шанского вана У-дина (武丁).

коммуникации с умершими предками. Несмотря на то, что по своей форме надписи на бронзе производят впечатление документальной записи, их авторы не стремились передать в них какие-либо объективные исторические сведения. Как правило, надписи касались некоего выдающегося события, произошедшего с владельцем сосудом, например, одариванием правителем за выполнение повеления [Крюков, 1988, с. 68–70; Крюков, 2000, с. 105; Кучера, 2001, с. 122].

Что касается надписи на каменном сосуде, то она вырезана с внешней стороны ушка, что делает ее хорошо видимой. Это обстоятельство позволяет предположить, что каменный сосуд применялся в ритуальной трапезе, участники которой могли легко прочесть инскрипцию. Отсюда можно предположить, что сосуд принадлежал тому, кто являлся хозяином этой трапезы. Несмотря на документальный характер инскрипции, по своему содержанию ее, на наш взгляд, можно отнести к числу ритуальных.



В современной транскрипции надпись на каменном сосуде *гуй* записывается следующим образом:

辛丑小臣𠄎³ (系) 入𠄎 (禽) 俎 (宜) 才 (在) 害吕 (以) 殷

Первые два знака *синь чоу* (辛丑) являются знаками десятиричного цикла, которыми шанцы записывали календарную дату. В позднешанский период для

³ В специальной литературе этот знак также записывается как *си* (𠄎).

обозначения дней использовались парные комбинации циклических знаков, позднее известных как *тянь гань* (天干) (цзя; 甲, и; 乙, бин; 丙, дин; 丁, у; 戊, цзи; 己, гэн; 庚, синь; 辛, жэнь; 壬, гуй; 癸) и *ди чжи* (地支) «земные ветви» (цзы; 子, чоу; 丑, инь; 寅, мао; 卯, чэнь; 辰, сы; 巳, у; 午, вэй; 未, шэнь; 申, ю; 酉, сюй; 戌, хай; 亥). Сочетания иероглифов десятиричного и двенадцатеричного циклического рядов образовывали шестидесятеричный цикл. День *синь-чоу* — 11 день этого цикла. Аналогичным образом дни обозначались в гадательных надписях, надписях на бронзе и некоторых других твердых материалах. Шанский календарь был очень сложным, для его ведения требовались специальные знания и вычисления, доступные, по-видимому, лишь для определенной социальной категории, например, для жрецов и гадателей, которые, вероятно, использовали их как орудие религиозной власти [Keightley, 2002, p. 39].

На одном из фрагментов кости сохранилась запись шанского «календаря» в виде шестидесяти комбинаций знаков *тянь гань*, которая сделана скрибом из группы гадателя по имени Хуан, соотносимой с так называемым периодом V периодизации гадательных костей [Хэцзи, 1978–1983, № 37986]. Следует напомнить, что согласно Дун Цзо-биню (董作賓; 1895–1963), гадательные надписи делятся на пять периодов: период I — правление У-дина (武丁), период II — правление Цзу-гэна (祖庚) и Цзу-цзя (祖甲), период III — правление Линь-синя (廩辛) и Кан-дина (康丁), период IV — правление У-и (武乙) и Вэнь-дина (文丁), период V — Ди-и (帝乙) и Ди-синя (帝辛) [Дун Цзо-бинь, 1933, с. 323–424]. В настоящее время эта схема постоянно уточняется, но при этом в целом остается неизменной и по-прежнему широко используется специалистами.

Для записи календарной даты в позднешанских надписях характерна следующая последовательность — день/месяц/год, однако в рассматриваемой инскрипции указан только день, поэтому датировать эту надпись, основываясь только на календарной дате, представляется невозможным. Тем не менее нельзя сказать, что у нас отсутствуют ключи к ее датировке. Одним из таких ключей является место находки каменного сосуда.

Выше упоминалось, что каменный сосуд был обнаружен в дромосе могилы НРКМ 1003. Эта могила расположена в восточной секции так называемого царского некрополя Сибэйган, территорию которой занимают семь крупных могил с четырьмя дромосами, образующими крестообразную форму. Сопогребенный инвентарь этой могилы, как и других царских могил, был разграблен еще в древности. Каменный сосуд *гуй* был одним из немногочисленных артефактов, раскопанных археологами в этой могиле. В настоящее время китайские исследователи сходятся во мнении, что эта могила НРКМ1003 относится к четвертому периоду культуры Иньсюя, соотносимому с периодами правления Ди-и и Ди-синя, поэтому один из этих правителей может считаться хозяином данного погребения. По версии американской исследовательницы В. Кэйн, данная могила принадлежала последнему шанскому вану Ди-синю (Чжоу-синю; 紂辛). В действительности Ди-синь вряд ли мог быть здесь погребен, поскольку по сведениям Сы-ма Цяня (司馬遷; 145/135 – ок. 86 до н. э.) известно, что он совершил суицид, бросившись с террасы Лутай (鹿臺) в огонь. Чжоуский У-ван (武王; 1046–1043

до н. э.) отрубил уже мертвому Чжоу-синю голову и подвесил ее к большому белому бунчуку [Сыма Цянь, 2001, с. 177–178]. Затем, вероятно, череп Чжоу-синя был перенесен У-ваном в Чжоу, где был употреблен в качестве жертвы вместе с головами многих высокопоставленных пленников в жертву в храме предков. Таким образом, Чжоу-синь не был похоронен, а его усыпальницей, видимо, являлась недостроенная могила НРКМ 1567, расположенная рядом с могилой НРКМ 1003. На основании этого наиболее вероятной остается гипотеза, согласно которой могила НРКМ 1003 принадлежала отцу Ди-синя — Ди-и [Ху Цзинь-чжу, 2010, с. 76]. Поскольку каменный сосуд *гуй* был найден в дромосе этой могилы, то можно предположить, что он был помещен туда во время погребения, поэтому персонаж, фигурирующий в надписи на сосуде, был современником Ди-и и, возможно, последнего шанского правителя Ди-и.

Этот персонаж записан как *сяо чэнь Си* (小臣系), где, как полагает большинство исследователей, Си — это личное имя, а *сяо-чэнь* — название должности или титула. Термин *сяо-чэнь* (小臣; «малый служитель») часто встречается в надписях на гадательных костях и бронзовых сосудах. По поводу его конкретного содержания существуют различные версии и предположения. Некоторые исследователи рассматривают шанских *сяо-чэней* как высокопоставленных царедворцев, входящих в ближний круг шанского вана, другие указывают на то, что словоупотребление термина *сяо-чэнь* охватывает более широкую категорию подданных вана, что сближает его со смыслом позднего термина *чэнь* (臣; «слуга; вассал; подданный») [Дин Яо-хуа, 2018, с. 112]. Чэнь Мэн-цзя (陳夢家; 1911–1966) выделяет два вида *сяо-чэней*: одни из них являлись представителями нешанских сообществ «многих *фанов*» (*до фан*; 多方), состоящих в вассальной зависимости от шанского вана, другие же занимали относительно высокие должности при дворе: они устраивали военные походы, ведали повозками и лошадами, занимались гаданиями и выполняли другие приказы своего сюзерена. Чэнь Мэн-цзя обращает внимание на то, что, если в период правления одного вана в гадательных надписях, например, упоминается некий *сяо-чэнь* X, то в период другого вана тот же персонаж X фигурирует как гадатель, на основании чего авторитетный ученый предположил, что одно и то же имя в действительности являлось названием иноплеменного клана [Чэнь Мэн-цзя, 2004, с. 505–507].

На то, что под рубрикой *сяо-чэнь* объединялась разнородная масса лиц, состоявшая на службе у шанского вана. Они могли происходить как из шанских кланов, так и кланов сопредельных сообществ. Кроме того, часть *сяо-чэней* были женщинами, что подтверждается гадательной надписью, в которой сообщается о разрешении от бремени *сяо-чэнь* — «малой служительницы» [Хэцзи, 1978–1983, № 14037]. В некоторых инскрипциях фигурирует *сяо-чэнь* То (小臣妥; Хэцзи, 1978–1983, № 5578, 27890). Это же имя То (妥), которое, судя по элементу *нюй* (女; «женщина») принадлежало женскому персонажу, встречается также в сочетании с апеллятивами (*фу*; 婦; «жены») и *цзы* (子; «отпрыски»): Фу То (婦妥) [Хэцзи, 1978–1983, № 21793] и Цзы То (子妥) [Хэцзи, 1978–1983, № 20038], где первое имя определенно принадлежало женщине, а второе — с большой вероятностью указывают на женский персонаж. Вполне возможно, что имя То было не личным, а родовым именем.

В специальном исследовании шанских *сяо-чэней* Ван Цзинь-фэн (王进锋) разделяет *сяо-чэней* на три категории:

1) А *сяо-чэнь* (или в обратной записи — *сяо А чэнь*; 小 А 臣), где А отсылает к должностным функциям *сяо-чэня* (например, *ма сяо-чэнь*; 馬小臣 «*сяо-чэнь*, ведающий лошадьми»), личное имя к этому сочетанию не добавлялось;

2) *сяо-чэнь* Х (小臣 Х; варианты записи: *чэнь* Х; 臣 Х; «служитель Х» или *сяо* Х; 小 Х; «малый Х»), где Х, вероятно, является названием клана (сообщества *цзу*; 族), т. е. здесь присутствует не личное имя, а родовое;

3) *сяо-чэнь* или *ван сяо-чэнь* (王小臣⁴; в обратной записи — *сяо ван чэнь*; 小王臣 «малый служитель вана», «малый ванский служитель»), см.: [Юй Син-у, 1999, с. 310–311]), дополнительные сведения об этих лицах отсутствуют, поэтому они могут относиться как к первой категории, так и ко второй [Ван Цзинь-фэн, 2014, с. 38–44].

Если следовать этой классификации, то персонаж из надписи на каменном сосуде — *сяо чэнь* Си относится к категории *сяо-чэнь* Х.

Важным представляется то, что, как показывает Ван Цзинь-фэн, в этой категории *сяо-чэней* знак Х является названием местности или клана, причем носитель этого титула мог происходить из земель так называемого внешнего пояса, т. е. мест, удаленных от шанской столицы, и внутреннего пояса, т. е. близлежащих областей. Тем не менее, как правило, большинство *сяо-чэней* этой категории были выходцами из внешнего пояса [Ван Цзинь-фэн, 2014, с. 43]. Не исключением, видимо, являлся *сяо-чэнь* Си. В гадательных инскрипциях знак *си* 系 встречается в сочетании *си-фан* (系方; «сообщество-фан *си*») [Хэцзи, 1978–1983, № 21793]), а также в качестве топонима [Ван Цзинь-фэн, 2014, с. 42]. Во времена правления Линь-синя и Кан-дина *си-фаны* находились во враждебных отношениях с Шан [ИСЦГСДЦД, 2020, с. 393]. Таким образом, выражение *сяо-чэнь* Си можно интерпретировать как «малый служитель», происходящий из сообщества *си-фанов* или владения (местности) Си.

В рассматриваемой надписи на каменном сосуде *сяо-чэнь* Си выступает субъектом действия, выраженным знаком *жу* (入) в значении «подносить, совершать подношение». В надписях на гадательных костях это его не единственное значение, причем преимущественно этот знак употребляется в значении «входить» [ЦГВЦД, 2014, с. 393]. Тем не менее в качестве термина дарения (от младшего старшему) знак *жу* встречается в надписях, которые представляют собой пометки, фиксирующие факт подношения тем или иным лицом, состоящим при дворе шанского вана, определенного количества щитков (костей). Так, в надписи «雀入二百五十» (Цюэ преподнес двести пятьдесят [черепашьих щитков]) [Хэцзи, 1978–1983, № 14037] сообщается, что некий Цюэ (雀), частый персонаж гадательных надписей периода У-дина, сделал подношение панцирями черепах для гадания. Он являлся объектом особой заботы У-дина (в гаданиях спрашивается, не заболел ли Цюэ, не случится ли с ним несчастье, не умрет

⁴ Помимо *ван сяо-чэнь*, к третьему типу относятся носители некоторых других титулов, образующих сочетание *сяо-чэнь* и знаков, которые по своему значению не соответствуют добавочным знакам в титулах первой и второй категорий.

ли он), участвовал в царских жертвоприношениях и военных походах. Следует отметить, что субъектами подношений, выраженных знаком жу и другим синонимичным иероглифом — ши (示), преимущественно выступают женщины категории фу [Яо Сяосуй, Сяо Дин, 1989, с. 1267–1269], которые, вероятно, также занимались подготовкой гадательных предметов. В этой связи Чжэн Хуй-шэн 郑慧生 (1937–2014) рассматривает субъектов подношений жу и ши (включая вышеупомянутого Цюэ) как женщин, выполнявших жреческие и иные функции при дворе шанского вана [Чжэн Хуй-шэн, 2003, с. 503]. Таким образом, сяо-чэнь Си, указанный в качестве дарителя в надписи на каменном сосуде, мог являться как мужчиной, так и женщиной.

Объект подношения выражен знаком, который в первичной транскрипции обычно записывается как цинь (𠂔) и считается этимологом иероглифа цинь (禽) «птицы и звери; схватить». В гадательных надписях наиболее часто встречаются такие графические варианты этого знака, как 𠂔 или 𠂔. Эти графемы представляют собой пиктографическое изображение сети или сети, привязанной к шесту. Вероятно, такого рода снасть применялась для ловли зверей и птиц во время охоты [ИСЦГСДЦД, 2020, с. 238]. Как полагают исследователи, первоначально знак цинь употреблялся в глагольном значении (как эквивалент иероглифа цинь; 擒; «схватить, поймать; задерживать; взять в плен, изловить»), а впоследствии приобрел именное значение «пойманное; добытое» [ЦГВЦД, 2014, с. 1532]. Выражение жу цинь (入禽) можно интерпретировать как «преподнести заполученные трофеи».

По поводу того, что следует понимать под трофеями, преподнесенными сяо-чэнем Си шанскому вану, можно предложить два варианта интерпретации. Под этими трофеями, как отмечают исследователи, подразумеваются животные, отловленные во время охоты [Чжао Чао, 2006, с. 31–32]. Действительно, в гадательных надписях объектом глагола цинь являются разные звери. Часто встречаются такие устойчивые выражения, как цинь ми (擒麋) «поймать оленя-милу» (олень Давида, лат. *Elaphurus davidianus*), цинь лу (擒鹿) «поймать оленя», цинь сы (擒兕) «поймать буйвола (или носорога?)», цинь ху (擒狐) «поймать лисицу», цинь ху (擒虎) «поймать тигра» [Яо Сяосуй, Сяо Дин, 1989, с. 1082–1087].

С другой стороны, согласно толкованию Ху Хоу-сюаня (胡厚宣; 1911–1995), жу цинь имеет значение ритуала «подношения захваченных пленников» (сянь фу; 献俘). Судя по этой трактовке, термин цинь соответствует значению фу (俘) «брать в плен; пленник», в особенности, когда речь идет о пленниках, захваченных во время военных действий [Ху Хоу-сюань, 2002, с. 424]. В качестве подтверждения того, что объектами «ловли» были люди, например представители инородных сообществ, находившихся в конфронтации с Шан, может служить следующая гадательная инскрипция:

己酉貞王無𠂔禽(擒)土方

В [день] цзи-ю вызвали: вану не удастся⁵ поймать ту-фанов? [Сяотунь, 1980, № 994].

⁵ Здесь как «не удастся» переведен оборот у сян (шань) (無 𠂔). Как считается, в гадательных надписях в этом часто встречающемся выражении слово сян (шань) 𠂔 является

В этой надписи сообщается о «поймке *ту-фанов*» (*ту-фан*; 土方), с которыми во времена У-дина шанцы вели войны⁶.

В другой надписи объект «ловли» выражен знаком *жэнь* (人; «человек; люди»), семантика которого достаточно широка и не позволяет конкретизировать, о ком идет речь:

丙辰卜王狩霍禽(擒)伐(?)人不擒

В [день] бин-чэнь гадали, ван [вызывал]: [когда отправимся] на охоту, Хэ поймает и обезглавит (?) людей? Не поймает? [Хэцзи, 1978–1983, № 33384].

Скорее всего, здесь также имеются в виду иноплеменники. Как представляется, цель их захвата заключалась в последующем принесении в жертву, на что указывает знак *фа* (伐) «обезглавить». Последний вырезан не совсем разборчиво, поэтому эта интерпретация остается под вопросом, тем не менее важным является то, что люди, как и животные, также включались в категорию объектов ловли, т. е. «трофеев». Из других гадательных надписей известно, что люди из инородческих племен воспринимались шанцами прежде всего становились предметами ритуального заклания. Этим обуславливается необходимость захвата потенциальных ритуальных жертв живьем.

Далее в надписи на каменном сосуде стоит знак, который в настоящее время обычно расшифровывается как *цзу* (俎; «стол для жертвоприношений») или *и* (宜; одно из поздних значений: «приносить жертвы (перед походом)»). Ли Сюэ-цин (李學勤; 1933–2019) интерпретирует его в этой надписи как *яо жоу* (肴肉) «приготовленное мясо», т. е. знак *цзу* в данном случае, как и знак *цин*, выступает в роли дополнения глагола *жу* «подносить». Таким образом, *сяо-чэнь* Си, по мнению этого исследователя, преподнес охотничьи трофеи (*цин*) и мясные яства (*цзу*) [Ли Сюэ-цин, 1998, с. 12]. Действительно, знак *цзу* представляет собой изображение жертвенного столика, на котором раскладывалось преподносимое духам мясо. В гадательных надписях он часто применяется в глагольном значении «совершить ритуал подношения мясом, разложенным на ритуальных столах» [Лю Син-лун, 1993, с. 921]. Таким образом, если интерпретировать *цзу* (*и*) как глагол, то выражение *жу цин* *цзу* (*и*) следует переводить как «преподнести трофеи и совершить ритуал подношения мясных яств». В конечном счете оба варианта толкования сводятся к ритуальному подношению (раскладыванию на жертвенных столах) неких мясных блюд. По-видимому, эти блюда были приготовлены из трофеев *цин*, причем последние могли состоять не только из птиц и зверей, но и из человеческих жертв.

служебным и, возможно, выражает модальность [ИСЦГСДЦД, 2020, с. 80].

⁶ Некоторые исследователи отождествляют *ту-фанов* (土方) с известным по более поздним источникам народом *сянь-юнь* (獫狁), предками хунну, или кланом Танду-ши (唐杜氏), обитавшим в эпоху Чжоу в Шаньси. Как полагают исследователи, *ту-фаны* населяли район от севера Шаньси до южной части Внутренней Монголии [ИСЦГСДЦД, 2020, с. 382].

В одной из инскрипций на гадательных костях сообщается о том, что в качестве жертвенного подношения, разложенного на столах, фигурируют *цяны*⁷:

己卯 子黃 入宜羌十

В [день] *цзи-мао* X⁸ Цзы Гуан сделал подношение *цянами*, [разложенными на ритуальных столах в качестве] *яств* [Хэцзи, 1978–1983, № 10405/фр].

Заслуживает внимания, что, судя по этой надписи, люди — *цяны* применялись для жертвенного потребления в виде мясных блюд, что свидетельствует о ритуальном каннибализме шанцев. Исследуя антропофагию шанских ритуалов, Ли Шо (李碩) отмечает, что после завершения ритуала кормления сакральных сил человеческим мясом жертвователю был обязан разделить его между остальными участниками во время ритуальной трапезы [Ли Шо, 2019, с. 367]. Таким образом, шанский ван и его окружение не брезговали яствами из человечины, а царские предки продолжали в своем посмертном существовании вкушать угощения из человеческой плоти, как они делали это при жизни. В классических произведениях сохранились сведения о том, что старший сын чжоуского Вэнь-вана (文王; Цзи Чан; 姬昌)⁹ — Бо И-као (伯邑考) был направлен в Шан в качестве заложника и служил возничим колесницы, однако впоследствии, когда его отец — предводитель чжоусцев прибыл к шанскому двору, шанский ван Чжоу-синь сварил из Бо И-као похлебку и накормил ею Вэнь-вана [ДВШЦ, 1936, с. 26–27]. По легендарным сведениям, некоторые из неугодных Чжоу-синю представителей элиты были подвергнуты экзекуции, в которой просматривается кулинарный аспект. Так, «И-хоу¹⁰ был зажарен, Гуй-хоу¹¹ завялен, у Би-ганя¹² вырезали сердце,

⁷ В гадательных надписях *цяны* (цянь; 羌) выступают в качестве одной из наиболее распространенных категорий человеческих жертв и названия сообщества (цянь-фан; 羌方), обитавшего поблизости с Шан.

⁸ Знак, отмеченный нами как X, не дешифрован. В транскрипции его можно записать как *мэй* (媚), в некоторых надписях он обозначает женское имя [ЦГВЦЛ, 2014, с. 374–375]. В данной инскрипции гипотетически выражение *мэй цзы гуан* (媚子黃) можно интерпретировать как «мэйский Цзы Гуан» (т. е. Цзы Гуан из рода Мэй или Цзы Гуан, матерью которого являлась Мэй).

⁹ Вэнь-ван — один из исторических персонажей позднешанского периода, глава удела Чжоу, отец У-вана, свергнувшего власть правителей Шан.

¹⁰ Под И-хоу (翼侯) здесь подразумевается упоминаемый в *Ши-цзи* Э-хоу (鄂侯) (см. [ХФЦЦИ, 1995, с. 0]), один из трех князей (наряду с Вэнь-ваном и Цзю-хоу), получивших от шанского Чжоу-синя титул гуна. Про Э-хоу Сыма Цянь сообщает, что «Э-хоу соперничал с Чжоу в силе, в спорах был острее, [Чжоу убил его] и завялил [тело] Э-хоу» (鄂侯爭之彊, 辨之疾, 并脯鄂侯). Перевод Р. В. Вяткина и В. С. Таскина [Сыма Цянь, 2001, с. 176].

¹¹ Под Гуй-хоу здесь подразумевается упоминаемый в *Ши-цзи* Цзю-хоу (九侯) (см. [ХФЦЦИ, 1995, с. 40]): «Цзю-хоу имел красавицу дочь, которую он ввел [во дворец] Чжоу[-синя]. Но дочь Цзю-хоу не любила распутства, и Чжоу, разгневавшись, убил ее, а затем разрубил Цзю-хоу на куски» (九侯有好女, 入之紂。九侯女不喜淫, 紂怒, 殺之, 而醢九侯). Перевод Р. В. Вяткина и В. С. Таскина [Сыма Цянь, 2001, с. 176]]. Возможно, дочь Цзю-хоу (Гуй-хоу) также была принесена в жертву.

¹² Би-гань (比干) состоял при дворе Чжоу-синя и неоднократно увещевал его отказаться от

Мэй-бо¹³ был изрублен в крошево» (翼侯炙鬼侯腊比干剖心梅伯醢) (см. Хань-фэй цзы (韓非子; «[Трактат] “Хань Фэй-цзы”», глава 3 Нань янь; 難言; «Речи, с трудом произносимые» [ХФЦЦИ, 1995, с. 38])). Все эти персонажи, вероятно, были съедены, но прежде принесены в жертву духам царских предков.

Итак, выражение *жу цинь* и можно интерпретировать как ритуальное подношение мясных яств, вероятно, приготовленных из трофеев, которые добыл сяо-чэнь Си. В надписи на каменном сосуде внимание акцентируется на том, что этот сяо-чэнь преподнес добытые им трофеи (охотничьи или военные) для употребления их в качестве жертвенной пищи. И здесь нельзя не обратить внимание на то, что жертвенные подношения дикими животными, добытыми охоте, были довольно редки, они представляли собой особой вид жертвоприношений, записывавшийся знаком *цзи* ¹⁴. В то же время о жертвоприношении можно судить лишь по косвенным указаниям, так как объект жертвоприношения не указан. Собственно говоря, инскрипция лишь фиксирует факт подношения, которое воспринималось как заслуга, подлежащая прославлению и увековечиванию. Однако употребление знака

В конце надписи указано местонахождение ритуального подношения — *цзай* Х (才(在)喜) «в местности Х». Топоним записан не совсем отчетливо сохранившимся знаком, расшифровываемым как 喜 или 𠂔, фонетика которого неизвестна, но по верхней графеме (𠂔) его можно прочесть как *чжуань*. В позднешанский период ван нередко отправлялся в Чжуань на охоту. По одной из версий, эта местность находилась к западу от горы Тайшань (泰山; в пров. Шаньдун), в крупном районе, ограниченном на юге р. Хуайхэ (淮河), а на севере — р. Цишуй (濟水). Некоторые исследователи локализуют Чжуань в уезде Таньчэн (郯城) современного городского округа Линьши (临沂) в провинции Шаньдун [Чжао Чао, 2006, с. 32].

Заканчивается рассматриваемая надпись выражением *и (и) гуй (гуй)* (𠂔(以)𠂔). Что касается иероглифа *гуй* (𠂔), то он считается древней формой иероглифа *гуй* (簋), обозначающего ритуальный сосуд для проса. Следует отметить, что в гадательных надписях знак, дешифрованный как *гуй* (𠂔), не употребляется в контекстах, которые позволили бы истолковать его в значении «жертвенный сосуд». По своей графической структуре шанский знак *гуй* (𠂔) представляет собой пиктографическое изображение сосуда (причем не сосуда *гуй*, а некоего круглого сосуда, сужающегося в верхней и

распутных и безобразных поступков. Однако шанский ван не внял его словам и однажды, заявив, что желает увидеть, действительно ли сердце мудреца имеет семь отверстий, разрезал грудь Би-ганя (см. [Сыма Цянь, 2001, с. 176). По некоторым данным, Бигань был сыном Тай-дина (太丁; Вэнь-дина; 文丁) и приходился дядей Чжоу-синю, по другим, он был младшим братом Чжоу-синя и сыном Ди-и (帝乙) или младшим братом Ди-и [Сыма Цянь, 2001, с. 297, 319]].

¹³ Мэй-бо (梅伯) — один из *чжухоу* позднешанского периода, его княжество, вероятно, находилось на территории современного уезда Цзисянь (汲县) в Хэнани [ХФЦЦИ, 1995, с. 40].

¹⁴ Чтение знака условное, дано по иероглифу *цзи* (祭) «приносить жертвы». В современном написании один из аллографов этого знака записывается как 𠂔.

нижней части) и зажатого в руке орудия в виде дубинки с наконечником (молотка?) 𠂇 или палки 𠂇 (этимон иероглифа шу; 𠂇 «дреколье»), на основании чего в современной транскрипции он условно отождествляется с иероглифом гуй 𠂇.

В словаре гадательных знаков под редакцией Сюй Чжун-шу (徐中舒; 1898–1991) зафиксировано два значения шанского знака гуй: 1) способ ритуального заклания, 2) топоним. Что касается первого значения, то в качестве примера приведена надпись, в которой объектом заклания гуй являлись цяны [ЦГВЦД, 2014, с. 485]. Как представляется, этимология этого знака восходит к древнему обычаю порчи погребального инвентаря, когда кухонная утварь, укладываемая рядом с покойником в могилу, подлежала разрушению. Отсюда, вероятно, происходит значение ритуального заклания: жертвы разрубались на части подобно тому, как разбивался на части глиняный горшок¹⁵. По нашему мнению, в надписи на каменном сосуде знак гуй выражает способ жертвоприношения «трофеев», под которыми, скорее всего, подразумеваются пленники. По всей видимости, жертвы были разложены на ритуальных столах в качестве подношения царским предкам.

Здесь возникает вопрос, почему подношение мяса упоминается в надписи на сосуде, использовавшимся для подачи сваренных злаков. Ли Сюэ-цинъ объясняет это тем, что мясо, приготовленное в сосуде дин (鼎), подавалось вместе с кашей из проса и ячменя, что подтверждается данными письменных и эпиграфических памятников о совместном ритуальном употреблении сосудов дин и гуй [Ли Сюэ-цинъ, 1998, с. 12]. Однако эта практика появилась лишь в западножоуский период. К тому же, в рассматриваемой надписи ничего не сообщается ни о подношении злаков, ни об использовании в ритуальной трапезе сосудов дин. Кроме того, Ли Сюэ-цинъ принимает толкование знака и (и) 𠂇 (以) как эквивалента иероглифа юй (與) «совместно с». Учитывая то, что, по интерпретации китайского исследователя, знак гуй имеет значение сосуда, то выражение и гуй расценивается им как свидетельство совместного подношения сосудов для злаков (гуй) и мяса (дин). Тем не менее сосуд дин в этой инскрипции не упоминается, а значение знака гуй «сосуд для злаков» не очевидно. Кроме того, как следует из других гадательных надписей, толкование и в качестве наречия «вместе» или предлога «с» возможно лишь при условии, когда в надписи присутствуют оба соединяющих элемента [ИСЦГСДЦД, 2020, с. 499]. В надписи на каменном сосуде такие элементы отсутствуют. На основании этого интерпретация и в значении «совместно» в данном случае нельзя назвать приемлемой. Наиболее часто семантика знака и в гадательных надписях соответствует иероглифу юн (用) «употреблять, применять», в особенности, когда речь заходит о принесении жертв [ИСЦГСДЦД, 2020, с. 1593]. Если взять в расчет это толкование, то смысл выражения и гуй (𠂇 𠂇) сводится к обозначению способа жертвоприношения, т. е. и гуй означает «применить способ заклания гуй». Таким образом, эта фраза констатирует выбор определенного способа употребления в жертву.

Более того, в эпоху Шан сосуд гуй не служил вместилищем исключительно постной пищи. Так, в одном из керамических сосудов гуй, обнаруженных в Иньсюе,

¹⁵ Подробнее о порче погребального инвентаря см.: [Куликов, 2014, с. 6–28].

находилась баранья нога [Сун Чжэнь-хао, 1994, с. 267]. Использование этих сосудов для подачи каш из проса и ячменя относится к более позднему времени. Следовательно, версия о вероятном применении сосуда *дин* представляется несостоятельной. В то же время можно предположить, что в каменный сосуд были помещены куски человеческого мяса, приготовленного из захваченных и затем разложенных на ритуальных столах пленников.

Ритуалы жертвоприношений сопровождалась трапезой, участники которой разделяли ее вместе с духами предков. Часть жертвенных угощений были предназначены для сошедших предков, другие части съедали те, кто принес жертвы. В причащении пищей заключалась собственно суть жертвоприношения: совместное поедание жертвенных яств искусственно создает узы родства между всеми участниками трапезы и создании родственной связи между людьми и духами. Поэтому факт подношения *сяо-чэнь* Си добытых трофеев, употребленных затем в ритуале жертвенного кормления предков шанского вана, являлся важным свидетельством существования особых отношений между ваном и его «малым служителем», видимо, происходившим из нешанского клана. Надпись на каменном сосуде *гуй* демонстрировала важность не столько актов подношения и жертвоприношения, сколько отношений, возникающих за этим актами.

Теперь можно привести перевод надписи на каменном сосуде *гуй* в полном виде:

«В [день] синь-чоу малый служитель Си преподнес пленников, разложили мясные яства [на ритуальных столах в качестве жертвенного подношения]. В [местности] Чжуань. Применили [ритуальное заклятие] гуй».

Имя Сяо-чэнь Си встречается в надписях на других предметах, датируемых концом Шан — началом эпохи Западная Чжоу. Так, этот «малый служитель» упоминается в надписи на бронзовом сосуде *Сяо-чэнь Си фан ю* (小臣系方卣; «квадратный кувшин Сяо-чэнь Си»):

王賜小臣𠄎 (系) 賜在寢用乍 (作) 祖乙尊

Ван одарил малого служителя Си дарами в храме-*цин*. [Си] воспользовался [случаем, чтобы] изготовить [этот] ритуальный сосуд [для жертвоприношений] Цзу-и [ИЧЦВЦЧ, 2007, № 5378, 5379; Чжан Я-чу, 2001, с. 106].

Место и время находки кувшина *ю* (卣) неизвестно. Как полагают исследователи, вероятнее всего, он обнаружен в Иньское и датируется четвертым периодом Иньсюя [Янь Чжи-бинь, 2013, с. 444], т. е. тем же периодом, что и каменный *гуй* из сибэйганской могилы. Это обстоятельство наводит на мысль, что в надписях на бронзовом кувшине и каменном сосуде упоминается одно и то же лицо. Несмотря на то, что в надписи на бронзе *сяо-чэнь* Си выступает в качестве реципиента царских даров и является владельцем сосуда, а в надписи на каменном сосуде он является дателем, и сосуд, вероятно, принадлежал вану, обе надписи объединяет идея жертвоприношения¹⁶.

¹⁶ В надписи на бронзе сообщается, что *сяо-чэнь* Си был одарен в храме Цзу-и (祖乙), видимо, после совершения жертвоприношения этом предку, под которым может

Кроме того, *сяо-чэнь* Си упоминается в инскрипциях на нефритовых изделиях. Так, это имя присутствует в надписи на нефритовом кольце *юань* (琰) (с отверстием посередине), обнаруженном в 1994 г. на могильнике знати княжества Го (虢) (в районе Шаньцуньлин (上村岭) близ г. Саньмэнься (三门峡) в провинции Хэнань (河南) эпохи Западная Чжоу [Цзян Тао, Цзя Лянь-минь, 1998, с. 57–62]. Эта надпись гласит: *Сяо-чэнь Си сянь* 小臣兹 (系) 猷 (猷) «Сяо-чэнь Си преподнес в дар». Аналогичная надпись вырезана на нефритовой алебарде, найденной в ходе раскопок 2005–2006 гг. западночжоуского погребения М26 в Ляндайцунь (梁带村) близ г. Ханьчэн (韩城) в провинции Шэньси (陕西) [ШСШКГЯЦС, 2007, с. 4–21]. Несмотря на разные места находок, нефритовые предметы с большой вероятностью принадлежали одному владельцу — «малому служителю» Си, которого, как представляется, можно отождествить с одноименным владельцем каменного сосуда *гуи* и бронзового кувшина ю. Однако встает вопрос: как можно объяснить, что нефритовые изделия находились в разных местонахождениях (кольцо — в Хэнани, алебарда — в Шэньси), причем последние связываются с различными уделами раннего периода Западной Чжоу?

Сяо-чэнь Си является персонажем периода правления шанского Ди-и [Ли Сюэ-цин, 1998, с. 12]. Будучи выходцем из местности или клана Си, он, по всей видимости, состоял на службе у вана и был одним из его приближенных лиц, участвующим в царских ритуальных трапезах и жертвоприношениях ванским предкам. *Сяо-чэнь* был вовлечен в систему реципрокных отношений с ваном, выступая как дателем, так и реципиентом даров. Судя по нефритовым изделиям, поднесенным шанскому вану, они имели важное ритуальное значение. Достаточно вспомнить, что, согласно *И-чжоу-шу* (逸周書; «Утраченная книга Чжоу», *Ши-фу цзе*; 世俘解; Глава «Всеобщее пленение»), последний шанский правитель — Чжоу-синь, узнав о поражении своих войск, совершил самосожжение, обложившись со всех сторон нефритовыми предметами. Кроме того, множество нефритов хранилось в сокровищницах шанского вана. Победителю шанцев — чжоускому У-вану достались богатые трофеи: «всего У-ван возымел четырнадцать тысяч старых шанских драгоценных нефритов и сто миллионов восемьдесят тысяч нефритовых подвесок» (凡武王俘商舊寶玉萬四千, 佩玉億有八萬) [*И-чжоу-шу*, сайт www.ctext.org]. По всей видимости, в числе захваченных нефритовых изделий чжоусцы заполучили кольцо и алебарду, преподнесенные последнему шанскому вану его «малым служителем» Си.

Судьба же самого Си остается неизвестной. Возможно, он продолжил службу при дворе Ди-синя и тогда разделил печальную участь других шанских *сяо-чэней*, обезглавленных У-ваном. Или, как полагает Гао Мин (高明; 1926–2018), являясь фаворитом Ди-и, он был сопогребен вместе со своим государем в царской усыпальнице, причем вместе с ним был погребен и принадлежавший ему каменный сосуд *гуи* с надписью [Гао Мин, 2001, с. 102]¹⁷. Однако происхождение ямы, в которой

подразумеваться не только довольно далекий шанский предок Цзу-и, но и дед Ди-и — У-и и отец У-дина — Сяо-и (小乙).

¹⁷ По мнению Гао Мина, в эпоху Шан статус *сяо-чэней* соответствовал статусу евнухов в

обнаружили фрагменты этого сосуда, не совсем ясно. Можно предположить, что первоначально сосуд находился в другом месте, а в этот подкоп в виде маленькой ямы он был положен, вероятнее всего, грабителями могилы. В то же время нельзя исключать того, что сосуд находился в этом месте, но не был унесен грабителями, сделавшими подкоп с целью проникновения в усыпальницу.

В любом случае надпись, вырезанная на каменном сосуде *гуй*, является ценным источником сведений о ритуальных практиках позднешанского периода. Как и надписи на бронзе и других твердых материалах, эта надпись приурочена к знаменательному событию: подношению вану «малым служителем» — *сяо-чэнем* Си даров для жертвоприношения и ритуальной трапезы, видимо, с использованием каменного сосуда, на котором и была вырезана памятная инскрипция. Эти дары представлены добытыми *сяо-чэнем* трофеями, состоявшими, по нашему мнению, из пленников. Несмотря на то, что их конкретное содержание установить сложно, однако, судя по словоупотреблению терминов жертвоприношений в гадательных надписях из Иньсюя, можно предположить, что трофеи состояли из захваченных в ходе военных рейдов, имевших характер охоты за головами, насельников соседних с Шан земель. В этом случае человеческие жертвы, подобно животным жертвам, разделявались и применялись для приготовления ритуальных блюд, которые разделялись между участниками жертвенной трапезы. Объект жертвоприношения в надписи не указан, тем не менее с большой вероятностью следует считать, что им являлся дух одного из умерших шанских ванов. Обычай поедания жертвенных яств, выражавшийся в религиозной антропофагии, не только преследовал цель завладения силами и другими качествами поедаемых, но и искусственно создавал узы родства между всеми участниками трапезы и создании родственной связи между людьми и духами, причем в жизни эти люди и духи могли не состоять в родственных отношениях.

Список литературы / References

- Крюков В. М. *Текст и ритуал. Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу*. М.: Памятники исторической мысли; 2000. 464 с. [Kryukov V. M. *Text and Ritual: An Attempt of Interpretation of Ancient Chinese Epigraphy of Yin—Zhou Epoch*. Moscow: Pamyatniki Istoricheskoi Mysli, 2000. 464 p. (in Russian)].
- Крюков В. М. Дары земные и небесные (к символике архаического ритуала в раннечжоуском Китае). *Этика и ритуал в традиционном Китае*. М.: Наука; 1988. С. 56–85 [Kryukov V. M. Earthly and Heavenly Gifts (On the Symbolism of Archaic Ritual in Early Zhou China). *Ethics and Ritual in Traditional China*. Moscow: Nauka; 1988. P. 56–85 (in Russian)].
- Куликов Д. Е. Обычай порчи инвентаря в погребальных памятниках эпохи Шан-Инь (XVII–XI вв. до н. э.). *XLIX научная конференция «Общество и государство в Китае»*, № 1, М.: Институт востоковедения РАН, 2019. С. 6–28 [Kulikov D. Ye. The Custom of Damage of Inventory in Funeral Monuments of the Shang-Yin Period (17th–11th

- Centuries BC)// XLIX Academic Conference “Society and State in China”. No. 1. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2019. P. 6–28. (in Russian)].
- Кучера С. Инскрипции на бронзовых изделиях — особый вид источников по древней истории Китая. Часть первая. *Восток (Oriens)*. 2001. № 2. С. 121–133 [Kuchera S. Bronze Inscriptions as a Special Kind of Sources of Early China History. Part 1. *Vostok (Oriens)*. 2001. № 2. P. 121–133 (in Russian)].
- Сыма Цянь. *Исторические записки (Ши цзи)*. Т. 1. Пер. и комм. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина под общ. ред. Р. В. Вяткина. М.: Восточная литература, 2001. 415 с. [Sima Qian. *Records of the Grand Historian*. Vol. 1. Transl. and comm. by R. V. Vyatkin and V. S. Taskin. Ed. by R. V. Vyatkin. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2001. 415 p. (in Russian)].
- Keightley D. N. *The Ancestral Landscape. Time, Space, and Community in Late Shang China (ca. 1200–1045 b. c.)*. Berkeley: Institute of East Asian Studies University of California, 2002. 209 p.
- Ван Цзинь-фэн (王进锋). Инь-Шан шици дэ сяо-чэнь (殷商时期的小臣; Сяо-чэни периода Инь-Шан). *Гудай вэньмин* (古代文明; Древние цивилизации). 2014. Т. 8, № 3. С. 35–53 [Wang Jinfeng. On the Xiaochen in Yin Dynasty. *The Journal of Ancient Civilizations*. 2014. Vol. 8. No. 3. P. 35–53 (in Chinese)].
- Гао Мин (高明). Лунь Шан Чжоу шидай дэ чэнь хэ сяо-чэнь (论商周时代的臣和小臣; К вопросу о чэнях и сяо-чэнях в эпохи Шан и Чжоу). *Гао Мин луньчжу сюаньцзи* (高明论著选集; Избранные труды Гао Мина). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ (科学出版社), 2001. 331 с. [Gao Ming. About Chen and Xiao-chen of Shang Zhou Period. *Selected Works of Gao Ming*. Beijing: Kexue Chubanshe, 2001. 331 p. (in Chinese)].
- Гао Цюй-сюнь (高去寻). Сяо-чэнь Си ши гуй дэ цаньпянь юй минвэнь (小臣系石簋的残片与铭文; Фрагменты и надпись каменного сосуда гуй Сяо-чэнь Си). *Лиши юйянь яньцзюсо цзикань* (历史语言研究所集刊; Бюллетень Института истории и филологии Академии Синика). Т. 2. 1957. № 28. С. 593–609 [Gao Quxun. Fragments and Inscriptions of Stone Vessel Gui. *Lishi Yuyan Yanjiusuo Jikan*. Vol. 2, 1957. №. 28. P. 593–609 (in Chinese)].
- ДВШЦ, 1936 — Хуан-фу Ми (皇甫謐). *Ди ван ши цзи* (帝王世纪; Летопись [деяний] поколений императоров и царей). Шанхай: Шанхай шанъу шу гуань (上海商務書館), 1936. 452 с. [Huangfu Mi. *Chronicle of Generations of Emperors and Kings*. Shanghai: Shanghai Shangwu Shuguan, 1936. 452 p. (in Chinese)].
- Дин Яо-юань (丁垚元). Сяо-чэнь Си фан ю (小臣系方缶; Квадратный кувшин ю с надписью Сяо-чэнь Си). *Хуаньцю жэньвэнь дили* (环球人文地理; Антропогеография Земли), 2018. Вып. 4. С. 112 [Ding Yao-yuan. Xiao-chen Xi Quadrate You-Vessel. *Huanqiu Renwen Dili*. 2018. №. 4. P. 112 (in Chinese)].
- Дун Цзо-бинь (董作賓). Цзягувэнь дуаньдай яньцзю ли (甲骨文断代研究例; Принципы изучения периодизации гадательных надписей на костях). *Лиши юйянь яньцзюсо цзикань* (历史语言研究所集刊; Бюллетень Института истории и филологии Академии Синика). Бэйпин, 1933. С. 323–424. [Dong Zuobin. Principles of the Study of

- Oracle Bone Periodization. *Bulletin of the Institute of History and Philology*. Beiping, 1933. P. 323–424 (in Chinese)].
- ИСЦГСДЦД, 2020 — *Иньсюй цзягусюэ да цыдянь* (殷墟甲骨学大辞典; Большой лексический словарь науки о [надписях] на панцирях и костях из Иньсюя). Ред. Го Сюй-дун (郭旭东), Чжан Юань-синь (张源心), Чжан Цзянь (张坚). Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ (中国社会科学出版社), 2020. 1372 с. [*Big Dictionary of Yin Xu Oracle-bone Inscriptions*. Ed. Guo Xudong, Zhang Yuanxin, Zhang Jian. Beijing: Zhongguo Shehui Kexue Chubanshe, 2020. 1372 p. (in Chinese)].
- И-чжоу-шу (逸周書). *Утраченная книга Чжоу* [Yi Zhou Shu. Lost Book of Zhou. URL: <https://ctext.org/lost-book-of-zhou>. Date 25/09/2022 (in Chinese)].
- ИЧЦВЦЧ, 2007 — *Инь Чжоу цзиньвэнь цзичэн* (殷周金文集成; Полное собрание надписей на бронзе Инь и Чжоу). Ред. Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо (中国社会科学院考古研究所; Институт археологии Академии общественных наук КНР). Т. 1–8. Пекин: Чжунхуа шуцзюй (中华书局), 2007. 11993 с. [*The Collection of Yin-Zhou Bronze Inscription*. Ed. by Institute of Archeology of CASS. Beijing: Zhonghua shuju, 2001. 11993 p. (in Chinese)].
- Ли Сюэ-цин. Тань сяо-чэнь Си юй юань (谈小臣系玉璜; Поговорим о нефритовом кольце Сяо-чэнь Си). *Гугун боююань юанькань* (故宫博物院院刊; Вестник Музея Гугун), 1998. Вып. 3. С. 11–13 [Li Xueqin. Talk about Xiao-Chen Xi Jade Ring. *Gugong Bowuyuan Yuankan*. 1998. №. 3. P. 11–13 (in Chinese)].
- Ли Шо (李硕). *Кун-цзы да лиши: чуминь, гуйцзу юй гуатоуэнь дэ цзао ци хуася* (孔子大历史: 初民、贵族与寡头们的早期华夏; Великая историческая эпоха Конфуция: хуася в ранний период древних людей, аристократов и олигархов). Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ (上海人民出版社), 2019. 432 с. [Li Shuo. *The Great History of Confucius: Huaxia in the Early Period of Ancient People, Nobles and Oligarchs*. Shanghai: Shanghai Renmin Chubanshe, 2019. 432 p. (in Chinese)].
- Лю Син-лун (劉興隆). *Синь бянь цзягувэнь цыдянь* (新編甲骨文字典; Новый иероглифический словарь письменных знаков на панцирях и костях). Пекин: Гоцзи вэньхуа чубань гунсы (國際文化出版公司), 1993. 1071 с. [Liu Xinglong. *New Dictionary of Oracle Bone Inscriptions*. Beijing: Guoji Wenhua Chubanshe, 1993. 1071 p. (in Chinese)].
- Сун Чжэнь-хао (宋镇豪). *Ся Шан Чжоу шэхуй шэнхо ши* (夏商周社会史; Социальная история Ся, Шан и Чжоу). Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ (中国社会科学出版社), 1994. 534 с. [Song Zhenhao. *Social History of Xia, Shang, and Zhou*. Beijing: Zhongguo Shehui Kexue Chubanshe, 1994. 534 p. (in Chinese)].
- Сяотунь наньди цзягу* (小屯南地甲骨; Панцири и кости из южного района Сяотунь). Ред. Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо (中国社会科学院考古研究所; Институт археологии Академии общественных наук КНР). Т. 1–5. Пекин: Чжунхуа шуцзюй (中华书局), 1980 [*Oracle Bones from Xiaotun South*. Ed. by Institute of Archeology of CASS. Vols. 1–5. Beijing: Zhonghua Shuju, 1980 (in Chinese)].

- Ху Хоу-сюань (胡厚宣). У-дин ши у чжун цзиши кэцы као (武丁时五种刻辞考; Исследование пяти видов документальных инскрипций периода У-дина). Ху Хоу-сюань. *Цзягусюэ Шан ши луньцун* (甲骨学商史论丛初集; Первоначальное собрание произведений из сборника статей по науке о гадательных костях и истории Шан). В 2-х т. Т. 1. Шицзячжуан: Хэбэй цзяюй чубаньшэ (河北教育出版社), 2002. 589 с. [Hu Houxuan. A Study of the Five Kinds of Speech in Wu-ding Period. Hu Houxuan. *The Preliminary Collection of Works on Oracle Bone Studies and History of Shang*. Vol. 1–2. Shijiazhuang: Hebei Jiaoyu Chubanshe, 2002. 589 p. (in Chinese)].
- Ху Цзинь-чжу 胡进驻. *Иньсюй вань Шан муцзан яньцзю* 殷墟晚商墓葬研究 (Исследование позднешанских погребений Иньсюя). Пекин: Бэйцзин шифань дасюэ чубаньшэ 北京师范大学出版社, 2010. 382 с. [Hu Jinzhu. *The Research on Late Shang Yinxi Burials*. Beijing: Beijing Shifan daxue chubanshe, 2010. 382 p. (in Chinese)].
- ХФЦЦИ, 1995 — Хань Фэй-цзы цюань и (韩非子全译; «[Трактат] “Хань Фэй-цзы”» с полным переводом [на современный китайский язык]). Пер. и комм. Чжан Цзюэ (张觉). Гуйян: Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ (贵州人民出版社), 1995. 1161 с. [Hanfeizi Translated and Commented. Ed. by Zhang Jue. Guyang: Guizhou Renmin Chubanshe, 1995. 1161 p. (in Chinese)].
- Хэцзи, 1978-1983 — *Цзягувэнь хэцзи* (甲骨文合集; Свод надписей на панцирях и костях). Ред. Го Мо-жо (郭沫若), Ху Хоу-сюань (胡厚宣). В 13-ти томах. Пекин: Чжунхуа шуцзюй (中华书局), 1978–1983. 5241 с. [Guo Muoro, Hu Houxuan (ed.). *Collection of Oracle Bones Inscriptions*. 13 vols. Beijing: Zhonghua shuju, 1978-1983. - 5241 p. (in Chinese)].
- ЦГВЦД, 2014 — *Цзягувэнь цзыдянь* (甲骨文字典; Словарь письменных знаков на панцирях и костях). Ред. Сюй Чжун-шу (徐中舒). Чэнду: Сычуань цышу чубаньшэ (四川辞书出版社), 2014. 1613 с. [Dictionary of Oracle-Bone Inscriptions. Ed. Xu Zhongshu. Chengdu: Sichuan Cishu Chubanshe, 2014, 1613 p. (in Chinese)].
- Цзян Тао (姜涛), Цзя Ляньминь (贾连敏). Го го муди чуту Шан дай сяо-чэнь юйци минвэнь каоши цзи сянгвань вэньти 虢国墓地出土商代小臣玉器铭文考释及相关问题 (Исследование и толкование надписи на нефритовых изделиях сяо-чэня эпохи Шан, раскопанные в могильнике княжества Го, и соответствующие вопросы). *Вэньу* (文物; Памятники культуры), 1998. № 12. С. 57–62 [Jiang Tao, Jia Lianming. Research and Interpretation of Inscriptions on Jade Ware of Shang Xiao-chen Unearthed from Guo State Cemetery and Related Issues. *Wenwu*. 1998. №. 12. P. 57–62 (in Chinese)].
- Чжан Я-чу (張亞初). *Инь Чжоу цзиньвэнь цзичэн иньдэ* (殷周金文集成引得; Индексы к «Полному своду надписей на бронзе Инь и Чжоу»). Пекин: Чжунхуа шуцзюй (中華書局), 2001. 1586 с. [Zhang Yachu. *Indexes of The Transcription to The Collection of Yin-Zhou Bronze Inscriptions*. Beijing, Zhonghua shuju, 2001. 1586 p. (in Chinese)].
- Чжао Чао (趙超). *Ши кэ гу вэньцзы* (石刻古文字; Древние письменна, вырезанные на камне). Пекин: Вэньу чубаньшэ (文物出版社), 2006. 160 с. [Zhao Chao. *Ancient Stone-Inscribed Writings*. Beijing: Wenwu Chubanshe, 2006. 160 p. (in Chinese)].

- Чжэн Хуй-шэн (郑慧生). Шан дай дэ юй цзи (商代的御祭; Ритуал юй в эпоху Шан). *Цзинянь Иньсюй цзягувэнь фасянь и бай чжоунянь гоцзи сюэшу яньтаохуй луньвэнь цзи* (纪念殷墟甲骨文发现一百周年国际学术研讨会论文集; Сборник статей международного научного симпозиума, посвященного столетней годовщине открытия гадательных костей в Иньсюе). Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ (社会科学文献出版社), 2003. С. 496–505 [Zheng Huisheng. Ritual Yu of Shang dynasty. *Proceedings of the International Symposium Commemorating the Centenary of the Discovery of Oracle-Bone Inscriptions in Yin Ruins*. Beijing: Shehui Kexue Wenxian Chubanshe, 2003. P. 496–505 (in Chinese)].
- Чэнь Мэн-цзя (陳夢家). *Иньсюй бу цы цзун шу* (殷墟卜辭綜述; Общий свод сведений о гадательных надписях из Иньсюя). Пекин: Чжунхуа шуцзюй (中華書局), 2004. 674 с. [Chen Mengjia. *A Summary of the Oracle-Bone Inscriptions of Yin Ruins*. Beijing: Zhonghua shuju, 2004. 674 p. (in Chinese)].
- ШСШКГЯЦС, 2007 — Шэньси шэн каогу яньцзюсо (陝西省考古研究所; Институт археологии провинции Шэньси), Вэйнань ши вэньу баоху каогу яньцзюсо (渭南市文物保护考古研究所; Институт охраны памятников культуры и археологии города Вэйнань), Ханьчэн ши вэньу люйюцзюй (韩城市文物旅游局; Управление туризма и культурных памятников города Ханьчэн). Шэньси Ханьчэн Ляндайцунь ичжи М26 фацзюэ цзяньбао 陕西韩城梁带村遗址 M26 发掘简报 (Краткий отчет о раскопках о погребении М26 археологического комплекса Ляндайцунь близ г. Ханьчэн пров. Шэньси). *Каогу юй вэньу* (考古与文物; Археология и культура). 2007. № 6. С. 4–21 [Institute of Archeology of Shaanxi Province. Brief Report on Excavation of the Burial M26 in Liangdaicun, Hancheng Town, Shaanxi. *Kaogu yu wenwu*. 2007. № 6. P. 4–21 (in Chinese)].
- Юй Син-у (于省吾). *Цзягу вэньцзы ши линь* (甲骨文字释林; Лес толкований письменных знаков на панцирях и костях). Пекин: Чжунхуа шуцзюй (中華書局), 1999. 471 с. [Yu Xingwu. *Collection of Interpretations of Oracle-bone Inscriptions*. Beijing: Zhonghua shuju, 1999. 471 p. (in Chinese)].
- Янь Чжи-бинь (顏誌斌). *Шан дай цинтунци минвэнь яньцзю* (商代青銅器銘文研究; Изучение инскрипций на бронзовых сосудах эпохи Шан). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ (上海古籍出版社), 2013. 604 с. [Yan Zhibin. *The Research on Shang Bronze Inscriptions*. Shanghai: Shanghai Guji Chubanshe, 2013. 604 p. (in Chinese)].
- Яо Сяо-суй (姚孝), Сяо Дин (肖丁). *Иньсюй цзягу кэцы лэй цзуань* (殷墟甲骨刻辭類纂; Тематическая компиляция надписей, вырезанных на панцирях и костях из Иньсюя). Т. 1–3. Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ (中華書局出版社), 1989. 1501 с. Yao Xiaosui, Xiao Ding. *Compilation of Oracle-Bone Inscriptions of Yin Ruins*. Beijing: Zhonghua Shuju Chubanshe, 1989, p. 1501 (in Chinese)].

DOI 10.31696/0131-1344-2023-101-114

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЛАГИНА DStretch ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЕГИПЕТСКИХ ГРОБНИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА

М. А. Лебедев¹

Аннотация

В статье обсуждаются примеры использования плагина DStretch, применяющего алгоритм декорреляционного растяжения, при изучении рельефов и росписей в египетских гробницах Древнего царства. На примере работы по документированию оформления часовен Пересенеба (LG 78 / GE 20–22) и Каемнофрета (LG 63) автор показывает, что плагин DStretch способен эффективно выявлять слабо заметные следы древних пигментов, в особенности красного, черного и желтого цветов. В большинстве случаев это позволяет уточнить детали полихромных росписей или обнаружить следы строительных или художественных отметок. Делается вывод, что обработка цифровых изображений плагином DStretch может стать эффективной процедурой при подготовке к публикации рельефов и росписей из древнеегипетских гробниц. В заключении обсуждаются результаты применения технологии декорреляционного растяжения и возможные в связи с этим варианты подачи цифровой информации о древнеегипетских рельефах и росписях

Ключевые слова: цифровая эпиграфика, скальные гробницы, рельефы, росписи, Гиза, Древнее царство

Для цитирования: Лебедев М. А. Использование плагина DStretch при изучении египетских гробничных памятников эпохи Древнего царства. *Эпиграфика Востока*. Т. 37. 2023. С.101–114. DOI 10.31696/0131-1344-2023-101-114

THE USE OF THE DStretch PLUG-IN WHILE STUDYING THE EGYPTIAN OLD KINGDOM FUNERARY MONUMENTS

Maksim A. Lebedev

Abstract

The paper discusses cases of use of the DStretch plug-in based on the decorrelation stretch algorithm when studying reliefs and paintings in Egyptian Old Kingdom tombs. The author considers his work on documentation in chapels of Perseneb (LG 78 / Ge 20–22) and Kaemnofret (LG 63) and argues that the DStretch plug-in proved to be an efficient tool for

¹ Максим Александрович Лебедев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва; maximlebedev@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-1524-2083

Maksim A. Lebedev – Ph.D., senior research fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; maximlebedev@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-1524-2083

detecting faint remains of ancient pigments (in particular, red, black, and yellow). In most cases, it allowed to verify details of painted decoration or detect remains of construction or artistic marks. The author concludes that the use of the DStretch plug-in is an effective procedure while preparing reliefs and paintings from ancient Egyptian tombs for publication. In the summary, the author discusses the impact of the use of the decorrelation stretch algorithm on possible ways of publishing digital data on ancient Egyptian reliefs and paintings.

Keywords: digital epigraphy, rock-cut tombs, reliefs, paintings, Giza, Old Kingdom

For citation: Maksim A. Lebedev. The Use of the DStretch Plug-in while Studying the Egyptian Old Kingdom Funerary Monuments. *Oriental Epigraphy*. Vol. 37. 2023. P. 101–114. DOI 10.31696/0131-1344-2023-101-114.

В двух последних номерах «Эпиграфики Востока» автор настоящей статьи касался вопроса применения современных цифровых технологий при копировании и подготовке к публикации рельефов из гробниц Древнего царства в Гизе [Лебедев, 2020а; Лебедев, 2021]. Тогда было отмечено, что в 2016 году Высший совет по древностям Египта принял решение запретить использование кальки, пленки и эстампажа при копировании рельефов и росписей на территории Египта [Лебедев 2021, с. 42]. С этого времени различные экспедиции стали искать новые способы фиксации эпиграфических и иконографических памятников [Davies, Laboury, 2020]. Большинство эпиграфистов развивают идеи, сформулированные еще в начале XX века специалистами чикагской эпиграфической школы. Корректируясь с течением времени вслед за доступными технологиями, суть «чикагского метода» в целом оставалась неизменной. Ее можно описать следующим образом: памятник тщательно фотографируется (сначала на аналоговые камеры, позже – на цифровые) и затем — как правило, в уменьшенном масштабе — изображения обводятся по снимкам профессиональными художниками-иллюстраторами. Делается это непосредственно по фотографии, по кальке, на компьютере или на электронном планшете. Каждая прорисовка неоднократно сверяется на месте одним или несколькими опытными египтологами, которые знакомы с иконографией и палеографией памятника.

Внедрение в полевые исследования цифровой фототехники, повышение вычислительных возможностей портативных компьютеров и появление удобного программного обеспечения позволили эпиграфистам заменить ортогональные аналоговые фотографии ортфотомозаиками или трехмерными моделями, созданными с помощью фотограмметрии.

Фотограмметрия, конкурирующая в настоящее время с лазерным сканированием, позволила увеличить скорость копирования материалов в поле, значительно повысить точность копирования, а также принципиально упростить верификацию прорисовок, сделанных художниками или эпиграфистами. Обратной стороной

применения метода стало увеличение времени создания итоговой прорисовки после окончания полевого сезона.

Однако при анализе древнеегипетских рельефов важны не только форма и характер изображения, но и — как это часто случается — сохранившаяся полихромия. Что касается важности цветов в росписях и граффити, то она и без того очевидна. Качественная цифровая ортофотомозаика расписанного рельефа или росписи сохраняет данные, которые могут быть использованы для усиления цифровыми методами отдельных цветов и оттенков. Одним из таких инструментов является плагин DStretch, написанный для распространяемого по открытой лицензии ПО ImageJ.

Данный плагин получил довольно широкое распространение в цифровой обработке фотографий археологических и музейных объектов. В частности, в египтологии он применялся во время разведок в каменоломнях Хатнуба при поиске опубликованных ранее, но теперь почти выцветших граффити. Интересно, что использование плагина неожиданно позволило выявить и прочитать также новые надписи, которые прежде были пропущены исследователями [Gourdon, Enmarch, 2017]. DStretch использовался при уточнении деталей росписей в гробницах знати в Бени Хассане [Evans, Mourad, 2018] или для уточнения прочтения папирусных документов [Atanasiu, Marthot-Santaniello, 2022], а также в некоторых чисто эпиграфических проектах². Кроме того, фотографии, обработанные плагином DStretch, используются при текстурировании трехмерных моделей, полученных с помощью фотограмметрии. Это эффективный способ презентации объектов с полихромией таких как, например, деревянные гробы³, керамика⁴, острака⁵ или другие предметы материальной культуры⁶.

Плагин работает на основе алгоритма декорреляционного растяжения (decorrelation stretch), который используется для увеличения («растяжения») цветовых различий, обнаруживаемых в цветном изображении за счет удаления межканальной корреляции пикселей⁷. На выходе специалисты могут получить более

² См., например, Navarro D. Star Gazing: Digitally Drawing the Bark Shrine Ceiling of the Small Amun Temple. URL: <https://www.digital-epigraphy.com/projects/star-gazing-digitally-drawing-the-bark-shrine-ceiling-of-the-small-amun-temple> (accessed: 17.10.2022).

³ Vinson S., Sugita H., Davidson Ch. Coffin and Cover for Princess Mayet. URL: <https://skfb.ly/o8X7I> (accessed: 17.10.2022); Vinson S., Isaacs M., Davidson Ch. Face from a Sarcophagus. URL: <https://skfb.ly/6W7Wu> (accessed: 17.10.2022).

⁴ См., например, Archaeology, Classics and Egyptology at Liverpool: DStretch, D-ware. URL: <https://skfb.ly/o9x8D> (accessed: 17.10.2022).

⁵ См., например, Sargent Ch. et al. Trial Sherd – Method 1. URL: <https://skfb.ly/6RTon> (accessed: 17.10.2022).

⁶ См., например, Sargent Ch. et al. Model Oar - Method 1. URL: <https://skfb.ly/6SvBF> (accessed: 17.10.2022).

⁷ Подробнее см.: Alley R.E. Algorithm Theoretical Basis Document for Decorrelation Stretch (Version 2.2 August 15, 1996). URL: <http://www.dstretch.com/DecorrelationStretch.pdf>

контрастное изображение, на котором становятся заметны остатки пигментов, практически невидимые невооруженным глазом. Первоначально данный метод использовался для обработки мультиспектральных спутниковых снимков, но затем, по мере развития цифровых технологий, персональных компьютеров и смартфонов, нашел широкое применение и в изучении памятников культурного наследия. Декорреляционное растяжение создает новые цветовые пространства и позволяет сделать красный, желтый, черный, синий или зеленый пигменты — основные цвета в древнеегипетской живописи — более заметными, чем на оригинальном памятнике при стандартном освещении.

Автор неоднократно применял плагин DStretch во время работы в Гизе, Абу Гуробе и Саккаре при документировании памятников разного времени: от росписей и рельефов Древнего царства до граффити и рисунков посетителей XIX–XX вв. Ниже будут представлены результаты применения декорреляционного растяжения при анализе снимков из гробниц Каемнофрета (LG 63) и Персенеба (LG 78) в Гизе (илл. 1). Обе гробницы относятся к концу V – началу VI древнеегипетских династий и известны исследователям как минимум с первой трети XIX в. Характерно, что на обоих памятниках применение плагина DStretch к цифровым снимкам и ортофотомозаикам позволило выявить неизвестные ранее детали.

Роспись в гробнице Персенеба

Гробница Персенеба (LG 78 / GE 20–22) была известна исследователям по меньшей мере со времен Г. Вайса и Дж.Б. Кавильи, которые работали в Гизе в 1835–1837 гг. [Лебедев, 2020b, р. 72]. В 1842–1843 гг. рельефы гробницы были скопированы участниками экспедиции К. Р. Лепсиуса [Lepsius, 1849, Taf. 34f], а в середине XIX в. в гробнице жил известный египтолог О. Мариетт [Mariette, 1889, р. 537]. В 1930-х гг. памятник посещали участники американской экспедиции под руководством Дж. Э. Райснера [Kormysheva et al., 2018, р. 12].

Ни в XIX, ни в XX веке исследователи не упоминали о росписи в гробнице Персенеба. Она была обнаружена под толстым слоем копоти на восточной стене помещения GE 20 и скопирована на пластиковые листы в 2012 году. В 2018 году сохранившаяся примерно на треть роспись была опубликована вместе с предложенной реконструкцией [Lebedev, 2018; Kormysheva et al., 2018, р. 42–47].

Изначальные размеры росписи составляли 3 x 9 малых локтей (1,35 × 4,1 м). Несмотря на сильную фрагментированность, общую композицию росписи удалось восстановить. В северной части стены была изображена сцена охоты в тростниках, центральная часть была поделена на три горизонтальных регистра, – в верхнем регистре

была изображена сцена речного путешествия, средний и нижний регистры были отведены под сцены сельскохозяйственного цикла (пахота, сев и перевозка собранного урожая на ток), — в южной части стены располагались фигуры хозяина гробницы и его супруги, которые наблюдали за сельскохозяйственными и речными сценами.

Применение плагина DStretch к цифровым изображениям фрагментов росписи позволило выявить ряд деталей, которые не вошли в публикацию памятника. Большая часть уточнений относится к среднему регистру, где был изображен процесс перевозки собранных снопов на ток. В левой части регистра изображены двое работников, которые, судя по всему, накидывают на спину осла большую сеть для снопов. Несмотря на то, что в 2012 году автор долгое время имел доступ к оригиналу и старался скопировать имеющиеся красочные следы как можно точнее, он так и не увидел невооруженным глазом верхнюю часть этой сети и тщательно нарисованные веревки. Эти детали выявились только при обработке цифрового изображения данной сцены плагином DStretch (илл. 2). Подобные же веревочные сети можно видеть, например, в сцене перевозки снопов на ток на «восточной» стене гробницы Каемнофрета (LG 63). Они также стали заметнее после применения к цифровому изображению рельефа алгоритма декорреляционного растяжения (илл. 3).

Другое уточнение относится к форме перевозимых ослами сетей. В опубликованной реконструкции, вслед за многочисленными примерами в гробницах рубежа V–VI древнеегипетских династий, автор восстановил их ромбовидной формы. Однако применение плагина DStretch четко показало, что сети на спинах ослов в гробнице Персенеба имели округлую форму (илл. 4). Такая иконография тоже была обычной для того времени и встречается, в частности, все в той же гробнице Каемнофрета (LG 63) (илл. 3).

Наконец, еще одной важной выявленной деталью в сцене перевозки урожая стало наличие тщательно нарисованных красной охрой колосьев в куче снопов, которую работники накидывают перед током в правой части регистра (илл. 5). В момент копирования колосья эти были автору совершенно не видны и, соответственно, данная деталь — вполне характерная для подобных сцен — также не попала в публикацию.

Были обнаружены новые детали и в болотной сцене (сцене охоты в тростниках), где плагин DStretch вновь показал эффективность при выявлении красной охры. Применение декорреляционного растяжения продемонстрировало лучшую, чем было видно невооруженным глазом, сохранность контуров отдельных объектов, например птенцов в гнезде и стебля папируса над ними (илл. 6).

В целом возвращение к памятнику с использованием новых цифровых технологий дало неожиданный результат. Вновь полученные данные говорят об изначально очень высоком качестве росписи в гробнице Персенеба и большой детализации, которая была достигнута древним художником. Эта детализация, увы, не вполне была отражена в публикации. Кроме того, применение плагина DStretch показало, что

отдельные иконографические особенности росписи (например, форма сетей с колосьями) были реконструированы неверно.

Незаконченный рельеф в гробнице Каемнофрета

Другой пример применения плагина DStretch относится к изучению оформления часовни гробницы Каемнофрета (LG 63). Первые копии отдельных рельефов из этой гробницы были сделаны во времена Египетского похода Наполеона [Denon, 1802, pl. 97 B, D]. Затем часовня интересовала и других ранних исследователей [Porter, Moss, 1974, p. 209; Usick, Manley, 2007, p. 26 (sketch 9), 34 (sketch 27), 35 (sketch 28)]. Первое научное описание памятника, как и в случае с часовней Персенеба, было подготовлено участниками прусской экспедиции под руководством К. Р. Лепсиуса [Lepsius, 1849, Taf. 91b–c; Lepsius, 1897, S. 87–88; Lepsius, 1913, Taf. XXIIa, XXXII]. В 1936 году часовня была снята фотографом американской экспедиции под руководством Дж. Э. Райснера. Кроме того, надпись на входе списал О. Мариетт [Mariette, 1889, p. 542]. В 1973 г. рельефы часовни были скопированы студентами Калифорнийского университета под руководством А. Бадауи [Badawy, 1976, p. 25–33, fig. 26–30, pl. 26–36], однако в деталях эти прорисовки, увы, порой менее точны, чем рисунки гораздо более ранней экспедиции Лепсиуса [Лебедев, 2021].

В 2015–2016 гг. часть рельефов часовни были скопированы на пластиковые листы в масштабе 1:1. В 2020 году все рельефы часовни были отсканированы с использованием технологии фотограмметрии. Таким образом, у автора появилась возможность сравнить точность и полноту копирования остатков полихромии при каждом из указанных методов.

При копировании на пластик выявленные следы полихромии копировались с помощью маркеров соответствующего цвета. При использовании фотограмметрии алгоритм был иной. На основе рассчитанных моделей были построены ортофотомозаики каждой стены часовни. Полученные изображения были обработаны с помощью плагина DStretch для выявления или уточнения следов полихромии. Наиболее эффективным декорреляционным растяжением оказалось в случае с южной стеной часовни, где рельеф не был полностью завершен. Там были выявлены предварительные контуры фигур быков, нарисованные древним скульптором и не отмеченные авторами более ранних публикаций [Лебедев, 2021, с. 46, илл. 4]. Сравнение ручной и цифровой копии изображения показали, что следы красной охры в большинстве случаев были точно скопированы автором на пластик, однако черный пигмент иногда ускользал от его внимания.

В других случаях сравнение ручных копий на кальку с цифровой ортофотомозаикой, обработанной плагином DStretch, показало, что в условиях часовни гробницы Каемнофрета (LG 63) плагин эффективен также при выявлении следов желтой охры. Что касается красной охры, то по этому цвету дополнения, сделанные к копии на кальке

по итогам анализа цифрового изображения, на этот раз были в целом незначительными. Связано это может быть как с несколько выросшим опытом автора (роспись в гробнице Персенеба копировалась в 2012 г. и это был первый опыт автора в копировании полихромии, а рельеф в гробнице Каемнофрета — в 2015–2016 гг.), так и с тем фактом, что рельефы в гробнице Каемнофрета пока еще не подвергались чистке, которая могла бы выявить больше деталей, в том числе почти не видимых невооруженному глазу.

Проведённые в гробницах Персенеба (LG 78 / GE 20-22) и Каемнофрета (LG 63) работы в рамках применения методов цифровой эпиграфики позволили сделать несколько выводов о перспективности использования плагина DStretch при подготовке к публикации памятников Древнего царства:

1) Декорреляционное растяжение весьма эффективно при выявлении традиционных для древнеегипетских росписей цветов — красного, желтого, черного. В меньшей степени он был эффективен при выявлении в гробницах зеленого и синего цветов.

2) Как было показано и нами, и нашими коллегами [Gourdon, Enmarch, 2017; Evans, Mourad, 2018], выявленные детали способны серьезно повлиять на интерпретацию памятника.

3) Эффективность применения плагина для выявления остатков полихромии ожидаемо снижается или сходит на нет, если изображения покрывают пыль, грязь, помёт летучих мышей или копоть.

4) Сочетание плагина DStretch с ПО ImageJ накладывает ограничения на размер файлов. Иногда это не позволяет за раз обработать ортофотомозаику всей стены часовни, если та была просчитана с наиболее высокими настройками качества. В этом случае есть два выхода: 1) разделить изображение на несколько частей, которые будут обработаны отдельно, а затем вновь сшиты в единый файл; 2) уменьшить разрешение изображения (имея в виду неизбежное изменение его качества).

5) Наиболее продуктивным способом представления результатов декорреляционного анализа в настоящее время, на наш взгляд, являются многослойные файлы в широкодоступном формате, например, многослойный PDF. Такой формат позволяет легко сравнивать различные варианты обработки изображений плагином, а также сопоставлять их с исходным цифровым изображением. При необходимости в такой файл в качестве отдельных слоев могут быть добавлены рендеры с трехмерной модели и итоговая прорисовка эпиграфиста, что предоставит будущим исследователям, как кажется, весьма полное представление о памятнике⁸.

⁸ В качестве примера автор подготовил следующие файлы:



Список литературы / References

- Лебедев М. А. Опыт цифровой эпиграфики в Гизе: гробницы Перинеджу. *Эпиграфика Востока*. 2020a. Vol. XXXV. С. 99–119 [Lebedev M. A. Digital Epigraphy at Giza: A Study from the Tomb of Perinedju. *Oriental Epigraphy*. 2020a. Vol. XXXV. P. 99–119 (in Russian)].
- Лебедев М. А. «Гроты», «катакомбы» и «пещеры» у египетских пирамид: свидетельства о скальных гробницах Гизы в работах ранних путешественников (XII–XVIII вв.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020b. № 2. С. 146–159 [Lebedev M. A. “Grottos”, “Catacombs”, and “Caves”: Data on Giza Rock-Cut Tombs in Works of Early Travelers (12th–18th Centuries). *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2020b. № 2. P. 146–159 (in Russian)].
- Лебедев М. А. Эпиграфические исследования в гробнице Каемнофрета (LG 63) в Гизе: история и современность. *Эпиграфика Востока*. 2021. Vol. 36. С. 38–48 [Lebedev M. A. Epigraphic Survey in the Tomb of Kaemnofret (LG 63) at Giza: History and Contemporary Work. *Oriental Epigraphy*. 2021. Vol. 36. P. 38–48 (in Russian)].
- Atanasiu V., Marthot-Santaniello I. University of Basel Personalizing Image Enhancement for Critical Visual Tasks: Improved Legibility of Papyri Using Color Processing and Visual Illusions. *International Journal on Document Analysis and Recognition*. 2022. Vol. 25 (6). P. 129–160.
- Badawy A. *The Tombs of Iteti, Sekhem, ‘ankh-Ptah and Kaemnofert at Giza*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1976.
- Davies V., Laboury D. (eds.). *The Oxford Handbook of Egyptian Epigraphy and Palaeography*. Oxford–New York: Oxford University Press, 2020.
- Evans L., Mourad A.–L. DStretch® and Egyptian Tomb Paintings: A Case Study from Beni Hasan. *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2018. Vol. 18. P. 78–84.
- Gourdon Y., Enmarch R. Some Unpublished Inscriptions from Quarry P at Hatnub. Rosati G., Guidotti M. C. (eds.). *Proceedings of the XI International Congress of Egyptologists, Florence. Egyptian Museum, Florence, 23–30 August 2015*. Oxford: Archaeopress, 2017. P. 237–241.
- Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern necropolis IV. Tombs of Perseneb, Ipy, and anonymous tombs GE 23, GE 56, and GE 58*. Moscow: IOS RAS, 2018.
- Lebedev M. A New Old Kingdom Painting from the Eastern Necropolis at Giza. Kuraszkiewicz K., Kopp E., Takács D. (eds.). *‘The Perfection that Endures...’*. *Studies on Old Kingdom Art and Archaeology*. Warsaw: University of Warsaw, 2018. P. 267–277.
- Lehner M. Absolutism and Reciprocity in Ancient Egypt. Lamberg-Karlovsky M. (ed.). *The Breakdown: The Origins of Civilization*. Cambridge, 2000. P. 69–97.
- Lepsius K. R. *Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien*. Abt. I–VI, Bd. 1–12. Berlin: Nicolaische Buchhandlung, 1849–1858.
- Lepsius K. R. *Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Ergänzungsband herausgegeben von Eduard Naville. Unter Mitwirkung von Ludwig Borchardt. Bearbeitet von Kurt Sethe*. Leipzig: J. C. Hinrichs’sche Buchhandlung, 1913.

Lepsius K. R. *Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien: Text*. Bd. I: *Unteraegypten und Memphis*. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1897.

Mariette A. *Les mastabas de l'Ancien Empire*. Paris: F. Vieweg, 1889. 592 p.

Porter B., Moss R. L. B. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings*. Vol. III: *Memphis*. Part I: *Abû Rawâsh to Abûsir*. Oxford, 1974.

Usick P., Manley D. *The Sphinx Revealed: A Forgotten Record of Pioneering Excavations*. London: The British Museum Press, 2007.

Электронные ресурсы

Alley R.E. Algorithm Theoretical Basis Document for Decorrelation Stretch (Version 2.2 August 15, 1996). URL: <http://www.dstretch.com/DecorrelationStretch.pdf> (дата обращения: 17.10.2022).

Archaeology, Classics and Egyptology at Liverpool: DStretch, D-ware. URL: <https://skfb.ly/oуx8D> (дата обращения: 17.10.2022).

Harman J. Using Decorrelation Stretch to Enhance Rock Art Images. URL: <http://www.dstretch.com/AlgorithmDescription.html> (дата обращения: 17.10.2022).

Navarro D. Star Gazing: Digitally Drawing the Bark Shrine Ceiling of the Small Amun Temple. URL: <https://www.digital-epigraphy.com/projects/star-gazing-digitally-drawing-the-bark-shrine-ceiling-of-the-small-amun-temple> (дата обращения: 17.10.2022).

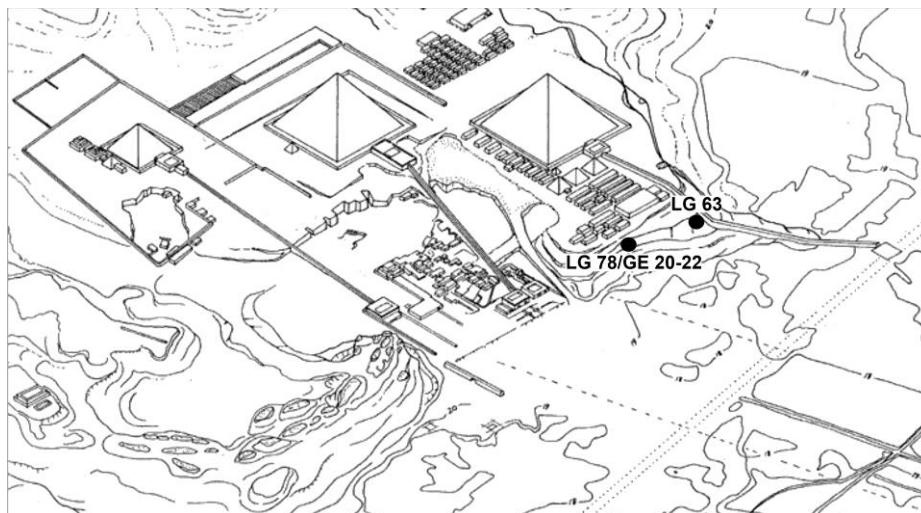
Sargent Ch. et al. Trial Sherd – Method 1. URL: <https://skfb.ly/6RToN> (дата обращения: 17.10.2022).

Sargent Ch. et al. Model Oar - Method 1. URL: <https://skfb.ly/6SvBF> (дата обращения: 17.10.2022).

Vinson S., Sugita H., Davidson Ch. Coffin and Cover for Princess Mayet. URL: <https://skfb.ly/o8X7I> (дата обращения: 17.10.2022).

Vinson S., Isaacs M., Davidson Ch. Face from a Sarcophagus. URL: <https://skfb.ly/6W7Wu> (дата обращения: 17.10.2022).

Иллюстрации



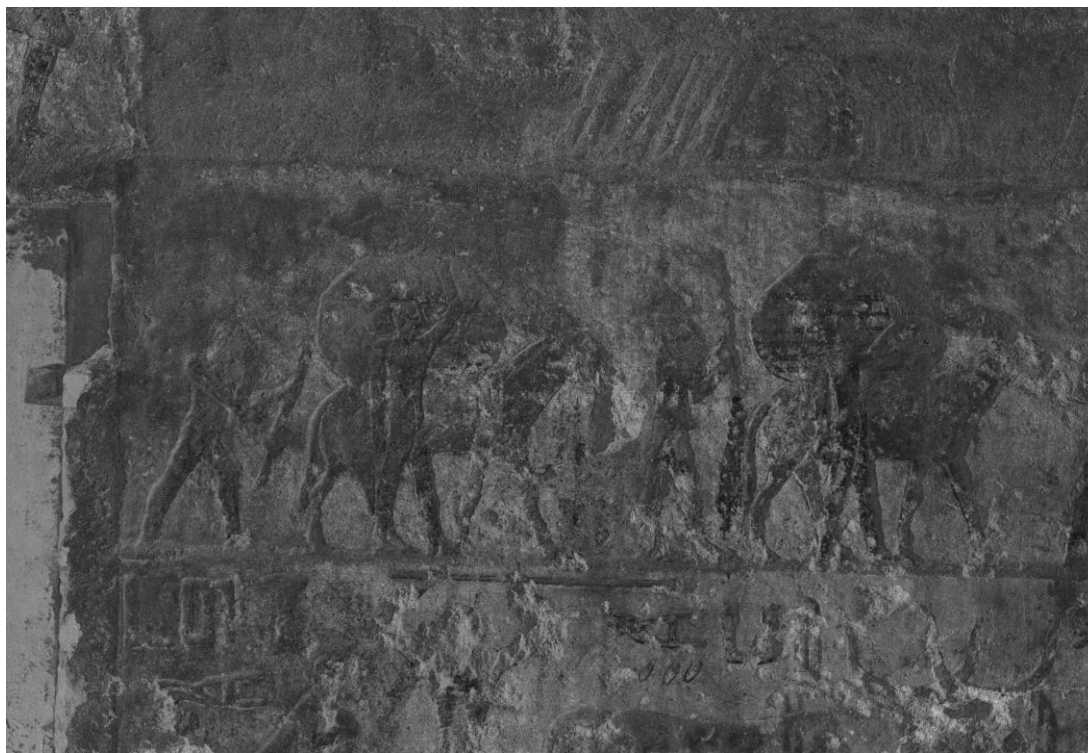
Илл. 1

Плато Гизы с гробницами LG 78/GE 20–22 (Персенеб) и LG 73 (Каемнофрет)
(по: [Lehner, 2000, p. 92, fig. 8.6] с добавлениями автора)

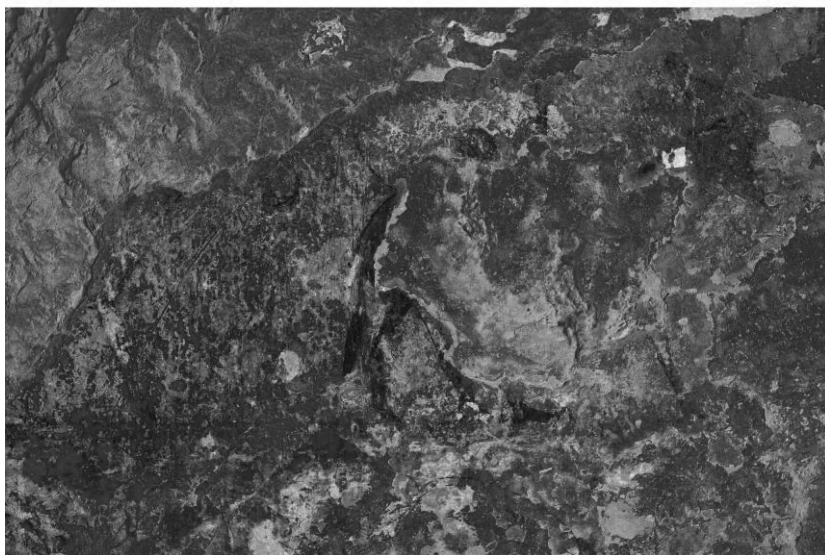


Илл. 2

Роспись в часовне Персенеба (LG 78/GE 20–22), сцена погрузки на осла веревочной сетки для перевозки снопов после обработки плагином DStretch



Илл. 3
Рельеф в часовне Каемнофрета (LG 63) с остатками полихромии, сцена перевозки в веревочных сетях снопов на ток после обработки плагином DStretch



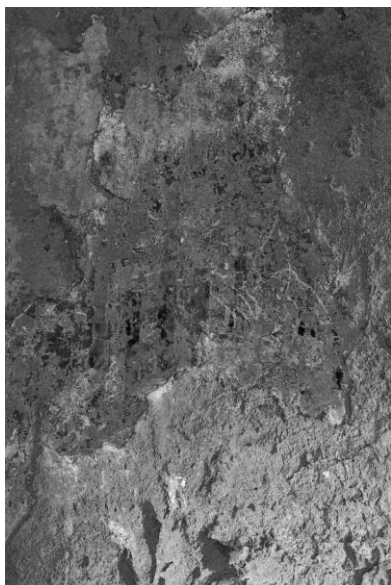
Илл. 4

Роспись в часовне Персенеба (LG 78/GE 20–22), форма груза на спинах ослов после обработки плагином DStretch



Илл. 5

Роспись в часовне Персенеба (LG 78/GE 20–22), сцена выгрузки снопов после обработки плагином DStretch



Илл. 6

Роспись в часовне Персенеба (LG 78/GE 20–22), сцена охоты в тростниках после обработки плагином DStretch (слева) и с наложением данных (белым цветом), скопированных вручную в 2012 г.



Илл. 7

Гробница Каемнофрета (LG 63), незаконченный рельеф со сценой привода молодых быков после обработки плагином DStretch

DOI 10.31696/0131-1344-2023-115-121

К ВОПРОСУ О НАДПИСИ НА МЕЧЕ КОРОЛЯ СИЦИЛИИ РОЖЕРА II**В. В. Прудников¹****Аннотация**

Статья посвящена рассмотрению имеющихся в источниках и исторической литературе сведений о надписи, которая могла быть нанесена на меч сицилийского короля Рожера II (22.12.1095 – 26.02.1154 гг.). Даже краткое знакомство с данными средневековых латинских хроник позволяет говорить о необычайной популярности этой легенды у современников уже в XII в., хотя и по сей день не существует никаких материальных подтверждений существования подобного артефакта. При этом вне зависимости от того, шла речь о мече, перстне или печати, все авторы почти слово в слово воспроизводили надпись.

Попытки заглянуть в генезис проблемы позволили предположить непосредственную связь появления упомянутой надписи как с норманнским наследием, так и с существовавшей античной традицией прославления подвигов и героических достижений. Вместе с тем некоторые исследователи в подобной практике увековечивания деяний сицилийского монарха видят гораздо больше, чем осуществление неких этносоциальных и имперских амбиций. С их точки зрения, обретение новых владений в Северной Африке могло означать полную или частичную переориентацию идейной составляющей сицилийской короны на ценности и идеалы мусульманского Востока.

Ключевые слова: надпись на мече, Рожер II, Сицилийское королевство, Северная Африка

Для цитирования: Прудников В. В. К вопросу о надписи на мече короля Сицилии Рожера II. *Эпиграфика Востока*. Т. 37. 2023. С. 115–121. DOI 10.31696/0131-1344-2023-115-121.

**ON THE INSCRIPTION ON THE SWORD
OF KING ROGER II OF SICILY****Vitaly V. Prudnikov****Abstract**

The article deals with the consideration of information available in the sources and historical literature about the inscription allegedly applied to the sword of the Sicilian king

¹ Виталий Владимирович Прудников — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Востока ИВ РАН: Москва; gviskar@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-0355-2324

Vitaly V. Prudnikov — PhD (History), senior researcher, Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; gviskar@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-0355-2324

Roger II. Even a brief acquaintance with the data of medieval Latin chronicles allows us to speak of the extraordinary popularity of this legend among contemporaries as early as the 12th century, although to this day there is no material evidence of the existence of such an artifact. At the same time, whether it was a sword, a signet ring, a seal or otherwise, all the authors traditionally reproduced the very inscription almost word for word.

Attempts to look further allowed us to assume a direct connection between the appearance of the mentioned inscription both with the Norman heritage and with the existing ancient tradition of glorifying feats and heroic achievements. At the same time, some researchers see in this practice of perpetuating the deeds of the Sicilian monarch much more than the fulfilment of some ethno-social and imperial ambitions. From their point of view, the acquisition of new possessions in North Africa could mean a complete or partial reorientation of the ideological component of the Sicilian crown to the values and ideals of the Muslim East.

Keywords: Kingdom of Sicily, Roger II, North Africa, sword inscription

For citation: Vitaly V. Prudnikov. On the Inscription on the Sword of King Roger II of Sicily. *Oriental Epigraphy*. Vol. 37. 2023. P. 115–121. DOI 10.31696/0131-1344-2023-115-121.

Если верить многочисленным средневековым источникам, латинская надпись на королевском мече Рожера II имела вид «*Apulus, Calaber, Siculus mihi servit et Afer*» и означала буквально следующее: «апулиец, калабриец, сицилиец мне служит и африканец». Очевидно, что речь в этой фразе идет не о религиозной и этнической составляющей этих терминов, а исключительно о территориальной принадлежности, — иначе говоря, о политической составляющей, поскольку Апулия, Калабрия, Сицилия и Северная Африка представляли собой на тот момент отдельные исторически сложившиеся политико-административные регионы.

Едва ли кто из современников мог видеть этот меч непосредственно. Эта надпись скорее указывает на девиз, который мог быть нанесен на печать, монеты и другие предметы. Тем не менее традиция привязывает эту надпись к мечу.

Хронист XII в. Жоффруа Вижуасский (Gaufredus Vosiensis) склонен игнорировать достижения Рожера II. Так, он утверждает, что «Роберт Гвискар добыл многие города на Сицилии, Апулии, Калабрии и Африке» (*Robertus Guiscardus, acquisitis civitatibus multis per Siciliam, Apuliam, Calabriam et Africam*) [Chronica Gaufredi, ftn. 39], который был отравлен своей женой по совету византийского императора (*maleficis nurus et uxoris suæ veneno* [An. 1085] *periit, consilio imperatoris Græcorum*) и оставил все своему внуку Рожеру (Rogerio nepote relicto hærede). Этого Рожера Жоффруа именует герцогом, который в последующем стал королем (*qui Rogerius dux postmodum rex efficitur*).

Очевидно, что Жоффруа ошибается, т. к. скорее всего он имеет в виду Рожера Борсу, который действительно был герцогом Апулии и наследником своего отца — Роберта Гвискара от лангобардской жены Сигельгаиты. В то же

время, Рожер II был сыном графа Сицилии Рожера I, который, в свою очередь, являлся родным братом Роберта Гвискара. Однако это замечание не отменяет сделанного вывода об игнорировании Жоффруа достижений Рожера II, т. к. в другом месте этот автор говорит о том, что надпись на мече скорее принадлежит времени правления сына Рожера II — Вильгельма I (*Rege Rogerio decedente, regnavit filius pro eo Guillelmus; dumque multis thesauris et possessionibus frueretur, in ense regio scripsisse refertur: Siculus et Calaber, Apulus mihi servit et Afer* [An. 1154]).



Илл. 1

Портрет Рожера II из цифровой коллекции Нью-Йоркской публичной библиотеки

(фото из открытых источников)



Илл. 2

Статуя Рожера II с обнаженным мечом в Неаполе

(Фото автора)



Илл. 3

Надпись на мече (фрагмент)

(Фото автора)

Подобную историю можно отыскать у англо-норманнского автора Ральфа Нигера. Он рассказывает о том, как Роберт Гвискар «силой и хитростью» покорил Апулию, Калабрию и Сицилию и неоднократно обращал в бегство

императоров Священной Римской империи и Византии, а также дожа Венеции [Radulfi Nigri Chronica, 1851, p. 84]. Далее Ральф сообщает, что у Роберта было три сына: Боэмунд, Танкред и Рожер. Первые два приняли участие в крестовом походе и осаде Антиохии, а Рожер унаследовал Апулию, Калабрию, Сицилию и Африку, чему служит подтверждением приведенная выше надпись на его печати.

Таким образом, Ральф Нигер, как и Жоффруа, ошибается, когда идентифицирует герцога Апулии Рожера Борсу с королем Сицилии Рожером II. Он также ошибочно называет Танкреда сыном Роберта Гвискара, хотя тот и являлся его родственником. Значительная разница состоит в том, что Ральф в отличие от Жоффруа помещает одноимённую надпись на печати, а не на мече.

Ещё один хронист XII в., декан собора св. Павла в Лондоне Ральф Дицетский даёт краткое описание того, как норманнские рыцари подчинили себе Апулию, Калабрию, Сицилию и Африку². В подтверждение этого тезиса Ральф ссылается на вышеприведенную надпись (которую он называет «моностих» или «одностишие») Рожера и при этом не уточняет, на каком предмете она была сделана³.

Германский хронист Готфрид Витербоский (Godefridus Viterbiensis; около 1120, Витербо, Священная Римская империя — около 1196 или 1198 гг.) в одном из своих произведений сравнивает Рожера II с геммой (*Gemma sui generis et probitate caput. / Gemma fuit, regnare sui meruit probitate, / Apulus et Calaber fit ei subjectus et Afer; / Quod loquor ecce patet; terra subacta jacet*) [Gotifredi Viterbiensis opera, 1872, p. 254]. Учитывая поэтическую форму изложения, сложно сказать о том, что конкретно имел в виду Готфрид, когда использовал термин *Gemma* по отношению к Рожеру: полудрагоценный камень с вырезанным на нём изображением, письменами, который зачастую носили на кольце в виде перстня, либо просто в качестве определения конкретного человека как уникального украшения.

Труд одного из представителей англо-норманнского дворянства Гervасия Тильсберийского (ок. 1150 – ок. 1230) «Otia Imperialia» в одной из ранних редакций содержит отсылку к успехам норманнов в Южной Италии, одним из итогов которых стала знаменитая надпись на мече Рожера [Gervase, 1707, p. 943].

² «Tempore Rollonis quidam a Normannia recedentes Apuliam adierunt. Rursus tempore regis Wilhelmi I quidam alii Normanni Normanniam, relinquentes Apuliam, Calabriam, Siciliam, Africam subjugaverunt». [Radulfi de Diceto opera, 1876, p. 276].

³ «...sicut testatur monosticum illud Rogeri regis, "Appulus, Calaber, Siculus mihi servit et Afer"» [Radulfi de Diceto opera, 1876, p. 276].

Пятьдесят четвертый дож Венецианской республики Андреа Дандоло (1305–1347) в своей Хронике сообщает, что король Сицилии Рожер захватил несколько крупных городов в Африке, множество крепостей и «короля Туниса сделал своим данником (*regemque Tunixii sibi tributarium fecit*)». По его мнению, именно эти события послужили основанием нанесения известной надписи на меч Рожера [Andreae Danduli Chronica, 1938, p. 243].

Похожую трактовку можно встретить в знаменитом сочинении Снорри Стурлусона (1178/79–1241) «Хеймскрингле» (Круге мира), где в двенадцатой саге о Сигурде Крестоносце сообщается, что после того как Рожер II сделал своим данником правителя Туниса, он повелел выгравировать вышеозначенную надпись на своём мече [The Heimskringla, 1844, p. 155].

Придворный поэт Генриха VI Петр из Эболи в поэме «Liber ad honorem Augusti, sive de rebus Siculis» при описании торжественного вступления имперских войск в Палермо с восхищением говорит об огромных сокровищах норманнских правителей. В частности, он упоминает о том, что обязанность пополнять хранилища лежала на подданных сицилийской короны: апулийцах, сицилийцах и африканцах (*Hec, quantum Calaber seu quantum debeat Afer, Apulus aut Siculus debeat, orbis habet*) [Liber ad honorem... 1906, p. 92].

Архиепископ Салернский Ромуальд не считает завоевание Рожера II мусульманских территорий в Северной Африке «боговдохновенными», но скорее вызванными «жаждой доминирования» Рожера. «И поскольку сердце блистательное и стремление к доминированию всегда имел, господством над Сицилией и Апулией нисколько не был удовлетворён, большой приготавил морской флот, который с множеством рыцарей в Африку отправив, её саму захватил и удержал. Сузы, Ваны, Капсию, Сфакс и Триполи захватил и данниками себе сделал. С королём Вавилонским мир к чести своей заключил» [Romualdi Salernitani Chronicon, 1914, p. 226–227].

Эдуард Гиббон в седьмом томе «Истории упадка и падения Римской империи» допускает возможность физического существования у Рожера меча с подобной надписью, которая была сделана в ознаменование подчинения сицилийской короне территорий на африканском континенте. Английский историк считал, что в глазах современников триумфы норманнского короля в Африке были равны победам, которые одерживали там Сципион и Велисарий, что, в свою очередь, побуждало христианских правителей Запада перейти к активным действиям против мусульманской Испании. По его мнению, этот меч был сломан после смерти Рожера и утрачен как африканские владения сицилийского королевства [Gibbon, 1827, p. 233].

Британский ученый Д. Абулафия в статье «Норманнское королевство Африки» приходит к ряду интересных выводов, которые он сделал при

исследовании истории, связанной с надписью на мече Рожера. Во-первых, он усмотрел явную связь с амбициями норманнов, которые к середине XII в. и привели к впечатляющим результатам в различных регионах Европы, Азии и Африки. Во-вторых, он указал на античное наследие, нашедшей отражение в Руанской поэме: применение триумфального языка римских императоров и генералов.

Абулафия считает, что приказать нанести подобную надпись на меч, было вполне в характере Рожера II, чтобы продекларировать равенство его деяний с победами Юлия Цезаря и Сципиона Африканского. Он также отмечает, что Рожер остро осознавал связь со своими античными предшественниками – сицилийскими тиранами и эта связь нашла отражение в чеканке монет, саркофагах и пр. [Abulafia, 1895, p. 49]. Таким образом, английский учёный полагает, что дело не в самом мече, а тех способах, которые норманнские правители избирали для прославления своих деяний.

Итальянский исследователь Франческо Паоло Токко также считает не случайным и, во всяком случае, не в результате «банальной мегаломании» появление подобного гексаметра на одном из атрибутов королевской власти. По его мнению, это было отражением некой «средиземноморской проекции», которая существовала в представлении Рожера как органичная центрально-средиземноморская концепция этого геополитического пространства, представляющего его собственный интерес, к которому он демонстрирует то, что думает, была основой широкомасштабного «имперского» видения, а не укрепления надежных позиций безопасности обеих Сицилий [Тоссо, 2016, p. 119–120].

Вместе с тем, в имперской концепции Рожера Северная Африка занимала значительное место в его представлении ещё с юности правителя: «Если это так, то если Африка представляет собой глубочайший субстрат и синтетический элемент, который стоит за личностью и политикой первого короля Сицилии, мы должны еще раз признать проницательность Амари только тогда, когда для Альтавиллы он ввел определение «крещеный султан», все еще предлагая нам отправную точку для новых интерпретаций личности монарха, который, возможно, все еще ждет своего часа, чтобы быть полностью понятым» [Тоссо, 2016, p. 123].

Список литературы / References

- Abulafia D. The Norman kingdom of Africa and the Norman expeditions to Majorca and the Muslim Mediterranean. *Anglo Norman Studies* VII. Proceedings of the Battle Conference 1984. Ed. Brown R. Allen. Woodbridge: Boydell & Brewer, 1985. P. 26–49.

- Andreae Danduli Ducis Venetiarum Chronica per extensum descripta: aa 46–1280 d. C. Ed. Ester Pastorello, Lodovico Antonio Muratori. *Rerum italicarum scriptores*: Nuova ed. Bologna: N. Zanichelli, 1938. T. 12. Part. 1. 550 p.
- Gervase ...Otia Imperialia. *Scriptores rerum Brunsvicensium illustrationi inservientes...* Cura G. G. Leibnitii... T. I. Hannover: Foerster, 1707.
- Gibbon E. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. Vol. 7. Oxford: W. Pickering, London, and Talboys and Wheeler, Oxford, 1827. 549 p.
- Gotifredi Viterbiensis opera edente Georgio Waitz P. P. Gottingensi. *Monumenta Germaniae Historica inde ab anno Christi quingentesimo usque ad annum millesimum et quingentesimum*. Ed. by G. H. Pertz. Hannover: Hahn, 1872. T. XXII. P. 1–338.
- Liber ad honorem Augusti di Pietro di Eboli*. Secondo il Cod. 120 della biblioteca civica di Berna. Pietro da Eboli; a cura di G.B. Siragusa. [Fonti per la storia d'Italia, 39]. Roma: Forcani E.C. tipografi del Senato, 1906. — xciv, 172 p.
- Radulfi de Diceto decani Landoniensis opera historica*. The Historical Works of Master Ralph de Diceto, Dean of London. Ed. by W. Stubbs. Vol. II. Rolls Series 68. L.: Longman and Co, 1876.
- Radulfi Nigri Chronica*: The Chronicles of Ralph Niger. Ed. by Robert Anstruther. L.: Caxton Society, 1851.
- Romualdi Salernitani Chronicon* [A.m. 130 – A.C. 1178]. Romualdus; a cura di C.A. Garufi [Rerum Italicarum scriptores. T. VII]. Città di Castello, 1914.
- The Heimskringla: or, Chronicle of the kings of Norway*. Snorri Sturluson, translated by Samuel Laing. Vol 3. L.: Longman, Brown, Green and Longman, 1844. — 393 p.
- Tocco F. P. Apulus et Calaber, Siculus mihi servit et Afer: l'aspirazione di Ruggero II a un impero mediterraneo. *Studi Biagio Saitta*. 2016. P. 107–123.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Chronica Gaufredi Prioris Vosiensis*. Pars Prima (par M. Claude-Henri Piraud). URL: https://www.guyenne.fr/ArchivesPerigord/Varia1/Documents/Gaufredi_Vosien1.htm (дата обращения: 03.12.2022).

DOI 10.31696/0131-1344-2023-122-136

НАДОБЩИННАЯ СТРУКТУРА *КОТТАМ* В ЮЖНОИНДИЙСКОМ ЦАРСТВЕ ПАЛЛАВОВ ПО ДАННЫМ ЭПИГРАФИКИ

Я. В. Тарасюк¹

Аннотация

В эпиграфике южноиндийского царства Паллавов VI–IX веков н. э. встречаются упоминания о территориальном образовании *коттам*, которое в отдельных случаях было объединением как земледельческих и городских общин, так и княжеств местных правителей.

В статье рассматриваются варианты составов *коттамов*, их взаимодействие с царской властью и возможные факторы, которые оказывали влияние на возникновение и развитие *коттамов*. К этим факторам, в частности, относятся поддержка паллавскими царями распространения храмовых культов и религиозных владений, реализация ирригационных проектов, а также необходимость решения вопросов безопасности общин. Отдельное внимание уделяется рассмотрению Падувур-коттама, в состав которого помимо общинных организаций входили княжества Банов и Гангов.

Ключевые слова: Паллавы, общины, надобщинная структура, *коттам*, *наду*, тамильские надписи

Для цитирования: Тарасюк Я. В. Надобщинная структура *коттам* в южноиндийском царстве Паллавов по данным эпиграфики. *Эпиграфика Востока*. Т. 37. 2023. С. 122–136. DOI 10.31696/0131-1344-2023-122-136.

SUPRA-COMMUNAL STRUCTURE *KOTTAM* IN THE SOUTH INDIAN PALLAVA KINGDOM: EPIGRAPHIC SOURCES

Yaroslav V. Tarasyuk

Abstract

In the epigraphy of the Pallavas of the 6th–9th centuries A.D. there are references to the territorial formation of *kottam*, which in some cases was an association of agricultural and urban communities, as well as principalities of local rulers.

The paper discusses the variants of compositions of *kottams*, their interaction with the royal power and possible factors that influenced the emergence and development of *kottams*. These factors included the support of the Pallava kings for the expansion of temple cults and

¹ Ярослав Викторович Тарасюк — кандидат исторических наук; kuisarat@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-7764-5649

Yaroslav V. Tarasyuk – PhD (History); kuisarat@rambler.ru. ORCID ID: 0000-0001-7764-5649

religious properties, the implementation of irrigation projects, and the need to address community security issues.

Special attention is paid to the Paduvur-kottam, which in addition to community organizations, included the principalities of the Banas and Gangas.

Keywords: Pallavas, communities, supra-communal structure, *kottam*, nadu, Tamil inscriptions

For citation: Yaroslav V. Tarasyuk. Supra-communal structure *kottam* in the South Indian Pallava kingdom: Epigraphic Sources. *Oriental Epigraphy*. Vol. 37. 2023. P. 122–136. DOI 10.31696/0131-1344-2023-122-136.

Паллавское царство существовало в III–IX вв. н. э. на исторической территории Тондеймандалам, объединявшей юго-восточные районы современного штата Андхра-Прадеш и северную часть штата Тамилнаду². Центром этой территории был город Канчи (Канчипурам), один из семи и единственный на юге священный город Индии.

Тондеймандалам и город Канчи упоминаются в древнетамильской литературе (так называемой литературе Сангама 100 г. до н. э. – 250 г. н. э.). В то время на этой территории располагались небольшие земледельческие поселения речных долин, городские торговые и ремесленные центры, горные и лесные племена. Земледельческие общины были изолированы друг от друга лесными массивами и пустынными бесплодными землями. В поэме II века «Перумбанаттруппадаей» говорится о больших пространствах незаселенной земли в Тондеймандалам, обширных лесах, небольшом количестве поселений, особенно таких крупных как Канчи и порт Нирппеятры [Perumpanatrupadai, 1985, p. 106–135].

Ссылки на Паллавов в литературе Сангама не встречаются, что укладывается в версию об их завоевании этой территории в конце III века. Примечательно, что в эпиграфике Паллавов, как в дарственных грамотах паллавских царей, так и в надписях общинных организаций, не используется название Тондеймандалам или какое-либо другое наименование для обозначения Паллавского царства. Это подтверждает представление Л. Б. Алаева о «государстве» того времени, которое «оставалось весьма аморфным связующим звеном для действующих на соответствующих территориях общин, корпораций, гильдий и, возможно, каст» [Алаев, 2018, с. 529].

² Тондеймандалам включал территории современных дистриктов Шри Потти Шрирамулу Неллор, Тирупати и Читтур штата Андхра-Прадеш и дистриктов Тируваллур, Ранипет, Ченнаи, Веллур, Канчипурам, Ченгалпатту, Тируваннамалей, Тирупаттур, Кришнагири, Дхармапури, Салем, Намаккаль, Перамбалур, Вилуппурам, Каллакуричи и Кудалур штата Тамилнаду.

Вместе с тем, в эпиграфике царей-противников Паллавов упоминается, что паллавские цари правили в Тондеймандалам. Например, в Ваккалериийской дарственной грамоте Викрамадитьи II (ок. 733–744) из династии Чалукьев из Бадами сообщается о том, что их «естественные враги» (*prakrityamitra*) Паллавы правили в Тундака-вишае [South Indian Inscriptions, 1987, p. 146, line 39].

Появление в VI в. и в дальнейшем быстрый рост числа тамильских надписей, датированных годами правления паллавских царей, связаны с тем, что Паллавы оказывали деятельное покровительство распространению в Тондеймандалам североиндийских храмовых культов и, соответственно, строительству храмов, на стенах которых и сохранилось большинство надписей этого периода.

Надписи содержат много информации о различных пожертвованиях земель, золота, другого имущества храмам, брахманам, джайнам и их общинам, а также на содержание ирригационных сооружений. Эти дары передавались в пользование сельским и городским общинным организациям под обязательства предоставления всего необходимого согласно воле дарителя. По надписям исследователи могут проследить надлокальные связи общин, храмов, местных правителей и Паллавского царя.

Благодаря фиксации в надписях этих отношений у исследователей есть ценная информация об общинно-политическом устройстве Паллавского царства. Схематично оно может быть описано формулой «ур-наду-коттам», где *ур* — это сельское или городское общинное поселение, *наду* — объединение общинных поселений или княжество, *коттам*³ — объединение *уров* и *наду*.

Первое упоминание о *коттаме* встречается в Палланковильской дарственной грамоте паллавского царя Симхавармана III (ок. 540–550), датированной примерно 546 г. В этой грамоте сообщается о дарении в качестве *палличчандам* (дар джайнам) деревни Амансерккей в Перунагара-наду Венкунрам-ккоттама [Mahalingam, 1988, p. 91, lines 27–31].

Всего в паллавской эпиграфике сохранились упоминания о 17 *коттамах*⁴. В приведенном ниже списке *коттамов* в скобки включены отдельные данные об их составе.

³ Слово *kōṭṭam* имеет значения «местность, страна, селение, храм, рисовое поле, водоем» [Winslow, 1992, p. 376].

⁴ Индийские исследователи отмечают, что, согласно традиции, Тондеймандалам делился на 24 *коттама*, при этом в различных источниках встречаются упоминания о 27 и более *коттамах* [Mahalingam, 1969, p. 3].

- 1) Āmūr-kōṭṭam⁵ (No⁶ 136);
- 2) Dāmar-kōṭṭam (Poygainallūr, No. 264, Palkalam, No. 265);
- 3) Eyir-kōṭṭam (Eyil-nāḍu, No. 309; Pulvelūr, No. 160);
- 4) Ikkāṭṭu-kōṭṭam (Kākkalūr-nāḍu, No 156; Perumūr-nāḍu, No. 343; Tolūr-nāḍu, No 217);
- 5) Kaḷattūr-kōṭṭam (Kaḷattūr, No. 127; Kurumpurai-nāḍu, No. 196; Tirukkalukkuṇṇam, No. 42; Āṇiyūr, No. 230);
- 6) Kāliyūr-kōṭṭam (Uttaramerucaturvedimaṅgalam, Nos. 190, 199, 203; Kilppūdūr, No 212);
- 7) Maṇayir-kōṭṭam (Paṇma-nāḍu, Nos 46, 152; Mer-Paḷugūr-nāḍu, Nos. 183, 236);
- 8) Mēlūr-kōṭṭam (Mēlūr, No. 199);
- 9) Paḍuvūr-kōṭṭam (Mel-Aḍaiyāru-nāḍu, Nos. 132, 188, 189; Kārai-nāḍu, No. 164; Maṅgāḍu-nāḍu, No. 169; Paṅgala-nāḍu, No. 221, 228, 373);
- 10) Palkuṇṇa-kkōṭṭam (Kilveṇāḍu, No. 81; Maṇalaikkuḷa-nāḍu, No. 81);
- 11) Tenṇārrūr-nāḍu, No 232; Aḍaiyārru-nāḍu, No. 308);
- 12) Peyyūr-iḷaṅ-kōṭṭam (Tekkūr-nāḍu, No. 237; Tiruvāṇpūr, No. 75);
- 13) Puliyūr-kkōṭṭam⁷ (Kalmāy-nāḍu, No. 207; Ādampākkam, No. 242; Kuṇṇattūr, No. 131);
- 14) Puḷar-kōṭṭam (Puḷal-nāḍu, No 219; Nāyaru-nāḍu, No 121; Niṇṇavūr, Nos 324, 332; Sivanvāyal, No 354; Kaṇṇikai, No 354);
- 15) Tiruvēṅkāḍa-kkōṭṭam (Cilai-nāḍu, No 181; Kuḍavūr-nāḍu, No 111);
- 16) Ūṇṇukkāḍu-kōṭṭam (Ūṇṇukkāṭṭu-nāḍu, No 77; Nirveḷūr-nāḍu, No 46; Dctmaṇūr-nāḍu, No 91; Kūram, No 140; Aḷiṅgaṇapākkam, No 91; Perumpālaiyūr, Nos 117, 323; Siyapuram, No 185);
- 17) Veṅkuṇṇa-kkōṭṭam (Veṅkuṇṇam, No 120; Perunagara-nāḍu, No 17).

⁵ Надписи XI века, относящиеся к периоду правления Чолов, сообщают о принадлежности нагарам Мамаллапурама к Амур-наду, входившей в Амур-коттам. См., например: [South Indian Inscriptions, 1987, p. 67, lines 15–16].

⁶ Здесь и далее дается нумерация паллавских надписей по книге [Mahalingam, 1988].

⁷ Первое известное по паллавской эпиграфике упоминание о Пулиюр-коттаме содержит слово kuḍi или «земледелец» — *Puliyūr-kuḍi-kkōṭṭam* [Mahalingam, 1988, p. 396]. Такое название можно перевести как «земледельческий коттам Пулиюра». Известно, что земли, которые предположительно занимал этот *коттам*, примыкали к горным районам, где жили курумбы — племена охотников и скотоводов. Возможно, что добавление слова «куди» подчеркивало их отличие от этих племен и было связано с земледельцами, которые обосновались в этих землях, а их общины со временем объединились в *коттам*.

Анализ адресных частей паллавских надписей позволяет определить структуру отдельных *коттамов* и разобрать их состав.

Во-первых, в состав *коттамов* входили общинные объединения *наду*. Например, по данным надписей, Пужар⁸-коттам⁹ объединял вокруг селения Пужаль¹⁰ общины Пужаль-наду и Наяру-наду. В надписи из Тирувоттриюра (талук Сайдапет, дистрикт Ченнаи) содержится следующая адресная часть: “Мы, ур Вайкаду, пурама Тирувоттриюра, [относящегося к] Пужаль-наду Пужар-коттама, записали¹¹”. Грамота Нандивармана III из селения Велурпалейям сообщает о дарении деревни Тирукаттуппалли, входившей в Наяру-наду Пужар-коттама [Mahalingam, 1988, p. 376, line 47].

Во-вторых, в состав *коттама* могли входить *наду* местных тамильских правителей (княжества). Например, в состав Падувур-коттама входила Пангала-наду¹². Как отмечает Т. В. Махалингам, правители Пангала-наду из рода Гангов (Гангарейяры) управляли территорией, включающей в себя части современных дистриктов Веллур и Тируваннамалей. Эти правители признавали верховенство Паллавов в период правления царей начиная с Нандивармана III до Кампавармана (IX в.) [Mahalingam, 1988, p. 772, fn 2]. Данные о взаимоотношениях правителей Пангала-наду и Паллавов в предыдущий период в надписях отсутствуют, но сам факт принадлежности к *коттаму* общинных поселений, относившихся к княжеству небольшого правителя, заслуживает внимания. Л. Б. Алаев писал следующее: «Общины — локальные и супралокальные — не были антагонистами государства, но не были и инструментом государственной власти, они вписывались в тогдашнюю политику. Двор, местные магнаты и коллективы общинников проникали друг в друга, образовывали симбиоз. Этот симбиоз, конечно, не мог существовать вечно. Баланс сил менялся» [Алаев, 2018, с. 531].

В-третьих, в состав *коттама* входили поселения, получившие особый статус в результате религиозных дарений. Иногда такие поселения называются

⁸ По правилам фонетических изменений слов в тамильском языке если за словом, оканчивающимся на *l*, идет слово, начинающееся на *k*, то *l* переходит в *r*, как в рассматриваемом случае: *Puḷal + kōṭṭam = Puḷar-kkōṭṭam*.

⁹ В Пужар-коттам входили общинные поселения, располагавшиеся на берегу Бенгальского залива, в долинах рек Арани и Ковум, возле озер Сатьямурти Сагар и Пужаль.

¹⁰ Современный Пужаль располагается в 15 км к северо-западу от г. Ченнаи по дороге на Рэд Хиллс.

¹¹ *Puḷar-kkōṭṭattu pPuḷal-nāṭṭu tTiruvo... purattu Vaikkatt-ūrōṇ kai-eḷuttu* [Mahalingam, 1988, p. 566, lines 2–3].

¹² Надпись из Чолапурама (талук Парамати-Велур в дистрикте Намаккаль, N. 228) упоминает селение Каттутумбур, расположенное в Пангала-наду, входящей в Падувур-коттам (*Paḍuvūr-kkōṭṭattu pPaṅgaḷa-nāṭṭu kKāṭṭutumbūr* [Mahalingam, 1988, p. 585, lines 1–2]).

танкутру — букв. «своя часть». Так, в надписях из Уттарамаллюра обычно содержится следующая самоидентификация общины брахманов: *Kāliyūr-kkōṭṭattu ttan̄kūr Uttaramēru-ccaturvedimangalattu sabhaiyōm* (букв. «Мы, сабха, Уттарамеру-чатурведимангалам, танкутру в Калиюр-коттаме» [Mahalingam, 1988, p. 521, lines 1–2 и др.]¹³). В надписях из Каверипаккам (талук Аракконам в дистрикте Ранипет, Nos 158, 164, 169, 186, 197, 220, 225) говорится о принадлежности брахманской общины Аванинараяна-чатурведимангалам к Падувур-коттаму¹⁴.

В-четвертых, в *коттам* могли входить общинные поселения уры. Например, в Калиюр-коттам входил Кижпудур: *Kāliyūr-kkōṭṭattu kKilppūdūr ūrōm* — «мы, ур, Кижпудура Калиюр-коттама» [Mahalingam, 1988, p. 554, lines 3–4], а в Дамар-коттам — *ур* Палкалам [Mahalingam, 1988, p. 645, line 3].

Как предполагается, для существования *коттамов* большее значение имел баланс сил и интересов, входивших в него общинных объединений *наду*, а в отдельных случаях ещё и *наду*-княжеств. В паллавской эпиграфике встречаются факты одновременного членства в составе *коттама* как *наду*, названных по имени поселения, вокруг которого произошло объединение *коттама*, так и других *наду*. Например, в надписях есть упоминания о существовании в рамках Пужар-коттама Пужаль-наду [Mahalingam, 1988, p. 566, line 2] и Наяру-наду [Mahalingam, 1988, p. 376, line 47] или в составе Утруккатту-ккоттама — Утруккатту-наду [Mahalingam, 1988, p. 250, line 98], Нирвелюр-наду [Mahalingam, 1988, p. 157, lines 57–58] и Даманур-наду [Mahalingam, 1988, p. 571, line 1].

Поселение, именем которого назывался *коттам*, могло быть влиятельным религиозным, а не земледельческим общинным центром. Например, селение Тирувенкадам¹⁵, по имени которого назван Тирувенкада-ккоттам. Примечательно, что Тирувенкадам был пригородом крупного общинного поселения Тируччокинур, входившего в Кудавур-наду в составе Тирувенкада-ккоттама¹⁶.

¹³ Следует отметить важную деталь: упоминание о статусе «танкутру» в рамках Калиюр-коттама в надписях из Уттарамаллюра встречается начиная с 895 года (надписи Nos 190, 199, 203, 206, 208, 211, 216, 217, 223, 229, 230). Первые же надписи сабхи Уттарамеру-чатурведимангалам появляются начиная с 755 г., но в них (Nos. 78, 96, 101, 102) вплоть до 805 г. указывается только то, что надпись сделана «сабхой Уттарамеру-чатурведимангалам» (например, Mahalingam, 1988, p. 342, line 1). Это может говорить о том, что вхождение общины Уттарамеру-чатурведимангалам в Калиюр-коттам могло произойти в IX в.

¹⁴ *Paḍuvūr-kōṭṭattu kKāvadippākkamāgiya Avaṇinārāyaṇa-ccaturvēdi-maṅgalattu...* — см. напр., Mahalingam, 1988, p. 568, lines 1–2.

¹⁵ Подробнее о Тирувенкадам см.: Jagadisa Ayyar P.V. *South Indian Shrines*. New Delhi, 1993. Рр. 262–270.

¹⁶ Надпись из Тируччанура (талук Чандрагири в дистрикте Читтуру штата Андхра-

То есть *коттам* был назван в честь шиваитского храмового центра. Это указывает на возможную причину формирования этого *коттама*, связанную с религиозным значением Тирувенкадам для региона.

Названные примеры показывают, что объединение соседних *наду* и общинных поселений в *коттам* могло происходить, по крайней мере, по двум направлениям: объединение вокруг центра влиятельной *наду*, например, Пужаля, центра Пужаль-наду, и объединение вокруг известного религиозного центра (Венкунрам, Тирувенкадам). В последнем случае, как и в случае с членством княжеств-наду в составе коттама, достаточно очевидна важность принципа баланса и симбиоза интересов различных региональных сил для существования *коттамов*.

Ключевая роль именно *наду* в общинно-политической иерархии паллавского времени подтверждается примерами обращений паллавских царей исключительно к руководству той *наду*, на территории которой должно было произойти царское дарение земли или деревни. Например, как в Читтурской грамоте паллавского царя Нрипатунгавармана от 875 г., сообщающей о дарении деревни Читтур в Панма-наду Манаир-коттама [Mahalingam, 1988, p. 442, lines 49–52].

При преемниках Паллавов — Чолах число *наду*, входивших в *коттамы*, известные со времени правления Паллавов, увеличилось в 2–3 раза. Так, например, по данным паллавских надписей, в Пужар-коттам входили две *наду*: Пужаль-наду [Mahalingam, 1988, p. 566, line 2] и Наяру-наду [Mahalingam, 1988, p. 376, line 47], а также селения Нинравур [Mahalingam, 1988, p. 731], Шиванвайль и Канракей [Mahalingam, 1988, p. 753], а по данным надписей, сделанных позднее, в Пужар-коттам, кроме названных *наду* и деревень, входили еще пять *наду*: Елумур-Тудармуни-наду, Навалюр-наду, Амбаттур-наду, Кариккейпперур-наду и Амарур-наду [Jagadisa Аyyar, 1993, p. 66 (242–1912), p. 51 (132–1912), p. 50 (129–1912), p. 52 (140–1912), p. 113 (489–1919)].

Если проследить по надписям, найденным в одном поселении, как его община идентифицирует себя, то обнаружатся интересные факты. Например, хотя о принадлежности общины Тирувоттриюра к определенному *коттаму* сообщается только в двух из одиннадцати найденных в этом поселении паллавских надписей, в одной из них, надписи No. 219, относящейся к 80-м гг. IX в., говорится о том, что Тирувоттриюр и его пригород (*нурам*) Вайккаду относятся к Пужар-коттаму [Mahalingam, 1988, p. 566], в другой же надписи 902 г. сказано,

Прадеш) сообщает о дарении золота богу Перуманадигаль (Шиве), храм которого располагался в селении Тирувенкадам, [пригороде] Тируччокинура в Кудавур-наду, входившей Тирувенкада-ккоттам (*Tiruvē[n]gaḍakkōṭṭattu kKudavūr-nāṭṭu tTi[ru]ccōgīnūr tTiruvēṅgaḍattu [E]mperūmāṇ-aḍikaḷukku* [Mahalingam, 1988, p. 358, lines 1–3]).

что Тирувоттриур и другой его пригород Адампаккам входят в Пулиур-коттам [Mahalingam, 1988, p. 608]. При этом в остальных паллавских надписях из этого места (Nos. 168, 200, 207, 224, 238, 239, 241, 243 и 244) указывается только принадлежность пригородов к уру Тирувоттриура. То есть, из сведений надписей может следовать, что различные «пригороды» или точнее общины одного и того же крупного селения могли относить себя к различным *коттамам*.

Аналогичной была ситуация в Канчипураме — столице Паллавов. В постпаллавское время в эпиграфике отражен факт его одновременной принадлежности к трем разным *коттамам*, имевшим свои центры за пределами Канчипурама. Так, например, различные надписи на стенах храма Пуньякотишвара в Канчипураме сообщают о принадлежности города к Утруккатту-коттаму, Калиур-коттаму и Еиль-коттаму [Jagadisa Ayyar, 1993, p. 129 (1–1921, 2–1921, 5–1921)], что можно интерпретировать как указание на самоидентификацию с различными *коттамам* у разных общинных организаций Канчипурама и, соответственно, на определенные их связи с этими надобщинными объединениями.

О существовании в Канчипураме двух и более общин, каждая из которых могла связывать себя с различными *коттамами*, сообщают надписи на стенах вишнуитского храма Вайкунтхаперумаль в Канчипураме. В частности, говорится, что в коронации царя Нандивармана II участвовали *ubhayaganattar* (букв. «представители обеих гана») [Mahalingam, 1988, p. 406, line 327]. Термин «гана»¹⁷, известен по санскритским текстам и эпиграфике и «ганаттарами», в данном случае, вполне могли обозначаться представители различных общин Канчипурама. Исторически Канчипурам делился на Малый (вишнуитский) и Большой (шиваитский) Канчипурам.

В паллавских надписях редко встречаются упоминания о коллективных руководителях или представителях *коттамов* — *kōṭṭattār* (букв., «представители, члены [совета] коттама») или *kōṭṭamanraḍika!* (букв., «члены собрания коттама»). Например, *Āmūrkōṭṭattu kkōṭṭamanraḍika!* [Mahalingam, 1988, p. 406, lines 3–5].

Обычно паллавские дарственные грамоты не фиксируют участие *коттаттаров* в каких-либо совместных действиях с *наттарами* по указанию паллавского царя. Единственный пример взаимодействия представителей (руководства) *коттама* (*коттаттаров*) с царской властью мы встречаем в дарственной грамоте Скандашишьи, противника «избранного подданными»¹⁸ на

¹⁷ См, например, Sircar, 1966, p. 109, где приводятся такие значения: «община или религиозное объединение», «гильдия или корпорация».

¹⁸ В грамоте Нандивармана II из Кашаккуди, датируемой 753 г., говорится о том, что он стал царем благодаря подданным (*праджа*) [Mahalingam, 1988, p. 247, verse 27].

паллавский престол Нандивармана II¹⁹. Скандашишья, которого поддерживали враги Паллавов — Чалукьи из Бадами, управлял Канчипурамом почти двадцать лет. В 14 год своего правления (вторая четверть VIII в.) он совершил дарение деревни брахману. Особенностью этого дарения стало, во-первых, обращение царя к *коттаттарам* и *наттарам* [Mahalingam, 1988, p. 633, lines 11–19], а во-вторых, совместное совершение по распоряжению царя указанными представителями церемонии фиксации границ подаренной деревни [Mahalingam, 1988, p. 634, lines 19–22].

Как представляется, обращение Скандашишьи к *коттаттарам* могло быть связано с необходимостью поддержки и закрепления этого дарения также и на уровне *коттама*. Очевидной причиной этого была междоусобица в Паллавском царстве, когда прямая связь с подданными была особенно важна. Вслед за Л. Б. Алаевым, такую ситуацию можно назвать симбиозом общинного объединения и царя.

Из паллавских надписей больше всего известно о Падувур-коттаме и его субъектах. Этот *коттам* объединял общинные поселения и городские центры, располагавшиеся на территории современных талуков Ваниямбади (дистрикт Тирупаттур), Гудияттам (дистрикт Веллуру), Парамати-Велур (дистрикт Намаккаль), Валаджапет и Аракконам (дистрикт Ранипет), Полур (дистрикт Тируваннамалей) и, по-видимому, части дистриктов Ченгалпатту и Канчипурам. Большую часть этой территории штата Тамилнаду занимает горная цепь — Восточные Гхаты.

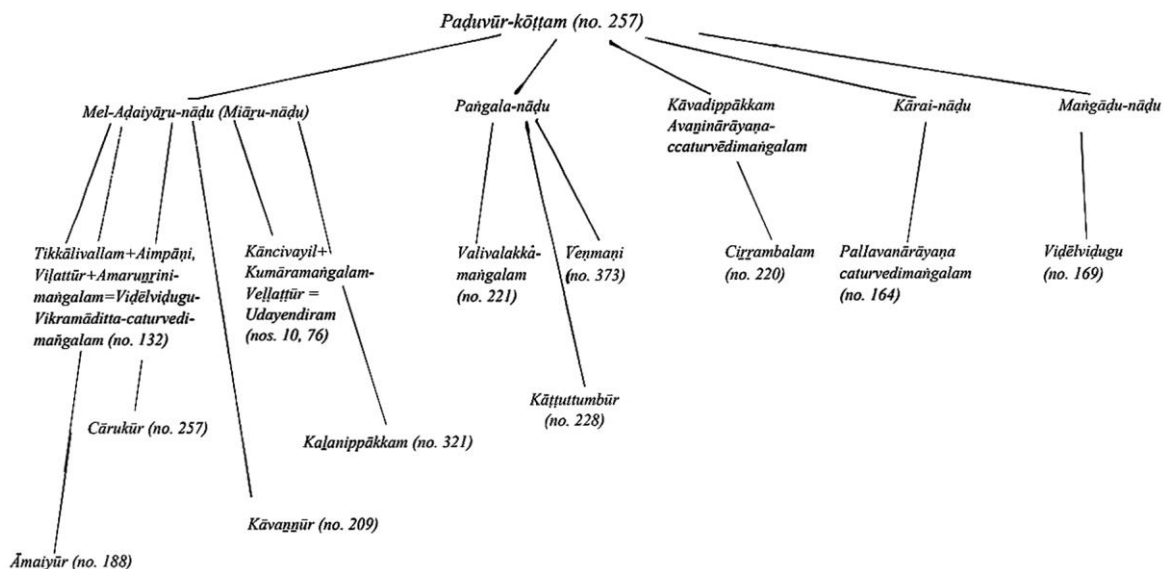
Как представляется, западная часть *коттама* контролировалась правителями из династии Бана, центральная — Пангала-наду — правителями из династии Ганга, а восточная — непосредственно Паллавами. В VIII–IX вв. в состав Падувур-коттама, по данным надписей, входили 4 *наду*: Мель-Адейяру раштра (*наду*) и Пангала-наду располагались в гористой местности, а Карей-наду и Манкаду-наду²⁰ в речных долинах.

Все земли субъектов этого *коттама*, за исключением Манкаду-наду, располагались по течению реки Палару. Местоположение Манкаду-наду и самого центра *коттама* — селения Падувур (сов. Падур) в дистрикте Канчипурам, то есть в стороне от территорий остальных субъектов *коттама*, может свидетельствовать о том, что при формировании *коттама* фактор центрального расположения главного поселения не всегда был определяющим. При этом, как видно в данном случае, поселение, давшее название *коттаму*, располагалось в землях, которые непосредственно контролировали Паллавы.

¹⁹ Грамота Скандашишьи из селения Райякота [Mahalingam, 1988, p. 632–635].

²⁰ Территория вокруг современной деревни Манкаду в 23 км к юго-западу от Ченнаи.

Состав Падувур-коттама по данным надписей периода правления Паллавов



На севере и северо-западе Падувур-коттам граничил с Манаир-коттамом, Дамар-коттамом и Пулиур-наду, а на юге и юго-востоке с Палкунра-коттамом, Утруккатты-коттамом, Кижвенаду и Маналейкула-наду.

Первое упоминание о субъекте Падувур-коттама — *Aḍeyāru-rāṣṭra* встречается в дарственной грамоте Нандивармана I из селения Удаендирам, датированной 495 г. В ней сообщается о дарении брахману в качестве *брахмадеи* Канчи-вайя — деревни, в которой он живет [Mahalingam, 1988, p. 58–60].

Во второй известной нам паллавской грамоте из селения Удаендирам (752 г.) упоминаются *Paśchimāśraya-viśaya* (на тамильский язык это название буквально переводится как *Mēl-Aḍaiyāru-nāḍu*) и *Kāñchidvāra* (там. *Kāñcivāyil*) [Mahalingam, 1988, p. 227–235].

Ни в одной из этих двух грамот нет указания на принадлежность *наду* к более крупному объединению *коттаму*. Но в отличие от грамоты V в. в грамоте VIII в. к названию области, где совершено дарение, добавляется слово *Mēl* — букв. «запад». В связи с этим необходимо отметить, что в надписи начала IX в., относящейся к периоду правления Дантивармана, упоминается *Āḍaiyāru-nāḍu*, но в Палькунрам-коттаме [Mahalingam, 1988, p. 702, lines 3–5]. Этот *коттам* объединял общины, располагавшиеся к югу от Падувур-коттама. Возможно, что в VIII в. Адейяру-раштра разделилась на сферу влияния двух или более соседних коттамов. В частности, северо-западная — Падувур-коттама. Таким образом, образовалось две *наду*, вошедшие в разные *коттамы*. При этом

обе *наду* контролировали Баны. Соответственно, власть местного правителя-князя могла выходить за рамки *коттама*.

Первое упоминание о принадлежности Мель-Адейяру-наду к Падувур-коттаму относится к 40-м гг. VIII в. В Раякотской грамоте Скандашишьи правителя из рода Паллавов и соперника паллавского царя Нандивармана II говорится, что по просьбе банского царя — ***Mahāvali-Vānarāja*** была подарена деревня Сарукур и земля вокруг нее. *Коттамтары* Падувур-коттама и *наттары* Мель-Адейяру-наду совершили обряд установления границ [Mahalingam, 1988, p. 632–635].

Эпиграфические источники содержат данные об участии субъектов Падувур-коттама в военных действиях. Надпись из селения Виранам в талукке Ченгам дистрикта Тируваннамалей сообщает, что армия правителя Пангала-наду — ***Paṅgala-nāḍu-uḍaiya Mādēvanar*** атаковала селение Шаттанур в Мерковалюр-наду, по-видимому, составлявшей часть Еиль-наду-500. Правителю Пангала-наду противостояли Нандиперуманар, правивший Еиль-наду-500 и Веннаду-300, и его сын, управлявший Шаттануром и Веннам [Mahalingam, 1988, p. 708–709].

Другая надпись, датируемая примерно 879 г., сообщает о сражении между правителями двух *наду*, входивших в Падувур-коттам, Ванарейяром (букв. «царем Банов») и Пирудигангарейяром (правителем Пангала-наду из династии Ганга) у Каванура в Мияру- (т.е. Мель-) Адейяру-наду [Mahalingam, 1988, p. 551].

Две надписи 895 г. из селения Амбур в талукке Парамати-Велур дистрикта Намаккальнос рассказывают о столкновении дружины Пирудигангарейяра, правителя Пангала-наду, с армией Ноламбов. Поводом послужило нападение на селение Амейюр, относившееся к соседней Мель-Адейяру-наду, и угон скота. Как видно из надписи, правитель Пангала-наду защитил от внешнего врага и оказал военную помощь *наду*, которая, как и Пангала-наду, входила в Падувур-коттам [Mahalingam, 1988, p. 519 и 520].

Можно указать ряд факторов, которые воздействовали на формирование надлокальных связей и, соответственно, на развитие *коттамов* в период правления Паллавов.

Во-первых, *экономический фактор*, связанный с распространением религиозных дарений и строительством водохранилищ и ирригационных сооружений. Необходимость реализации условий дарений храмам и ирригационным сооружениям, а также обязательства сохранения и эффективного использования подаренного имущества способствовали развитию координации общинных организации.

Религиозные дары и дары ирригационным сооружениям общего пользования (землю, золото, зерно) дарители передавали в управление сельским и городским общинам под обязательства исполнения условий дарения.

Например, при Паллавах в Тондеймандалам появляется практика так называемых «вечных даров» или пожертвований, обязательным условием которых было использование только процентной прибыли для выполнения поставленных дарителем задач (там. *poliyūṭṭu*, букв. «использование процентной прибыли»). «Вечные дары» обеспечивали постоянное финансирование храмовых богослужений, проведение храмовых праздников, ведение храмового хозяйства и т. п. [Тарасюк, 2004, с. 201].

Одновременно с созданием первых индуистских храмов в Тондеймандалам, в VII в. при паллавском царе Махендравармане I (ок. 600–630) начинается реализация крупных ирригационных проектов, которые не только позволяют начать освоение пустовавших земель, но и способствуют развитию уже существовавших и, возможно, созданию новых земледельческих общин и их объединений. Примечательно, что одно из значений слова «коттам» — «водоем».

В паллавских надписях встречаются упоминания о таких искусственных водоемах как Махендра-татака в Махендравади (талук Немили, дистрикт Ранипет) [Mahalingam, 1988, p. 112], Парамешвара-татака в Кураме (талук Канчипурам, дистрикт Канчипурам) [Mahalingam, 1988, p. 159, line 78], Тирейян-ери (30 км от Канчипурама, грамота из Кашаккуди [Mahalingam, 1988, p. 252, line 116]) и Вайрамега-татака в Уттарамеруре (дистрикт Канчипурам) [Mahalingam, 1988, p. 342, 353, 545–546]. Списки ирригационных сооружений, построенных при Паллавах, составляли Ч. Минакши [Minakshi, 1938, p. 94–102] и Т. М. Шринивасан [Srinivasan, 1968, p. 32–34].

Самым крупным из построенных при Паллавах считается водохранилище в Каверипаккаме (дистрикт Ранипет, 30 км от Канчипурама), площадь которого составляет ок. 15,5 км². В настоящее время водохранилище дает воду для орошения рисовых полей 14 деревень общей площадью 2550 га, из которых 1010 га орошаются дважды в год [Gunawardana, 1984, p. 120].

Практика «вечных даров» на основе использования процентов от подаренных средств (*полиютты*), как и в случае с храмами, применялась для содержания водохранилищ и гидротехнических сооружений. Так, одна из многочисленных надписей из Уттарамерура сообщает о даре 100 *kaḷaṅcu* золота и 28 *kāḍi* риса-падди для проведения работ по углублению дна и укреплению берегов водохранилища Вайрамега-татака на проценты от подаренных средств (*poliyūṭṭu*), которые фиксируются в 10 *kaḷaṅcu* золота и 3 *kāḍi* риса-падди в год. Общинное собрание (*сабха*) деревни приняло дар и обязалось выполнять

работы ежегодно в течение двух месяцев, начиная с месяца *Вайгаси* (май-июнь) [Mahalingam, 1988, p. 564–565].

Во-вторых, *религиозно-ритуальный фактор*, связанный с тем, что слово *коттам* использовалось и используется для обозначения храмов. В надписи из Шаттамангалам (талук Вандаваси, дистрикт Тируваннамалей), относящейся к 14 году правления Нандивармана II (745 г.), имеется заклинание, в котором говорится, что нарушение благодеяния будет равносильно греху разрушения ***Kāmakkōṭṭam*** [Mahalingam, 1988, p. 223–224, lines 11–12]. *Кама-ккоттам* — это еще одно название Канчипурама из-за расположения в этом городе храма Камакши или *Камаккоттама*²¹. Поскольку Канчипурам был центром Тондеймандалам, его ассоциация с Кама-ккоттамом могла способствовать распространению храмов-*коттамов* по всей Тондеймандалам и формировать так называемые религиозные скрепы этого региона, основанные на синтезе тамильских и индуистских богов.

В-третьих, *оборонительный фактор*, связанный с охраной и защитой общин. Ряд индийских историков полагали, что *коттамы* формировались вокруг крепостей (*kōṭṭai*) [Subbarayalu, 2006, p. 120].

В заключение можно привести следующие соображения относительно природы *коттамов*, которые дает анализ эпиграфики Паллавов:

- 1) *Коттамы* представляли собой скорее общинно-политические, чем административно-территориальные образования. Взаимодействие царя и подданных осуществлялось не через *коттамы*, а через входившие в них общинные объединения *наду*;
- 2) *Коттамы* были политиями Паллавского царства, объединявшими разнообразные его субъекты на микроуровне. Они включали сельские и городские общины, а также их объединения, в том числе, находившиеся под контролем местных правителей;
- 3) Состав *коттамов* менялся со временем за счет увеличения числа входивших в них общинных организаций;
- 4) Столица Паллавов, город Канчипурам, не был центром какого-либо *коттама*, при этом различные части города или, точнее, их общинные организации могли идентифицировать себя с разными *коттамами*;
- 5) Распространение при Паллавах практики религиозных дарений и реализация крупных ирригационных проектов в Тондеймандалам могли влиять на формирование и развитие *коттамов*, но прямых подтверждений этого в паллавских надписях не обнаружено.

²¹ Подробнее о Камакоттаме см. [Shulman, 1980, p. 170].

Как представляется, формирование *коттамов* уместно рассматривать как инициативу «снизу», которая, вместе с тем, не была изолирована от взаимодействия с царской властью. Паллавы, которые правили в Тондеймандалам в течение многих столетий, могли поддерживать развитие *коттамов*, так как это укладывалось в процессы легитимации, сохранения и укрепления их власти.

Список литературы / References

- Алаев Л. Б. *Южная Индия: Общинно-политический строй VI–XIII веков*. М.: ЛЕНАНД, 2018. 600 с. [Alaev L. B. *South India: Communal-Political System of the 6th–13th Centuries*. Moscow: LENAND, 2018. 600 p. (in Russian)].
- Тарасюк Я. В. Нерасходуемые пожертвования богам в Южной Индии (материалы изучения тамильской эпиграфики Паллаво VIII – начала Х в.). *Alaica: Сб. науч. тр. российских востоковедов, подготовленный к 70-летнему юбилею профессора, д-ра ист. наук Л. Б. Алаева*. М.: Восточная литература, 2004. С. 196–245 [Tarasyuk Ya. V. Nonexpendable Offerings to Gods in South India (Items of Study of Tamil Epigraphy of Pallavas of 8th – Beginning of 10th Centuries). *Alaica: Collection of Papers Prepared by Russian Oriental Scholars to the 70th Jubilee of Prof. Dr. of History L. B. Alaev*. Moscow: Oriental Literature, 2004. P. 196–245 (in Russian)].
- Gunawardana R. A. L. H. Intersocietal Transfer of Hydraulic Technology in Precolonial South Asia: Some Reflections Based on a Preliminary Investigation. *Southeast Asian Studies*. 1984. Vol. 22. №. 2. P. 115–142.
- Jagadisa Ayyar P. V. *South Indian Shrines*. New Delhi: Asian Educational Services, 1993. 638 p.
- Mahalingam T. V. *Kanchipuram in Early South Indian History*. Bombay: Asia Publishing House, 1969. 243 p.
- Mahalingam T. V. *The Inscriptions of the Pallavas*. Delhi: Agam Prakashan, 1988. 808 p.
- Minakshi C. *Administration and Social Life under the Pallavas*. Madras: University of Madras, 1938. 316 p.
- Perumpanattrupadai. Pattupattu. *Ten Tamil Idylls*. Trans. by J. V. Chelliah. Thanjavur, 1985. P. 106–135.
- Shulman D. D. *Tamil Temple Myths: Sacrifice and Divine Marriage in the South Indian Saiva Tradition*. Princeton: Princeton University Press, 1980. 483 p.
- Sircar D. C. *Indian Epigraphical Glossary*. Delhi: Motilal Banarsidass, 1966. 560 p.
- South Indian Inscriptions*. Vol. I. Ed. by E. Hultzsch. Madras: Archaeological Survey of India, 1892; New Delhi: Navtang, 1987. 184 p.
- Srinivasan T. M. *Irrigation and Water Supply in South India up to 1300 A.D.* Unpublished M. Litt. Thesis. Madras: Madras University, 1968.

-
- Subbarayalu Y. Mapping History of Tondai Mandalam (North Tamil Nadu). *Proceedings of the Indian History Congress*. Vol. 66 (2005–2006). P. 120–124.
- Winslow M. *A Comprehensive Tamil and English Dictionary*. New Delhi: Asian Educational Services, 1992. 976 p.

DOI 10.31696/0131-1344-2023-137-150

**ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОЧЕТАНИЯ *QARA BODUN* В ПАМЯТНИКАХ
ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ: В СВЯЗИ С
ГЕПОТИЗОЙ В. В. БАРТОЛЬДА**

В. В. Тишин¹

Аннотация

Российский востоковед В. В. Бартольд в свое время попытался усмотреть в текстах памятников древнетюркской рунической письменности из местности Хушо-Цайдам (Монголия), с которыми он работал по изданиям В. В. Радлова и В. Томсена, отражение социальной борьбы в обществе орхонских тюрков. Один из аргументов основывался на контекстуальном противопоставлении в надписях *бэгов* (элиты) и категории *qara qatay bodun* — букв. 'весь черный народ'. Бартольд, а за ним ряд исследователей рассматривали противопоставление *бэгов* и *qara bodun* ('черного народа') как свидетельство социального деления в обществе тюрков, что допускается трактовкой слова *qara* как 'простой, обычный'. Между тем, с точки зрения семантики, это значение может быть уточнено, понимаясь в памятниках древнетюркской рунической письменности как 'простой' (в отношении кого-то, в сравнении с кем-то), 'остальной' (кроме кого-то) и т. д., что подтверждается конкретными контекстами. В памятниках древнетюркской рунической письменности, созданных тюрками, категория *qara bodun* всегда противопоставляется *бэгам* — элите, в общем и целом, чему в текстах уйгуров соответствуют *atliḡ* 'имеющие титулы, именитые', упоминающиеся в сходных контекстах; в надписях с территории енисейского бассейна (преимущественно в Туве) категория *qara bodun* также обнаруживает объекты противопоставления, которыми могут являться правитель, сподвижники, родственники и соплеменники меморианта. Все эти случаи подтверждают именно обусловленную контекстуальным противопоставлением трактовку выражения *qara bodun* как 'простой народ', 'остальной народ'. Иными словами, это понятие релятивное, не обладающее каким-либо социальным смыслом и, соответственно, не обозначающим некий социальный слой. В

¹ Владимир Владимирович Тишин — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Отдел истории Востока Института востоковедения РАН, Москва; tihij-511@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-7344-0996

Vladimir V. Tishin — PhD (History), Research Fellow, Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; tihij-511@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-7344-0996

связи с этим контраргументом против заключения Бартольда инициированная им дискуссия утрачивает целесообразность.

Ключевые слова: памятники древнетюркской рунической письменности, Тюркский каганат, Уйгурский каганат, кыркызы, кочевники, семантика

Для цитирования: Тишин В. В. Об интерпретации сочетания *qara bodun* в памятниках древнетюркской рунической письменности: в связи с гипотезой В. В. Бартольда. *Эпиграфика Востока*. Т. 37. 2023. С. 137–150. DOI 10.31696/0131-1344-2023-137-150.

ON THE INTERPRETATION OF THE PHRASE *QARA BODUN* IN THE MONUMENTS OF OLD TURKIC RUNIC WRITING: ON THE HYPOTHESIS OF W. BARTHOLD

Vladimir V. Tishin

Abstract

It was the Russian orientalist W. Barthold (V. V. Barthold) who tried to see in the texts of monuments of Old Turkic runic writing from the Höşöö Tsaidam area (in Mongolia) analyzed by him according to publications of W. Radloff and V. Thomsen, a representation of the social conflict in the society of the Orkhon Türks. One of his arguments was based on the contextual opposition in those inscriptions of the *begs* (elite) and the category *qara qamay bodun*, lit. 'all the black people'. W. Barthold, and after him several scholars, considered the opposition of *begs* and *qara bodun* 'black people' as the evidence of two social groups in the society of the Türks, which is allowed by the interpretation of the word *qara* as 'common, ordinary'. Meanwhile, semantically, this meaning can be clarified, being understood in monuments of Old Turkic runic writing as 'ordinary (in relation to someone, in comparison with someone), remaining (except for someone), etc.', which is confirmed by specific contexts. In the monuments of Old Turkic runic writing, created by the Türks, the category *qara bodun* is always opposed to the *begs* that is the elite in general, which in the texts of Uyghurs correspond to *atliḡ* 'having a title, famous, distinguished', mentioned in similar contexts; in inscriptions from the territory of the Yenisei basin (mainly in Tuva), the category *qara bodun* also reveals objects of opposition, which may be the ruler, followers, relatives and tribesmen of the memorant. All these cases precisely confirm the interpretation of the expression *qara bodun*, conditioned by the contextual opposition, as 'common people', 'the remaining people'. In other words, this category is relative, not having any social meaning and accordingly, not denoting a certain social stratum. In connection with this counterargument against the conclusion of W. Barthold, the discussion initiated by him loses its purpose.

Keywords: Monuments of Old Turkic Runic Writing, Türk Qaghanate, Uyghur Qaghanate, Qırqız, nomads, semantics

For citation: Vladimir V. Tishin. On the Interpretation of the Phrase *qara bodun* in Monuments of Old Turkic Runic Writing: Toward to the Hypothesis of W. Barthold. *Oriental Epigraphy*. Vol. 37. 2023. P.137–150. DOI 10.31696/0131-1344-2023-137-150.

Введение

Открытие в 1891 г. Н. М. Ядринцевым Хушо-Цайдамских стел, до сих пор остающихся самыми крупными памятниками древнетюркской рунической письменности (далее — ПДРП), и последовавшая затем в 1893 г. расшифровка загадочной до того момента письменности, осуществленная В. Томсеном, открыли широкие перспективы не только для тюркологии, но и для исследователей кочевнических обществ. Последующие годы ознаменованы появлением ряда работ, связанных с интерпретацией сведений расшифрованных текстов в соотношении с данными китайских и арабских источников. Кроме того, неизбежно были затронуты собственно вопросы культуры и внутреннего устройства самого общества, эти памятники создавшего, то есть так называемых орхонских тюрков. Ведущая роль в постановке ряда ключевых вопросов, определивших направление будущих научных дискуссий, принадлежит В. В. Бартольду.

В частности, Бартольд первым попытался дать характеристику социального устройства орхонских тюрков, первым же поставив вопрос о социальной борьбе в их обществе между «аристократией» и «народом», которых он соотнес соответственно с категориями, обозначенными как *bégi* (*bäg*, множ. ч. *bäglär*) и *qara qamay bodun* [Barthold, 1897, S. 8]². Подводя мысль к этому соображению в несколько более ранней публикации, он основывался на существовании у казахов деления на «черную» и «белую» кость [Бартольд, 1968е, с. 243]³. Однако эти соображения сразу же были поставлены под сомнение Г. Вамбери, не согласившегося как с буквальной интерпретацией слова *qara*, так и с аргументом, касающимся деления на «кости» (которого он сам не наблюдал, например, у хорошо знакомых ему туркмен) [Vámbéry, 1898, S. 7]. Тем не менее интерпретация Бартольда оказала влияние на работы исследователей последующих лет (см., напр.: [László, 1967, 25–260; Бернштам, 1946, с. 130–131; Gabain (v.), 1953, S. 553; Giraud, 1960, p. 86; и др.].

ПДРП тюркской династии

² В последующих работах более категорично и навязчиво: [Бартольд, 1968а, с. 23; 1968с, с. 197; 1968d, с. 428; 1968f, с. 471; 1977, с. 763].

³ «Киргизское [казахское – *Авт.*] представление о “черной” и “белой” кости еще яснее показывает, с какой резкостью идея наследственной аристократии иногда выражалась у тюрков».

В своих доводах Бартольд основывался в первую очередь на интерпретации нескольких фрагментов Хушо-Цайдамских надписей, повествующих об утрате и затем возрождении суверенитета орхонских тюрков.

Среди перечисляемых от лица кагана факторов, приведших к падению империи тюрков, после упоминания негативных характеристик правивших каганов и их буйруков, названных «неразумными» и «скверными», сказано следующее:

КТб, стк. 6–7 = БК, X, стк. 6–7

(6) bägläri bodunı tüzsüz ücün tabyač bodun täbligin körlüg<in> ücün armaqčisın ücün inili açılı kiksürtökin ücün bägli bodunlı /7/ jonşurtoqın ücün türk bodun illädök ilin içyinu idmiş (7) qayanladoq qayanın jitürü idmiş

‘(6) из-за бэгов и народа неровности (вар. неравенства), из-за табгачского народа хитрости и нечестности, из-за обманщиков (их), из-за [того, что] младшие братья и старшие братья обманывали друг друга, из-за [того, что] бэгов и народ /7/ настраивали друг против друга, тюркский народ, эль создавший [прежде], эль (его) к исчезновению привел, (7) каганом пребывающего [прежде] кагана к утрате привел’⁴.

Много ниже среди прочего дана характеристика поведению элиты:

КТб, стк. 7 = БК, X, стк. 7:

türk bäglär türk atın itı tabyačyı bäglär tabyač atın (~БК: at) tutupan tabyač qayanqa körmiş

‘*тюркские бэгу, тюркские титулы оставив, табгачских бэгов табгачские титулы приняв, табгачскому кагану верны стали (или подчинились)*’.

Много ниже, когда речь идет о последовавшем восстании тюрков, говорится:

КТб, стк. 8–9 = БК, X, стк. 8–9:

türk qara qamay (9) bodun anča timiş illig bodun ärtim ilim amtı qanı kāmka ilig qazanur män tir ärmış /9/ qayanlıy bodun ärtim qayanım qanı nä qayanqa işig kücüg birür män tir ärmış anča tip tabyač qayanqa jayı bolmiş

‘тюркский простой (букв. черный) (9) весь народ тогда сказал: “имеющим эль народом был (я); эль (мой) теперь где? кому эли приобретаю (я)?”, сказал; /9/ “имеющим кагана народом был (я); каган (мой) где? какому кагану труды (и) силы отдаю (я)?”, так(овое) сказав, табгачскому кагану враждебным стал (он)’.

Бартольд придал социологическую окраску этим эпизодам, противопоставляющим друг другу «аристократию» и «черный народ» (в транскрипции Радлова — *kara kamyğ budun* “schwarze Volksmasse” [Barthold, 1897, S. 8], «низший класс, народ» [Бартольд, 1968b, с. 284]). Возразивший ему Вамбери трактовал слово *kara*,

⁴ Здесь и ниже мы даем собственный перевод, намеренно приближенный к буквальному.

скорее, как 'Volk' и не нашел оснований видеть в орхонских надписях указаний на социальное противостояние [Vámbéry, 1898, S. 7]⁵.

Формулировка *türk qara qatay bodun* (здесь и далее — в принятом современными тюркологами чтении) сделалась дискуссионной — понимать ли здесь 'весь целиком тюркский народ' или 'всю массу (множество) черного (т. е. простого) тюркского народа', ограничивая социальный состав участников последующего выступления тюрков против империи Тан⁶.

В действительности Бартольд можно возразить по ряду пунктов.

Бартольд, безусловно, прав в следующем заключении: «Из надписей видно, что во время китайского владычества аристократия, как бывало и в культурных странах, ради сохранения своих сословных привилегий легче мирилась с иноземным игом и легче изменяла своим народным обычаям, чем простой народ» [Бартольд, 1968а, с. 23].

Саму противопоставлению в ПДРП категорий *bäglär* и *bodun* вряд ли стоит придавать концептуальное значение, поскольку оно является только контекстуальным, при этом в отдельных местах они предстают как целостная конструкция *bäglär bodun* 'бэги (и) народ', выступая как соответствие понятию *türk bodun* 'тюркский народ'.

Контексты употребления понятия *bäg* (*bäg*, множ. ч. *bäglär*) разнообразны (см., напр.: [Köprülü, 1983, s. 232; Clauson, 1972, p. 322]). Чаще всего слово *bäglär* употребляется в собирательном значении для обозначения всего высшего социального слоя (КТб, стк. 3 = БК, X, стк. 4; КТб, стк. 7 = БК, X, стк. 7; КТб, стк. 34; Тон, II, Зап, стк. 1(36)). В другом цитированном фрагменте (КТб, стк. 7 = БК, X, стк. 7) подразумевается, что *béги* имеют титулы (*at*)⁷, что соответствует двум другим контекстам. Так, в БК, Ха, стк. 13–14 названы «тюркские теперешние *béги*» (*türk amtī bäglär*), среди которых перечислены группы сановников, определяющиеся как *béги*: справа *tarduš bäglär*, *šadpīt bäglär*, слева – *töläš bäglär*, *šadpīt bäglär*; аналогичные сочетания в КТ, Xб, стк. 1 = БК, Xб, стк. 1: *šadpīt bäglär*, *tarqat bujruq bäglär*.

В некоторых местах *béгам* (*bäglär*) в целом противопоставлена категория *bodun* 'народ', где особенно иллюстративны как раз цитированные выше фрагменты Хушо-Цайдамских текстов (КТб, стк. 6–7 = БК, X, стк. 6–7). Этот контекст чаще всего трактуется как свидетельство социального противоборства.

⁵ Сам он переводил *türk kara kamīg budun* как 'das Gros des Türkenfolkes' [Vámbéry, 1898, S. 33], где при этом "*Türk kara* 'das gemeine Volk, das Gros der Nation', worauf als Verstärkung *kamīg budun* 'die Gesamtnation' folgt" [Vámbéry, 1898, S. 34].

⁶ Мы не приводим всей литературы, остановившись на трех примерах из крупных работ: 'l'ensemble noir, c'est-à-dire le peuple' [Giraud, 1960, p. 87], 'all the Türkü common people' [Clauson, 1972, p. 306, 627, 643], ср.: 'тюркские люди, весь народ' [Кононов, 1980, с. 100].

⁷ По мнению Х. Ширин Усер, под выражением *atın tut-* понимается принятие подданства ("ulusal kimlik") [Şirin User, 2009, s. 48–49].

Слово *tüz*, по сэру Дж. Клосону, “ ‘level, flat, even’, with some extended meanings like ‘equal’ ”, в переводных текстах ему соответствует снскр. *samatā* ‘impartiality’ или кит. *пун* 平 ‘level, even, equal’ [Clauson, 1972, p. 571]. По поводу глагола *joŋsur-* сэр Дж. Клосон (у него – орфогр. *yoŋsur-*) ничего конкретного не смог сказать [Clauson, 1972, p. 953]. М. Эрдал, дает *yoŋsur-* ‘to incite people in mutual false accusations’, поправляя лишь чтение В. Томсена [Erdal, 1991, vol. II, p. 725], < *yoŋa-* ‘to make false accusations (against someone Acc., to someone Dat.)’ [Clauson, 1972, p. 944]. В общем, исходя из семантики этих двух слов, получается, что находящиеся в определенной оппозиции категории *bäglär* и *bodun* в идеальных условиях находятся в гармонии (*tüz*), которая может быть нарушена из-за наветов. В данном случае *bäglär* и *bodun* суть категории общие, абстрактные.

Трактовка слова *bäg* раскрыта в другой контекстуальной оппозиции в следующем фрагменте.

КТб, стк. 7:

tabyač bodunqa bäglük urı oylın qul boltı esilik qız oylın kün boltı

(где вм. *oylın* должно быть *oylı* [Tekin, 1968, p. 240]);

более правильно в БК, X, стк. 7:

tabyač bodunqa bäglük urı oylın qul qiltı esilik qız oylın kün qiltı

Это следует перевести: ‘табгачскому народу господами (букв. бэгами) должное стать мужское потомство слугами стало (оно), госпожами должное стать женское потомство служанками стало (оно)’.

Подобный текст есть в другом месте этих памятников.

КТб, стк. 24: bäglük urı oylun qul boltı esilik qız oylun kün boltı;

БК, X, стк. 20: bäglük urı oylunın qul qiltıy esilik qız oylun kün qiltıy

(см.: [Tekin, 1968, p. 234, 240]).

В тех местах, где исследователи видят *silik* ‘чистый’ как детерминатив к *qız* (КТб, стк. 7: *s²Il²k*; БК, X, стк. 7: *s²l²k*; КТб, стк. 24: *s²l²k*; БК, X, стк. 20: *s²l²k*, см., напр.: [Clauson, 1972, p. 826–827]), Т. Текин прочел *ešilik* ‘worthy of becoming a lady’ < *ešī* ‘noblewoman, princess, lady’, по аналогии с *bäglük* [Tekin, 1968, p. 106, 331]. Второй гласный выписан в одном случае (КТб, стк. 7: *s²Il²k*), но инициальный гласный нигде не обозначен, косвенно подразумевая здесь широкий /ä/, хотя следуя примеру вариативного написания в обоих Хушо-Цайдамских текстах слова *el*, это необязательно. Исходя из других примеров (см.: [Clauson, 1972, p. 256]), должен реконструироваться полузакрытый /e/. И, значит, мы имеем слово *esi* (**ešī*?), обозначающим ‘госпожа’, по аналогии с употребленным в качестве однородного члена в сочинительной конструкции словом *bäg*.

Нельзя не отметить, что в других контекстах цитированных памятников *бэги* сами являются составной частью категории «тюркский народ», в частности, показывающих самое общее значение слова *bodun* как ‘народ’ в смысле ‘совокупность людей’, в двух

соседствующих фразеах демонстрирующего возможность дать два разных контекстуальных толкования.

КТ, Хб, стк. 10–11 = БК, Хб, стк. 7–8:

azu bu /8/ sabımda igid bar-γu türk bağlār bodun bunı ešidiñ türk bodun tirip il tutsuqun bunta urtum jañlıp ölsükünün jämä (11) bunta urtum näñ näñ sabım ärsär bağñü taşqa urtum añar körü bilñ türk amtı bodun bağlār bödkä körügmä bağlār-gü jañıltaçı siz

‘Или в этой /8/ речи (моей) ложь есть ли? Тюркские бэги (и) народ, этому внимай(те)! Тюркский народ, собравшись [в целое], эль хранить следует (тебе) как, здесь выбил (я); заблуждаясь, умереть следует (тебе) как, также (11) здесь выбил (я); все [то, чем] речь (моя) была (бы) если, на вечном камне выбил (я); на него смотря, знайте, тюркские теперешние народ (и) бэги, трону верные бэги, в заблуждение не впадете ли вы?’.

Упоминание категории *türk qara qamaγ bodun* (КТб, стк. 8–9 = БК, Х, стк. 8), букв. ‘тюркский черный весь народ’, лишь контекстуально противопоставлено этим «тюркским бэгам» из КТб, стк. 7 = БК, Х, стк. 7.

В другом месте и ином контексте встречается сочетание *qara bodun*, букв. ‘черный народ’.

БК, Х, стк. 41:

[... ar]qıši kälmađi anı añıtajın tip sülädim qorıγu eki üč kişiligü täzip bardı qara bodun qayanım kälti tep ög[irip sabıntı...]

‘...караван (его) не пришел (он); (с н)его спросить чтобы, сказав, воевал (я); комендант (?) (их) с несколькими (букв. двумя-тремя) людьми, убежав, ушел (он); остальной (букв. черный) народ, “каган (мой) пришел (он)”, говоря (и) моля, речь держал (он)...’

Принимая в этих случаях перевод слова *qara* как ‘остальной’, мы из аргументации И. В. Кормушина, обосновавшего семантическую его эволюцию к значению ‘простой’ в смысле ‘остальной, массовый, ничем не выделяющийся и т.д.’ [Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 593–595].

При этом в памятниках тюркской династии существует и употребление слова *qara* уже не в качестве адъектива, а именно номинатива, где, также в его противопоставлении с категорией *бэги*, как раз хорошо выделяется та же семантика.

Оа, стк. 1:

qaras²in² j²ıydım bägi qačdı

‘простых (их) собрал (я), бэги (их) убежали (они)’.

ПДРП уйгурской династии

Выше было сказано, что в памятниках тюркской династии слово *бег* не обозначает какого-либо титула или ранга, а имеет обобщающее значение⁸, и что эти *беги* имеют титулы.

Видимо, *bāglār* текстов тюркской династии соответствуют категории *atliḡ* ‘имеющие титулы, титулованные, именитые’ текстов уйгурской династии.

МШУ, Вост, стк. 5(17):

taj bilgä totoq jablaqin üçün bir eki atliḡ jablaqin üçün qara bodunum öltün jitdin jana içik ölmäçi jitmäçi sän tidim jičä işig küçüg birgil tidim

‘Из-за Тай Бильге тотока скверности, из-за одного-двух имеющих титулы скверности, остальной (букв. черный) народ (мой) умер (ты), погиб (ты), “как прежде покоришься! не умрешь (и) не исчезнешь ты”, сказал (я), “снова труды (и) силы отдавай!”, сказал (я)’.

Этот фрагмент показывает однотипное противопоставление *atliḡ* и *qara bodun*. Ниже, в МШУ, Вост. 14 (16), хотя фрагмент испорчен, есть еще контекстуальное противопоставление *jazuqluḡ atliḡ* ‘грешных имеющих титулы’, которые были захвачены в плен (*tuta birti*) и *qara igil bodun* ‘остального обычного народа’, который не был истреблен (*joq qılmadim*, букв. ‘ничем не сделал (я)’). Употребление слова *qara* как определение к сочетанию *igil bodun*, если не рассматривать фразу *qara igil* как парное сочетание из слов-синонимов (о слове *egil* ~ *igil* см.: [Clauson, 1972, p. 106]), позволяет усилить аргумент в пользу интерпретации слова *qara* как ‘простой, остальной’ именно в контекстуальном противопоставлении.

Значение слова *atliḡ* может быть выяснено по другому фрагменту.

Тар, Южн, стк. 4–5(13–14):

[...] toquz bujruq [bin] ([b]i[š]?) sänüt qara bodun turujun qanım qanqa ötünti äčü apa atı (5) bar tedi ötükän eli sizdä äbir te[di]

‘[...] девять буйруков, тысяча (пять?) сенгюнов, остальной (букв. черный) народ, стояв [перед ним?], к отцу (моему) хану обратились (они): “предков имя (их) (5) есть”, сказали (они), “Отюкенский эль вам возвращается”, сказали (они)’ [Tekin, 1983, p. 47, 50; Katayama, 1999, p. 169, 171, 175; Erdal, 2004, p. 316].

Отсюда следует, что *буйруки* и *сенгюны*, с одной стороны, контекстуально противопоставлены *qara bodun*, с другой – соответствуют *atliḡ* цитированного ранее фрагмента и общему понятию *bāglār* надписей тюркской династии. Употребление общей категории *atliḡ* и ее конкретизация, подразумевающая включение сюда

⁸ Попытки видеть в *бэгах* именно аристократический слой порождал некоторые сложности с выяснением их сущности [Gabain (v.), 1953, S. 554; Giraud, 1960, p. 86].

носителей конкретных названных титулов, подтверждает возможность трактовку *qara* как 'простой, остальной'.

Есть еще один менее достоверный контекст в МШУ, Вост, стк. 10(22), вызвавший дискуссии в связи с идентификацией сочетания *ürün bāgig* 'белые беги' (вин. падеж) [Thomsen, 1916, p. 88–89, note 1; Giraud, 1960, p. 88], придется оставить в стороне, ввиду недостаточной ясности этого места на копиях надписи (ср.: [Moriyasu, 1999, photo Šine-Usu E 2])⁹. В связи с этим же нужно оставить в стороне упоминание в енисейских памятниках в качестве одного из объектов предсмертного расставания меморианта парного сочетания *ürün qara* с посессивным аффиксом 1 л. ед. ч. +(X)*m* у каждого элемента, дающего буквальный перевод 'белое (мое) и черное (мое)' (ср.: [Щербак, 1964, с. 146]).

В качестве еще одного примера, раскрывающего порядок употребления анализируемого сочетания, можно указать на случай, не относящийся к памятникам древнетюркской рунической письменности, но имеющий отношение к истории уйгурской династии.

В древнеуйгурском манихейском документе U 73 (Т М 276^b)¹⁰ от принцесс (*qunčujlar*), принцев (*taišilar*) и «больших» носителей титулов (*atly-lar*) контекстуально отделяется *qamγ bodun*, состоящий из «больших и малых» (*uluy kičig*) (v, стк. 64–65); далее идет употребление *bāg* и *qra bodun* в одной конструкции как внимающих приказу кагана (v, стк. 69); затем после оглашения приказа кагана многочисленный собравшийся (*üküş quvray*) *qra bodun* кланится (*jükün-*) ему, обращается (*ötün-*) к нему и приветствует (*ajqin-*) его (r, стк. 81–82); ниже, текст поврежден, но, видимо, *qamγ* *[*bodun*], как передано, «радостным стал» (r, стк. 83–84); далее в одном контексте *qamγ bodun* выступает как адресат пожеланий кагана (r, стк. 88) [Bang W., Gabain A., 1929, S. 416, 418, Taf. V, VI].

⁹ Например, Х. Ширин Усер оставляет здесь отточие [Şirin User H., 2009, s. 476]. Опознавая здесь *ürün bāgig qara buluqıy anı olormış*, вслед за Г. Й. Рамстедтом, можно было бы не сомневаться, что речь идет о перечне топонимов [Ramstedt, 1913, S. 23, 55; Thomsen, 1916, p. 88–89, note 1; Materialien, 1958, S. 56; Aydın, 2007, s. 29, 43, 44, dipnot 289], независимо от того, идентифицировать ли слово *anı* как название реки или как форму винительного падежа от указательного местоимения 3 л. ед. ч. *ol* 'тот'. Есть, однако, интерпретации, предлагающие иное восстановление текста. Сложности сюда добавило обоснование Х. Намыком (Оркуном) понимания сочетания *örün bāg* как 'Asil beğleri' [Orkun, 1936, s. 172, 184–185]. Так, у Т. Мориясу *ürün bāgig qara qulluqıy anı olormış* [Moriyasu, 1999, p. 180, 183, 193], у С. Г. Кляшторного *ürün bāgig qara bo[duni]y anı olormış* [Кляшторный, 2010, с. 56].

¹⁰ По наблюдениям Мориясу Такао, этот рукописный текст является частью какой-то книги [Moriyasu, 2015, p. 319, note 25].

ПДРП енисейского бассейна

В ПДРП енисейского бассейна сочетание *qara bodun* употребляется нечасто, но есть несколько интересных контекстов.

В тексте Уюк-Туран назван *tölbäri qara bodun*, упомянутый после *qanım* 'хан (мой)', далее после самого сочетания названы *külüg qadašim* 'славные сообщинники' и после деплоратива *esizim* идет перечень конкретных групп родственников меморианта, которыми он «не насытился» (*bökmädim*) (Е 3, стк. 3). Это, видимо, позволяет видеть тех, кто в категорию *qara bodun*, с точки зрения меморианта, не входил.

В памятнике Элегест I отмечены два контекста. Во-первых, самостоятельное употребление: *qara bodunum qatıylanıñ el törösün idmañ* 'простой народ (мой), тверд будь! от эля порядков не отступай!' (Е 10, стк. 7). Здесь, однако, можно видеть косвенное противопоставление конкретным лицам, упомянутым строкой выше или в этой же строке чуть далее. Во второй раз фраза *qara bodunum-a adrıldım ajit-a* 'простой народ, ах, отделился (я), горе, ах!' стоит после типологического фрагмента, упоминающего *kinim qadašim* (Е 10, стк. 12), т. е. родственников и сообщинников.

В надписи Чаа-Холь VII содержится сентенция *qara bodunum-a ajit-a esizim-ä* (Е 19, стк. 2 по Айдыну / стк. 3 по Кормушину) 'простой народ, ах, горе, ах, жаль, ах!'. Аналогичным объектом расставания в схожей конструкции (как восстанавливает ее Э. Айдын: [Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, s. 60]) в другой строке выступает *elim* 'эль (мой)' (Е 19, стк. 3 по Айдыну / стк. 2 по Кормушину), строка полностью не сохранилась, но Кормушин предполагает, что дальше должно было следовать *qanım* 'хан (мой)' [Кормушин, 1997, с. 186]

В надписи Уйбат III (единственный пример с территории Хакасии) сочетание дано в следующей конструкции *qara bodun[um] ... [qujda qunčuju]m öz oylum bökmädım ajita* (Е 32, стк. 1 по Кормушину, стк. 6 по Айдыну). Значит, меморианты енисейских надписей разделяют своих родственников и *qara bodun*, т. е. всех остальных.

К известным значениям слова *qara*, в связи с его семантикой, можно добавить возможную интерпретацию в одной надписи с территории Тувы, в надписи Ээрбек I: *jetejigirmi jašimta män täñri elimkä qara buldum bökmädım ajit-a eseni* (Е 147, стк. 1) 'в семнадцать лет (моих) я небесному (= божественному) элю (моему) черным стал (я), не насытился (я), горе, ах, жаль!' [Кормушин, 1997, с. 253–254; Кормушин, 2008, с. 164; Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, s. 255]. Мы обращаем на него здесь внимание в связи с тем, что заманчиво выглядит возможность интерпретировать фразу *qara boldum* как 'подданным (букв. 'черной [массой]) стал'. Хотя сама эпитафия довольно пространна, а ниже упоминаются супруга (супруги?) и сын (сыновья?) меморианта, также называется его «юношеское имя» (*oylan ati*) и титул *töles alp tarqan*, все же есть все основания думать, что речь идет о гибели меморианта в 17 лет. Поэтому можно понимать *qara*

boldum как 'тьмой (небытием?) стал' или даже читать *qara buldum* 'тьму нашел', т. е. встретил смерть.

Заключение

Из контекстов рассмотренных памятников кажется верной позиция, предполагающая толкование в них слова *qara* 'черный' в функции определения к слову *bodun* 'народ' именно в смысле 'простой, остальной (*наряду с, кроме...*)', выявляющемся в синтаксических конструкциях, подразумевающих наличие явного или косвенного контекстуального противопоставления ему. В частности, в конкретных случаях в тюркских памятниках Монголии – 'весь остальной после бегства', 'весь, кроме бегства', или в енисейских памятниках, – 'весь остальной после хана, родственников и товарищей меморианта'. В любом случае это значение не содержит в этих текстах социального (тем более, уничижительного) оттенка, что, естественно, никак не противоречит реализовывавшемуся в иных культурно-исторических условиях потенциалу дальнейшего развития значения слова именно в этом направлении.

Список литературы / References

- Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Бартольд В. В. *Сочинения*: в 9 т. Т. V. *Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов*. М.: Наука, 1968a. С. 19–192 [Barthold V. V. Twelve Lectures on the History of the Turkish Peoples of Central Asia. Bartold V. V. *Works*: in 9 vol. Vol. 5. *Works on the History and Philology of the Turkic and Mongolic Peoples*. Moscow: Nauka, 1968a. P. 19–192 (in Russian)].
- Бартольд В. В. Древнетюркские надписи и арабские источники. Бартольд В. В. *Сочинения*: в 9 т. Т. V. *Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов*. М.: Наука, 1968b. С. 284–311 [Barthold V. V. Old Turkic Inscriptions and Arabic Sources. Bartold V. V. *Works*: in 9 vol. Vol. 5. *Works on the History and Philology of the Turkic and Mongolic Peoples*. Moscow: Nauka, 1968b. P. 284–311 (in Russian)].
- Бартольд В. В. История тюрко-монгольских народов. Бартольд В. В. *Сочинения*: в 9 т. Т. V. *Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов*. М.: Наука, 1968c. С. 195–229 [Barthold V. V. A History of Turkish-Mongolic Peoples. Bartold V. V. *Works*: in 9 vol. Vol. 5. *Works on the History and Philology of the Turkic and Mongolic Peoples*. Moscow: Nauka, 1968c. P. 195–229 (in Russian)].
- Бартольд В. В. Обзор истории тюркских народов. Бартольд В. В. *Сочинения*: в 9 т. Т. V. *Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов*. М.: Наука, 1968d. С. 425–437 [Barthold V. V. An Overview of the History of the Turkic Peoples. Bartold V. V. *Works*: in 9 vol. Vol. 5. *Works on the History and Philology of the Turkic and Mongolic Peoples*. Moscow: Nauka, 1968d. P. 425–437 (in Russian)].

- Бартольд В. В. [Рец. на] Léon Cahun, Introduction á l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines á 1405. Paris, 1896. Бартольд В. В. *Сочинения*: в 9 т. Т. V. *Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов*. М.: Наука, 1968e (5). С. 238–252 [Barthold V. V. [Review on] Léon Cahun, Introduction á l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines á 1405. Paris, 1896. Bartold V. V. *Works*: in 9 vol. Vol. 5. *Works on the History and Philology of the Turkic and Mongolic Peoples*. Moscow: Nauka, 1968e. P. 238–252 (in Russian)].
- Бартольд В. В. Связь общественного быта с хозяйственным укладом. Бартольд В. В. *Сочинения*: в 9 т. Т. V. *Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов*. М.: Наука, 1968f. С. 468–472 [Barthold V. V. The Relationship of Social Life with the Economic Structure. Bartold V. V. *Works*: in 9 vol. Vol. 5. *Works on the History and Philology of the Turkic and Mongolic Peoples*. Moscow: Nauka, 1968f. P. 468–472 (in Russian)].
- Бартольд В. В. Томсен и история Средней Азии. Бартольд В. В. *Сочинения*: в 9 т. Т. IX. *Работы по истории востоковедения*. М.: Наука, 1977. С. 757–764 [Barthold V. V. Thomsen and the History of Central Asia. Barthold V. V. *Works*: in 9 vols. Vol. 9. *Works on the History of Oriental Studies*. Moscow: Nauka, 1977. P. 757–764 (in Russian)].
- Бернштам А. Н. *Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. Восточно-тюркский каганат и кыргызы*. М.; Л.: АН СССР, 1946. 207 с. [Bernstam A. N. *Socio-Economic System of the Orkhon-Yenisei Turks in 6th–8th Centuries. Eastern Türkic Qaghanate and Kyrgyz*. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1946. 207 p. (in Russian)].
- Кляшторный С. Г. *Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 328 с. [Klyashtornyi S. G. *Runic Monuments of the Uyghur Qaghanate and the History of the Eurasian Steppes*. St. Petersburg: Peterburgskie Vostokovedeniie, 2010. 328 p. (in Russian)].
- Кононов А. Н. *Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв.* Л.: Наука, 1980. 170 с. [Kononov A. N. *A Grammar of the Language of the Turkic Runic Monuments of the 7th–9th Centuries*. Leningrad: Nauka, 1980. 170 p. (in Russian)].
- Кормушин И. В. *Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования*. М.: Наука, 1997. 303 с. [Kormushin I. V. *Turkic Yenisei Epitaphs. Texts and Analysis*. Moscow: Nauka, 1997. 303 p. (in Russian)].
- Кормушин И. В. *Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология*. М.: Наука, 2008. 342 с. [Kormushin I. V. *Turkic Yenisei Epitaphs: A Grammar, Textology*. Moscow: Nauka, 2008. 342 p. (in Russian)].
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика*. Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2001. 822 с. [Tenishev E. R. (ed.). *A Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. A Lexicon*. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (in Russian)].
- Щербак А. М. Памятники рунического письма енисейских тюрок. *Народы Азии и Африки*. 1964. № 4. С. 140–151 [Shcherbak A. M. Monuments of the Runic Writing of the Yenisei Turks. *Narody Azii i Afriki*. 1964. №. 4. P. 140–151 (in Russian)].

- Aydın E. *Şine Usu Yazıtı*. Çorum: Karam Yayıncılık, 2007. 6, 145, 7 s. (In Turkish).
- Bang W., Gabain A. (von). *Türkische Turfan-Texte I: Manichaica. Sonderausgabe aus den Sitzungsberichten der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse*. Berlin: Verlag Akademie der Wissenschaften in Kommission bei Walter de Gruyter & Co., 1929. Bd. XXII. S. 411–430, Taf. IV–VI.
- Barthold W. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. Radloff W. *Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. Nebst einer Abhandlung von W. Barthold: Die Historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften*. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1897. S. 1–36.
- Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972. XLVIII. 989 p.
- Erdal M. *Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon*. Vol. I–II. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991. XIV. 874 p.
- Erdal M. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston: Brill, 2004. XII. 575 p.
- Gabain A. (von) Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. *Anthropos*. 1953. Bd. 48. H. 3–4. S. 537–556.
- Giraud R. *L'Empire des Turcs Célestes. Les règnes d'Elterich, Qapghan et Bilgä (680–734). Contribution à l'histoire des Turcs d'Asie Centrale / Illustré de 4 cartes en hors texte*. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1960. 219 p.
- Köprülü M. F. *İslâm ve Türk Hukuk Tarihine Ait Unvan ve İstilâhlar*. Köprülü M. F. *İslam ve Türk Hukuk Tarihi Araştırmaları ve Vakıf Müessesesi*. İstanbul: Ötüken Yayınları, 1983. S. 103–307 (in Turkish).
- László F. *A kagán és családja. Kőrösi Csoma Archivum*. Vol. III. 1941–1943. Leiden: E. J. Brill, 1967 [1943]. 1–390. (in Hungarian).
- Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei*. Gesammelt von G. J. Ramstedt, J. G. Granö und P. Aalto, bearbeitet und herausgegeben von P. Aalto. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1958. 91 S.
- Moriyasu T. New Developments in the History of East Uighur Manichaeism. *Open Theology*. 2015. Vol. 1. P. 316–333.
- Orkun H. N. *Eski Türk yazıtları*. Cilt I. İstanbul: Devlet basımevi, 1936. 192 s. (in Turkish).
- Ramstedt G. J. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. *Journal de la Societe Finno-Ougrienne*. 1913. T. XXX. № 3. S. 1–63.
- Şirin User H. *Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi*. Konya: Kömen Yayınları, 2009. 548 s. (in Turkish).
- Tekin T. *A Grammar of Orkhon Turkic*. Bloomington; The Hague: Mouton & Co, 1968. 419 p.
- Tekin T. The Tariat (Terkhin) Inscription. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1983. T. XXXVII. Fasc. 1–3. P. 43–68.

- Thomsen V. *Turcica: études concernant l'interprétation des Inscriptions Turques de la Mongolie et de la Sibérie*. Helsingfors: Société Finno-ougrienne, 1916. 107 s. (in French).
- Vámbéry H. *Noten zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibiriens*. Helsingfors: Druckerei der Finnischen litteratur-gesellschaft, 1898. 122 S.
- Yıldırım F., Aydın E., Alimov R. *Yenisey-Kirgizistan Yazıtları ve Irk Bitig*. Ankara: BilgeSu, 2013. 512 s. (in Turkish).
- Katayama A. Tariat Inscription (タリアト碑文). Moriyasu T., Ochir A. (eds.) *Provisional Report of Research on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998* (モンゴル国現存遺蹟・碑文調査研究報告). Toyonaka: The Society of Central Eurasian Studies, Osaka University, 1999. P. 168–176 (in Japanese).
- Moriyasu T. Site and Inscription of Šine Usu (シネウス遺蹟・碑文). Moriyasu T., Ochir A. (eds.) *Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998* (モンゴル国現存遺蹟・碑文調査研究報告). Toyonaka: The Society of Central Eurasian Studies, Osaka University, 1999. P. 177–195 (in Japanese).

DOI 10.31696/0131-1344-2023-151-188

ЭСТАМПАЖИ ЕНИСЕЙСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В КОЛЛЕКЦИИ ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН¹

А. А. Туранская², М. А. Козинцев³

Аннотация

Статья посвящена описанию эстампажей енисейских рунических памятников из наименее изученной и практически неизвестной на настоящий момент научному сообществу коллекций Института восточных рукописей РАН (ИВР РАН), а именно фонда Центральной Азии и Сибири (ЦАС). Фонд этот включает 788 единиц хранения, 13 зарисовок и 775 эстампажей каменных стел, наскальных и пещерных надписей, и других эпиграфических памятников Сибири, Центральной и Средней Азии на 11 языках (древнетюркском, арабском, болгарско-татарском, сирийском, маньчжурском, китайском, согдийском, тюрки, тибетском, монгольском и санскрите). 230 эстампажей фонда – это копии 49 древнетюркских памятников енисейской рунической письменности, обнаруженных русскими и финскими исследователями в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. 86 эстампажей коллекции широко известны научному сообществу, они были опубликованы в 1892–1899 гг. В.В. Радловым в «Атласе древностей Монголии». Остальные же представляют собой уникальные оттиски, изготовленные этнографами и археологами Д.А. Клеменцом, Н.П. Евстифеевым, В.А. Ошурковым, А.В. Адриановым и др. Эстампажи фонда представляются крайне значимыми для исследования памятников енисейской рунической письменности, поскольку являются копиями наиболее близкими к моменту обнаружения надписей. Цель настоящей статьи – представить краткий каталог эстампажей всех древнетюркских енисейских

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Неизвестные эстампажи древнетюркских рунических надписей из коллекции ИВР РАН - уникальные памятники языка, истории и культуры древних тюрков: каталогизация и комплексное исследование» (грант РНФ № 22-28-00348).

² Анна Александровна Туранская — к. ф. н., исследователь-стажер, Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург, turanskaya@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4293-5771

Anna A. Turanskaya — Cand. Sci. (Philology), Project researcher, Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, turanskaya@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4293-5771

³ Марк Альвиевич Козинцев — исследователь-стажер, Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург, m.kozintcev@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8588-739X

Mark A. Kozintcev — Project researcher, Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, m.kozintcev@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8588-739X

памятников, которые были идентифицированы на настоящий момент в коллекции ИВР РАН и которые могут быть использованы исследователями-тюркологами для уточнения спорных фрагментов надписей. В статье также приводится краткое описание всех 33 коллекций фонда Центральной Азии и Сибири с указанием собирателей и временем поступления в коллекцию Азиатского музея – Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ныне – ИВР РАН).

Ключевые слова: енисейские памятники тюркской рунической письменности, древнетюркская эпиграфика, эстампаж, Атлас древностей Монголии.

Для цитирования: Туранская А. А., Козинцев М. А. Эстампажи енисейских рунических памятников в коллекции Института восточных рукописей РАН. *Эпиграфика Востока*. Т. 37. 2023. С. 151–188. DOI 10.31696/0131-1344-2023-151-188.

ESTAMPAGES OF THE OLD TURKIC RUNIC WRITING MONUMENTS OF THE YENISEI PRESERVED IN THE IOM, RAS

Anna A. Turanskaya, Mark A. Kozintcev

Abstract

The paper presents a brief description of the estampages of the Old Turkic runic writing monuments of the Yenisei, preserved nowadays in the practically unknown to the academic community collection of the Institute of Oriental manuscripts of the Russian Academy of Sciences (IOM, RAS), so called collection of Central Asia and Siberia (ЦАС). The collection includes 788 items, 13 outline drawings and 775 estampages of stone stelae, rock and cave inscriptions, and other epigraphic monuments in 11 languages (Old Turkic, Arabic, Bulgar, Syriac, Manchu, Chinese, Sogdian, Turkic, Tibetan, Mongolian and Sanskrit) discovered in Siberia and Central Asia. 230 estampages of the collections were identified as copies of the 49 Old Turkic runic writing monuments of the Yenisei river basin, that had been discovered by the Russian and Finnish archeologists and explorers of Siberia in the second half of the 19th – early 20th c. 86 copies are well-known to the academic community as they were included into the “Atlas der Alterthümer der Mongolei” published by W.W. Radloff in 1892–1899. The rest, made by the renown Russian ethnographers and archaeologists D.A. Klementz, N.P. Evstifeev, V.A. Oshurkov, A.V. Adrianov and others, were never mentioned in publications. These copies seem to be of great enduring value since they have preserved the appearance of the inscriptions in the state closest to the time of discovery. The paper presents a brief catalogue of the estampages of the Old Turkic monuments of the Yenisei, that could be used by Turkicologists for clarification of disputed readings of the inscriptions. The paper also deals with a brief description of all 33 sub-collections included in the Collection of Central Asia and Siberia, that had been transferred to the Asiatic Museum and the Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies, AS USSR (nowadays the IOM, RAS).

Keywords: Old Turkic runic writing monuments of the Yenisei, Old Turkic epigraphy, estampage, "Atlas der Alterthümer der Mongolei".

For citation: Anna A. Turanskaya, Mark A. Kozintcev. Estampages of the Old Turkic runic writing monuments of the Yenisei preserved in the IOM, RAS. *Oriental Epigraphy*. Vol. 37. 2023. P. 151–188. DOI 10.31696/0131-1344-2023-151-188.

Фонд Центральной Азии и Сибири (ЦАС)⁴ ИВР РАН на данный момент — одна из наименее изученных и практически неизвестная научному сообществу коллекция института. Фонд включает 788 единиц хранения, 13 зарисовок⁵ и 775 эстампажей каменных стел, наскальных и пещерных надписей, и других эпиграфических памятников Сибири, Центральной и Средней Азии⁶. Эта коллекция отличается как широким хронологическим охватом материалов (от петроглифов каменного и бронзового веков до трехязычной стелы 1759 г., установленной в честь победы маньчжуров на берегу оз. Иссык-Куль), так и языковым разнообразием. В фонд включены эстампажи эпиграфических памятников на 11 языках: древнетюркском, арабском, болгарско-татарском, сирийском, маньчжурском, китайском, согдийском, тюрки, тибетском, монгольском и санскрите.

Фонд состоит из 33 коллекций, большинство из которых названы в честь собирателей материалов. История формирования этой коллекции эстампажей, которая тесно связана с деятельностью знаменитых русских исследователей Сибири и Центральной Азии, археологов, краеведов и лингвистов, практически не изучена, и в ней немало лакун, восполнить которые, по всей вероятности, невозможно в силу разных обстоятельств.

Большая часть эстампажей фонда, а именно 264 ед. хр., относятся к 16 коллекциям известного востоковеда-тюрколога, археолога и этнографа В. В. Радлова (1837–1918). Значительная часть оттисков, как изготовленных ученым во время Орхонской экспедиции в Монголию 1891 г., так и полученных им от других краеведов-исследователей, были изданы в «Атласе древностей Монголии» (Вып. I–IV, 1892–1899 гг.). Собранные В. В. Радловым материалы были переданы из Музея антропологии и этнографии (МАЭ) в Азиатский музей (АМ) в 1920-е гг. На это указывают старые шифры МАЭ, записанные на сохранившихся этикетках, приложенным к коллекциям⁷.

⁴ Все единицы хранения имеют шифр ЦАС #.

⁵ По всей вероятности, копии зарисовок 1866 г. памятника Е-25 «Означенное I» исследователя финно-угорских и самодийских языков М. А. Кастрена (1813–1855). Хранятся под шифрами ЦАС 219–220, 709–717.

⁶ В коллекцию также были включены семь эстампажей печатной формы для пряников (ЦАС 771–776).

⁷ Коллекции В. В. Радлова в фонде ЦАС:

Восемь коллекций также напрямую связаны с именем В. В. Радлова, поскольку включенные в них эстампажи были переданы ученому для исследования памятников, и большая их часть была издана в «Атласе древностей Монголии». Коллекции эти носят имена людей, изготовивших оттиски, — русского этнографа, археолога, географа Д. А. Клеменца (1848–1914)⁸ и краеведа-любителя Н. П. Евстифеева (1866–?)⁹. Названия этим коллекциям были даны еще в МАЭ — они наряду со старыми шифрами указаны на этикетках¹⁰.

<i>Название коллекции</i>	<i>Шифры ЦАС</i>	<i>Старый шифр МАЭ</i>	<i>Название коллекции</i>	<i>Шифры ЦАС</i>	<i>Старый шифр МАЭ</i>
Восточный Туркестан, Монголия	334–346		Енисейские надписи	347–381	III 455 nova
Карабалгасун. (согд., кит.)	382–399		Карабалгасун. (тюрк.)	400–418	
Кошо-Цайдам	419–439		Кюль-тегин, Эрдэни-цзу	440–454	
Тоньюкук	455–474	III 457 nova	Эрдэни-цзу, Кошо-цайдам, Карабалгасун	475–507	III 476 nova
Надпись Кюль-тегина (кит.)	594–600		Онгинская надпись	698–707	III 472 nova
Надписи из Каракорума	314–321		Надпись из Цаган-Байшина	552–559	
Надписи из Эрдэни-цзу	562–593		Ханын-Гольская надпись	767–769	
Писаницы и оленные камни	322–333		Надпись с Элегеста	603–612	

⁸ В 1879 г. Д. А. Клеменц был арестован за революционную деятельность и отправлен в ссылку в Минусинск, где познакомился с основателем Минусинского краеведческого музея Н. М. Мартьяновым. За 15 лет пребывания в Сибири исследовал более 15 тюркских рунических памятников и изготовил более 50 эстампажей, которые передал В. В. Радлову.

⁹ Арестованный в 1888 г. Н. П. Евстифеев был выслан в Сибирь на восемь лет. До 1892 г. состоял под гласным надзором в Иркутской губернии, а потом — в городе Минусинске, где был городским оспопрививателем до 1895 г.

¹⁰

<i>Коллекция Д. А. Клеменца</i>	<i>Шифры ЦАС</i>	<i>Старый шифр МАЭ</i>	<i>Коллекция Н. П. Евстифеева</i>	<i>Шифры ЦАС</i>	<i>Старый шифр МАЭ</i>
Енисейские надписи	221–230	III 469 nova	Енисейские надписи	161–203	
Ихэ-Асхете	231–238		Уйбат, Уюк	204–217	
Турфан	239–260	III 458 nova	Надпись с Теси	601–602	

А также коллекция «Надписи и рисунки из Монголии и Южной Сибири (Д. А. Клеменц, Н. П. Евстифеев)», ЦАС 291–313.

105 эстампажей, снятых по большей части с тюркских рунических памятников этнографом, путешественником, археологом А. В. Адриановым (1854–1920) с 1904 по 1917 гг., были отсортированы в пять коллекций в МАЭ и после 1920 г. переданы в АМ¹¹.

Из МАЭ в АМ также поступили оттиски, снятые с каменных stel и памятников известным востоковедом и лингвистом В. Л. Котвичем (1872–1944) во время его экспедиции в Северную Монголию 1912 г.¹², а также копии памятников, найденных на территории Киргизии и отснятых художником, фотографом и археологом С. М. Дудиным (1863–1929) в 1913 и 1915 гг.¹³

Самые поздние копии фонда ЦАС — это эстампажи 1947 г. советского историка и археолога, член-корреспондента Академии наук СССР С. В. Киселева (1905–1962), переданные в ЛО ИВ АН, по всей вероятности, С. Е. Маловым и хранящиеся под шифрами ЦАС 778–785, а также эстампажи Терхинской надписи 1969 г. советского и российского востоковеда С. Г. Кляшторного (1928–2014).

Обособленно, вне коллекций хранятся эстампажи надписи Тоньюкука (ЦАС 613–693), изготовленные для последнего маньчжурского амбана в Урге Сань-до (1876–1941)¹⁴, эстампаж с китайской стелы с текстом Праджняпарамита-Ваджрачхедеки

¹¹ Значительная часть эстампажей А. В. Адрианова все еще хранится в МАЭ (Кунсткамера). Подробнее см. [Вяткина 1949; Свойский, Романенко, Миклашевич 2018].

Название коллекции	Шифры ЦАС	Старый шифр МАЭ	Название коллекции	Шифры ЦАС	Старый шифр МАЭ
Енисейская губерния	3–10	III 437 nova	Тепсей, Туба, Тугутюп	42–55	III 459 nova
Енисейские надписи	11–41	III 460 nova	Хакасия, Тува, Тепсей	56–84	III 460 nova
Надписи из Тувы	529–551	III 461 nova			

¹² Помимо эстампажа Чингисова камня (ЦАС 289), хранящегося на момент копирования в АМ, пять коллекций В. Л. Котвича включают 52 оттиска:

Название коллекции	Шифры ЦАС	Старый шифр МАЭ	Название коллекции	Шифры ЦАС	Старый шифр МАЭ
Ихэ-Асхете	261–264		Селенгинский камень	509–528	
Карабалгасун, Эрдэни-Цзу I	265–274	III 438 nova	Наскальные надписи с Толы	694–697	
Карабалгасун, Эрдэни-Цзу II	275–288	III 435 nova			

Коллекция В. Л. Котвича «Кули-чор» (10 копий), частично описанная бывшим сотрудником ИВР РАН Д. В. Рухлядевым в 2006 г., не была обнаружена во время инвентаризации фонда в 2021 г.

¹³ Коллекции «Из Средней Азии и Центральной Азии» (ЦАС 1–2 (?), 85–16) и «Сиро-тюркские надписи из Семиречья» (ЦАС 718–762).

¹⁴ Подробнее о них см. [Turanskaya, 2022].

(ЦАС 290) 1908 г. русского консула в Урумчи Н. Н. Кроткова (1869–1919)¹⁵, два эстампажа китайской надписи из монгольского монастыря Цаган-сумэ (ЦАС 560–561) 1926 г. выдающегося востоковеда Н. Н. Поппе (1897–1991) и два эстампажа китайской и монгольской надписей эдикта Хубилай-хана (ЦАС 787–788), переданных из тибетского фонда института в 2021 г.

230 эстампажей фонда ЦАС — оттиски с 49 енисейских рунических памятников, обнаруженных русскими и финскими исследователями в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. 86 из них были опубликованы в «Атласе древностей Монголии», о существовании остальных было вплоть до недавнего момента было неизвестно специалистам-тюркологам. Между тем эти материалы представляются крайне значимыми для исследования памятников, поскольку являются оттисками наиболее близкими к моменту обнаружения надписей. Принимая во внимание тот факт, что памятники древнетюркской рунической письменности подвержены постепенному разрушению как в результате естественных причин (эрозия пород, несмотря на все меры по консервации и музеефикации), так и внешних воздействий, ранние копии, даже при сравнительном несовершенстве использованных методик копирования, имеют непреходящую ценность.

Более того в фонде ИВР хранятся уникальные копии памятников, местонахождение которых на настоящий момент неизвестно. Так, например, в фонде хранятся 12 эстампажей печально известного енисейского памятника Е-120 «Тугутюп». Стела с самой северной рунической надписью на Среднем Енисее была обнаружена в 1904 г. А. В. Адриановым на левом берегу реки. При обнаружении плита была целой, однако при транспортировке в Красноярский музей, соскользнула с экипажа и переломилась пополам. Нижний фрагмент, согласно отчету самого Адрианова, не был принят на хранение. Позднее верхняя половина была сброшена вниз с галереи учениками народных училищ. В настоящее время в Красноярском музее экспонируется только один, средний фрагмент стелы; верхний фрагмент, согласно инвентарной книге, хранится в музее, но не экспонируется и не доступен для изучения.

Хранятся в фонде также эстампажи памятника Е-15 «3-й памятник с Чакуля», не обнаруженного исследователями на момент строительства Саяно-Шушенской ГЭС в 1963 г. и ныне считающегося утерянным.

Представленное ниже краткое описание (краткий каталог) эстампажей енисейских рунических памятников — результат более десятилетней работы по инвентаризации и атрибуции единиц хранения фонда, закончившейся в 2021 г.¹⁶ В настоящее

¹⁵ Десять эстампажей с еврейских надгробий в Турфане Н. Н. Кроткова были переданы в Еврейский фонд в 2015 г. Подробнее см. [Кашовская, 2016].

¹⁶ Авторы статьи выражают благодарность бывшему сотруднику института Д. В. Рухлядеву, более десяти лет занимавшегося атрибуцией оттисков. Проделанная им исследовательская работа позволила сделать инвентаризацию и предварительный

время фонд ЦАС закрыт на реставрацию, и полный каталог коллекции вряд ли будет опубликован в ближайшее время.

Описание структурировано в 44 статей, каждая из которых включает эстампажи одного енисейского памятника. Исключением является лишь № 43 с эстампажами Тепсейской писаницы (Е-111–117). Для каждого памятника указываются его названия, местонахождение на настоящий момент, краткая история обнаружения и наиболее значимые публикации, включающие как подробные описания стел, так и публикации текстов надписей, за последние сто лет. Далее приводятся краткие описания эстампажей: изготовитель копии и год (в тех случаях, когда требуется дальнейшее уточнение используется знак «?»), материал, использовавшийся при изготовлении оттиска¹⁷, размер копии в см. Для эстампажей-копий отдельных фрагментов надписи строки или части строк указаны в примечаниях. Строки для таких копий даны по С. Е. Малову [Малов, 1951], кроме эстампажей памятника Е-120 «Тугутюп», поскольку текст надписи не был опубликован в его монографии «Енисейская письменность тюрков» 1952 г.

Для эстампажей, в том числе ретушированных В. В. Радловым, указаны номера таблиц «Атласа древностей Монголии» (например, *Атлас*: LXXV–3а). Копии с ретушью включены в краткий каталог скорее как «живые свидетельства» исследования текстов. Ценности для изучения текстов они не представляют¹⁸.

Объем статьи не позволяет включить в описание многочисленные пометки собирателей и исследователей, занимавшихся разбором копий на протяжении последних ста лет.

топокаталог большинства единиц хранения фонда.

¹⁷ Все эстампажи можно разделить на две группы: оттиски на хлопчатобумажной ткани (чаще всего коленкоре), метод изготовления которых был разработан В.В. Радловым (см. [Радлов, 1892]), и копии, изготовленные при помощи многослойной бумаги или картона на основе метода, усовершенствованного в конце 80-х годов XIX в. финской экспедицией Гельсингфорского университета под руководством проф. И.Р. Аспелина (1842–1915). Все бумажные копии енисейских памятников рунической письменности были изготовлены А. В. Адриановым.

¹⁸ Как правомерно отмечал Д. М. Насилов, «...многие ученые, и в первую очередь В. В. Радлов, В. Томсен, Х. Н. Оркун и даже С. Е. Малов, пользовались эстампажами и снимками, которые были в основном сняты с надписей еще до расшифровки орхоно-енисейского письма. Последнее обстоятельство особенно отрицательно сказалось на ретушировании эстампажей, когда случайные сколы или трещины на камне воспринимались как продолжение черт отдельных рунических знаков. Эти ретушированные тексты и брались преимущественно за основу при прочтении памятников, а также воспроизводились при их публикации, поэтому ошибки в идентификации знаков кочевали по изданиям и продолжают сохраняться иногда и при новых переизданиях надписей» [Насилов, 1974, с. 205].

1. Е-1 (Уюк-Тарлак)

Минусинский музей, экспозиция, № 20. Обнаружен в 1888 г. И. Р. Аспелином в 2 км от р. Тарлаг. В 1916 г. доставлен А. В. Адриановым в Минусинский музей.

Опубликовано в: [ФА, 1889, I; Атлас, LXXV; Radloff, 1895, S. 304; Orkun, 1940, s. 31–32; Малов, 1951, с. 78–79; Малов, 1952, с. 12–13; Батманов, 1959; Батманов, Кунаа, 1963а, с. 9–10; Tekin, 1964; Васильев, 1976; Васильев, 1983, с. 14, 59, 82; Кормушин, 1997, с. 159–161; Аманжолов, 2003, с. 110–111; Tekin, 2006; Кормушин, 2008, с. 90]¹⁹.

1.1. ЦАС 216

Д. А. Клеменц, 1891 г. (?).

Ткань, тушь, 126 × 27,5 см

Атлас: LXXV–3а

1.2. ЦАС 217 (с ретушью)

Д. А. Клеменц, 1891 г. (?)

Ткань, тушь, 124 × 27 см

Атлас: LXXV–3б

1.3. ЦАС 529

А. В. Адрианов, 1916 г.

Бумага, 145 × 26 см

2. Е-2 (Уюк-Аржан)

Минусинский музей, экспозиция, № 21. Обнаружен в 1888 г. И. Р. Аспелином на левом берегу р. Уюк. В 1916 г. доставлен А. В. Адриановым в Минусинский музей.

Опубликовано в: [ФА, 1889, II; Radloff, 1895, S. 305; Orkun, 1940, s. 35–36; Малов, 1952, с. 13–16; Батманов, Кунаа, 1963б, с. 11–12; Аманжолов, 1974, с. 101; Васильев, 1976; Васильев, 1983, с. 14, 59, 83; Кормушин, 1997, с. 256–260; Аманжолов, 2003, с. 112].

2.1. ЦАС 530

А. В. Адрианов, 1916 г.

Бумага, 62 × 50 см

3. Е-3 (Уюк-Туран)

Тувинский музей, стеларий. Обнаружен в 1887 г. крестьянином И. Г. Фунтиковым на территории современного г. Туран. В 1888 г. вторично найден И. Р. Аспелином. В

¹⁹ Здесь и далее, для каждого памятника указываются его названия, местонахождение на настоящий момент, краткая история обнаружения и наиболее значимые публикации, включающие как подробные описания стел, так и публикации текстов надписей, за последние сто лет

1943 г. доставлена Д. В. Данзын-оолом в Тувинский республиканский краеведческий музей.

Опубликовано в: [ФА, 1889, III; Radloff, 1895, S. 305–306; Атлас, LXXV–1, 2; Orkun, 1940, s. 39–42; Малов, 1952, с. 16–20; Батманов, Кунаа, 1963а, с. 59–60; Васильев, 1983, с. 14, 59, 84; Кормушин, 1997, с. 189–196; Аманжолов, 2003, с. 113–114; Кормушин, 2008, с. 92–94].

3.1. ЦАС 210

Д. А. Клеменц (?), 1891 г.

Ткань, тушь, 182 × 32,5 см

Примечания: Строки 1–3. Часть рун прорисована с обратной стороны (В. В. Радловым (?)) синим карандашом

3.2. ЦАС 211

Д. А. Клеменц (?), 1891 г.

Ткань, тушь, 179 × 33 см

Примечания: Строки 1–3

Атлас: LXXV–1а

3.3. ЦАС 212 (с ретушью)

Д. А. Клеменц (?), 1891 г.

Ткань, тушь, 187 × 34 см

Примечания: Строки 1–3

Атлас: LXXV–1b.

3.4. ЦАС 213

Д. А. Клеменц (?), 1891 г.

Ткань, тушь, 223 × 38,5 см

Примечания: Строки 4–6

3.5. ЦАС 214

Д. А. Клеменц (?), 1891 г.

Ткань, тушь, 178 × 25 см

Примечания: Строки 4–6. Строка 6 неполная

Атлас: LXXV–2а

3.6. ЦАС 215 (с ретушью)

Д. А. Клеменц (?), 1891 г.

Ткань, тушь, 162 × 26,5 см

Примечания: Строки 4–6. Строка 6 неполная

Атлас: LXXV–2b

4. Е-4 (Оттук-Даш I, Тувинская стела В)

Минусинский музей, экспозиция, № 39. Обнаружен в 1888 г. на левом берегу р. Улуг-Хем И. Р. Аспелином. В 1915 г. доставлен А. В. Адриановым в Минусинский музей.

Опубликовано в: [ФА, 1889, VI; Radloff, 1895, S. 307; Атлас, LXXXV; Orkun, 1940, s. 49; Малов, 1952, с. 20; Батманов, Кунаа, 1963б, с. 18–20; Васильев, 1983, с. 16, 59, 87; Aalto, Granö, 1991, s. 32; Кормушин, 2008, с. 29–30, 94].

4.1. ЦАС 347 (с ретушью)

В. А. Ошурков²⁰, 1892 г.

4.2. ЦАС 531

А. В. Адрианов, 1915 г.

²⁰ Василий Александрович Ошурков (1868–1914)— сибирский археолог, этнограф и путешественник, краевед, юрист, член комитета Иркутского переселенческого общества. Он не

Ткань, тушь, 105 × 23 см

Бумага, 80 × 31 см

Атлас: LXXXV-1*Примечания:* Не читаются две последние руны надписи.**5. Е-5 (Барык I, 1-й памятник с Барлыка)**

Тувинский музей, стеларий. Обнаружен в 1891 г. Д. А. Клеменцем. В 1961 г. доставлен в Тувинский республиканский краеведческий музей.

Опубликовано в: [Radloff, 1895, S. 307–308; Атлас, LXXVI; Orkun, 1940, s. 61; Малов, 1952, с. 20–21; Батманов, Кунаа, 1963а, с. 26–28; Васильев, 1983, с. 17, 59, 87; Кормушин, 1997, с. 209–211; Кормушин, 2008, с. 95–96].

5.1. ЦАС 374

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 160 × 57 см

Атлас: LXXVI-1**5.2. ЦАС 375 (с ретушью)**

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 144 × 60 см

Атлас: LXXVI-2**6. Е-6 (Барык II, 2-й памятник с Барлыка)**

Тувинский музей, стеларий. Обнаружен в 1891 г. Д. А. Клеменцем. В 1961 г. доставлен в Тувинский республиканский краеведческий музей.

Опубликовано в: [Radloff, 1895, S. 308–309; Атлас, LXXVII; Orkun, 1940, s. 62; Малов, 1952, с. 21–22; Батманов, Кунаа, 1963а, с. 29–30; Васильев, 1983, с. 17, 59, 87; Кормушин, 1986; Кормушин, 1997, с. 205–207; Аманжолов, 2003, с. 115–116; Кормушин, 2008, с. 96–97].

6.1. ЦАС 376

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 142 × 58 см

Атлас: LXXVII-1**6.2. ЦАС 377 (с ретушью)**

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 145 × 63 см

Атлас: LXXVII-2**7. Е-7 (Барык III, 3-й памятник с Барлыка)**

Тувинский музей, стеларий. Обнаружен в 1891 г. Д. А. Клеменцем. В 1961 г. доставлен в Тувинский республиканский краеведческий музей.

упоминается ни в одном из выпусков «Атласа древностей Монголии», хотя многие из изготовленных им копий были опубликованы в вып. III.

Опубликовано в: [Radloff, 1895, S. 309; Атлас, LXXVIII–1, 2; Orkun, 1940, s. 63; Малов, 1952, с. 22–23; Батманов, Кунаа, 1963а, с. 21–23; Васильев, 1983, с. 17, 60, 87; Кормушин, 1997, с. 207–208; Аманжолов, 2003, с. 117–118; Кормушин, 2008, с. 98–99].

7.1. ЦАС 378

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 140 × 60 см

Атлас: LXXVIII–1

7.2. ЦАС 379 (с ретушью)

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 132 × 60 см

Атлас: LXXVIII–2

8. Е-8 (Барык IV, 4-й памятник с Барлыка)

Тувинский музей, стеларий. Обнаружен в 1891 г. Д. А. Клеменцем. В 1961 г. доставлен в Тувинский республиканский краеведческий музей.

Опубликовано в: [ФА, 1889, IV; Radloff, 1895, S. 310; Атлас, LXXV–4; Orkun, 1940, s. 199–200; Малов, 1952, с. 24–25; Батманов, Кунаа, 1963а, с. 24–25; Васильев, 1983, с. 17–18, 60, 87; Кормушин, 1997, с. 211–212; Кормушин, 2008, с. 99].

8.1. ЦАС 380

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 74 × 37 см

Атлас: LXXIX–1а

8.2. ЦАС 381 (с ретушью)

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 75 × 37 см.

Атлас: LXXIX–1б.

9. Е-9 (Кара-Суг, Памятник с Улуг-Кема Кара-Суга)

Тувинский музей, стеларий. Обнаружен в 1888 г. И. Р. Аспелином в местности Саик. В 1961 г. доставлен в Тувинский республиканский краеведческий музей.

Опубликовано в: [ФА, 1889, IV; Radloff, 1895, S. 310–311; Атлас, LXXV–4; Orkun, 1940, s. 199–200; Малов, 1952, с. 24–25].

9.1. ЦАС 197

В. А. Ошурков, 1892 г.

Ткань, тушь, 103 × 32 см.

Примечания: Строки 3–4.

9.2. ЦАС 198

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 100 × 14 см

Примечания: Строки 3–4

Атлас: LXXV–4а

9.3. ЦАС 199 (с ретушью)

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 100 × 15 см

Примечания: Строки 3–4

Атлас: LXXV–4б

10. Е-10 (Элегест I, Элегеш)

Минусинский музей, экспозиция, № 19. Обнаружен в 1888 г. И. Р. Аспелином на левом берегу р. Элегест. В 1915 г. доставлен А. В. Адриановым в Минусинский музей.

Опубликовано в: [ФА, 1889, V; Radloff, 1895, S. 311–314; Атлас, LXXIII–LXXIV; Orkun, 1940, s. 179–183; Малов, 1952, с. 25–28; Васильев, 1983, с. 18, 60, 88–89; Aalto, Granö, 1991, s. 29–31; Tekin, 1995; Кормушин, 1997, с. 228–242; Кормушин, 2008, с. 100–102].

10.1. ЦАС 607

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 207 × 148 см

Примечания: Некоторые строки неполные (не хватает по нескольку знаков).

Атлас: LXXIII–3

10.2. ЦАС 608

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 159 × 21 см

Примечания: Строки 1–2.

10.3. ЦАС 610

В. А. Ошурков (?), 1892 г. (?).

Ткань, тушь, 134 × 31 см

Примечания: Строки 1–2.

10.4. ЦАС 605

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 223 × 62 см

Примечания: Строки 2–6

10.5. ЦАС 606

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 223 × 62 см

Примечания: Строки 3–10

10.6. ЦАС 604

В. А. Ошурков (?), 1892 г. (?).

10.8. ЦАС 609

В. А. Ошурков (?), 1892 г. (?).

Ткань, тушь, 157 × 55 см

Примечания: Строки 10–12

10.9. ЦАС 612

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 53 × 45 см

Примечания: Строки 10–12

10.10. ЦАС 611

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 62 × 43 см

Примечания: Тамга

10.11. ЦАС 532

А. В. Адрианов, 1915 г.

Бумага, 285 × 85 см

Примечания: Строки 1–7

10.12. ЦАС 533

А. В. Адрианов, 1915 г.

Бумага, 212 × 76 см

Примечания: Строки 8–12

10.13. ЦАС 778

С. В. Киселев, 1947 г.

Бумага, 106 × 25 см

10.14. ЦАС 779

С. В. Киселев, 1947 г.

Ткань, тушь, 230 × 30 см.

Бумага, 124,5 × 23 см

Примечания: Строки 7–8. Строка 8
неполная

10.15. ЦАС 780

С. В. Киселев, 1947 г.

10.7. ЦАС 603

Бумага, 130 × 25 см

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 253 × 62 см

Примечания: Строки 10–11

11. Е-11 (Бегре)

Минусинский музей, экспозиция, № 19. Обнаружен в 1892 г. В. А. Ошурковым у р. Бегре. В 1915 г. доставлен А. В. Адриановым в Минусинский музей.

Опубликовано в: [Radloff, 1895, S. 301–302, 314–317; Атлас, LXXXV–2–4; Orkun, 1940, s. 71–76; Малов, 1952, с. 29–34; Васильев, 1983, с. 19–20, 61, 92; Кормушин, 1997, с. 270–276; Аманжолов, 2003, с. 119–121; Кормушин, 2008, с. 102–104].

11.1. ЦАС 352

11.5. ЦАС 535

В. А. Ошурков, 1892 г. (?).

А. В. Адрианов, 1916 г.

Ткань, тушь, 155 × 62 см

Бумага, 136 × 31 см

Атлас: LXXXV–2

Примечания: Строка 3

11.2. ЦАС 353

11.6. ЦАС 536

В. А. Ошурков, 1892 г. (?)

А. В. Адрианов, 1916 г.

Ткань, тушь, 157 × 62 см

Бумага, 128 × 51 см

Атлас: LXXXV–3

Примечания: Строки 4–7

11.3. ЦАС 354 (с ретушью)

11.7. ЦАС 537

В. А. Ошурков, 1892 г. (?)

А. В. Адрианов, 1916 г.

Ткань, тушь, 181 × 29,5 см

Бумага, 128 × 51 см

Атлас: LXXXV–4

Примечания: Строки 9–10

11.4. ЦАС 534

А. В. Адрианов, 1916 г.

Бумага, 153 × 50 см

Примечания: Строки 1–2, первая половина строки 9

12. Е-12 (Алдыы-Бель I, Улуг-Кем-Кули-Кем)

На месте обнаружения. Обнаружен в 1888 г. И. Р. Аспелином в долине р. Кюйлюг-Хем.

Опубликовано в: [ФА, 1899, VII; Radloff, 1895, S. 317; Атлас: LXXIX–5; Orkun, 1940, s. 53–54; Малов, 1952, с. 34–35; Батманов, Кунаа III 1965: 15–16; Васильев, 1983, с. 20, 60; Aalto, Granö, 1991, s. 53–54; Кормушин, 1997, с. 180–183; Кормушин, 2008, с. 105].

12.1. ЦАС 179

Д. А. Клеменц (?), 1891 г. (?)

Ткань, тушь, 49 × 22 см

Примечания: Строка 2

12.2. ЦАС 180

Д. А. Клеменц (?), 1891 г. (?)

Ткань, тушь, 47 × 31 см

Примечания: Строка 2

13. Е-13 (Чаа-Холь I, 1-й памятник с Чакуля, Камень Ошуркова)

Минусинский музей, экспозиция, № 33. Обнаружен в 1892 г. В. А. Ошурковым на левом притоке р. Улук-Кем и доставлен им в Минусинский музей.

Опубликовано в: [ФА, 1889, VIII; Атлас, LXXXVI–1–5; Radloff, 1895, S. 318–319; Orkun, 1940, s. 115–116, 126, 127; Малов, 1952, с. 35–36; Батманов, Кунаа, 1963б, с. 28–21; Aalto, Tryjarski, 1971; Насилов, 1974, с. 208–209; Васильев, 1983, с. 20–21, 61, 92; Кормушин, 2008, с. 32–33, 105–106].

13.1. ЦАС 183

Н. П. Евстифеев, 1892 г. (?)

Ткань, тушь, 168 × 30,5 см

Примечания: Строки 1–2

Атлас: LXXXVI–1

13.6. ЦАС 188 (с ретушью)

Н. П. Евстифеев, 1892 г. (?)

Ткань, тушь, 162 × 27 см

Примечания: Строки 3–4

Атлас: LXXXVI–4

13.2. ЦАС 184

Н. П. Евстифеев, 1892 г. (?)

Ткань, тушь, 156 × 36 см

Примечания: Строки 1–2

13.7. ЦАС 189

Н. П. Евстифеев, 1892 г. (?)

Ткань, тушь, 91 × 33 см

Примечания: Строка 5

Атлас: LXXXVI–5

13.3. ЦАС 185 (с ретушью)

Н. П. Евстифеев, 1892 г. (?)

Ткань, тушь, 167 × 26,5 см

Примечания: Строки 1–2

Атлас: LXXXVI–2

13.8. ЦАС 11

А. В. Адрианов, 1915–1916 г. (?)

Бумага, 159 × 30 см

Примечания: Строки 1–2

13.4. ЦАС 186**13.9. ЦАС 12**

Н. П. Евстифеев, 1892 г. (?)

Ткань, тушь, 172 × 32 см

Примечания: Строки 3–4*Атлас:* LXXXVI–3**13.5. ЦАС 187**

Н. П. Евстифеев, 1892 г. (?)

Ткань, тушь, 159 × 28 см

Примечания: Строки 3–4

А. В. Адрианов, 1915–1916 г. (?)

Бумага, 157 × 31 см

Примечания: Строки 3–4**13.10. ЦАС 25**

А. В. Адрианов, 1915–1916 г. (?)

Бумага, 156 × 26 см

Примечания: Строки 3–4**14. Е-14 (Чаа-Холь II, 2-й памятник с Чакуля)**

Тувинский музей, стеларий. Обнаружен в 1888 г. И. Р. Аспелином. В 1961 г. доставлен в Тувинский республиканский краеведческий музей.

Опубликовано в: [Radloff, 1895, S. 319–320; Атлас, LXXXVII–1, 2; Orkun, 1940, s. 116–117; Малов, 1952, с. 37; Батманов, Кунаа, 1963а, с. 15–17; Васильев, 1983, с. 21, 61, 93; Aalto, Granö, 1991, s. 35; Кормушин, 1997, с. 183–185; Кормушин, 2008, с. 106–107].

14.1. ЦАС 190

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 119 × 33 см

Примечания: Строка 1**14.2. ЦАС 191 (с ретушью)**

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 99 × 21 см

Примечания: Строка 1*Атлас:* LXXIX–3а**14.3. ЦАС 192 (с ретушью)**

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 99 × 21 см

Примечания: Строка 3*Атлас:* LXXIX–3б**14.4. ЦАС 193 (с ретушью)**

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 37 × 16 см

14.5. ЦАС 194 (с ретушью)

В. А. Ошурков, 1892 г.

Ткань, тушь, 140 × 30 см

Примечания: Строка 2*Атлас:* LXXXVII–1**14.6. ЦАС 195**

В. А. Ошурков, 1892 г.

Ткань, тушь, 114 × 31 см

Примечания: Строка 3**14.7. ЦАС 195 (с ретушью)**

В. А. Ошурков, 1892 г.

Ткань, тушь, 112 × 15 см

Примечания: Строка 3*Атлас:* LXXXVII–2

Примечания: Строка 2

Атлас: LXXIX–3с

15. Е-15 (Чаа-Холь III, 3-й памятник с Чакуля)

Местонахождение неизвестно. Обнаружен в 1889 г. А. О. Гейкелем на левом берегу р. Чаа-Холь.

Опубликовано в: [Donner, 1892, XXXV1; Атлас, LXXIX–4; Radloff, 1895, S. 320: Orkun, 1940, s. 117–118, 125, 129; Малов, 1952, с. 37–38].

15.1. ЦАС 348 (с ретушью)

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 104 × 17 см

Атлас: LXXIX–4

15.2. ЦАС 349

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 70 × 37 см

Примечания: Верхняя часть памятника

15.3. ЦАС 350

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 62 × 33 см

Примечания: Верхняя часть памятника

15.4. ЦАС 351

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 102 × 63 см.

Примечания: Нижняя часть памятника

16. Е-18 (Чаа-Холь VI, 6-й памятник с Чакуля)

Тувинский музей, стеларий. Обнаружен в 1888 г. И. Р. Аспелином. В 1961 г. доставлен в Тувинский республиканский краеведческий музей.

Опубликовано в: [ФА, 1889, IX; Radloff, 1895, S. 322; Атлас, LXXXVII–3; Orkun, 1940, s. 122; Малов, 1952, с. 40; Васильев, 1983, с. 22, 62, 93, 94; Aalto, Granö, 1991, s. 34–35; Кормушин, 2008, с. 40–41, 110].

16.1. ЦАС 355 (с ретушью)

В. А. Ошурков, 1891 г.

Ткань, тушь, 90 × 64 см.

Атлас: LXXXVII–3.

17. Е-19 (Чаа-Холь VII, 7-й памятник с Чакуля)

Минусинский музей, экспозиция, № 35. Обнаружен в 1888 г. И. Р. Аспелином. В 1897 г. доставлен П. Е. Островских в Минусинский музей.

Опубликовано в: [ФА, 1889, X; Radloff, 1895, S. 322; Атлас, LXXXVII-3; Orkun, 1940, s. 122; Малов, 1952, с. 40; Васильев, 1983, с. 22, 62, 94; Кормушин, 1997, с. 185–187; Кормушин, 2008, с. 110–111].

17.1. ЦАС 200

В. А. Ошурков (?), 1891 г.

Ткань, тушь, 170 × 26 см

Атлас: LXXXVII-4

17.2. ЦАС 26

А. В. Адрианов, 1915 г. (?).

Бумага, 115 × 20 см

17.3. ЦАС 56

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 115 × 22 см

18. Е-20 (Чаа-Холь VIII)

Тувинский музей, стеларий. Обнаружен в 1888 г. И. Р. Аспелином. В 1961 г. доставлен в Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

Опубликовано в: [ФА, 1889, XI; Radloff, 1895, S. 323; Атлас, LXXXVII-5; Orkun, 1940, s. 121, 126, 129; Малов, 1952, с. 41; Батманов, Кунаа, 1963а, с. 21–22; Васильев, 1983, с. 22, 62, 94; Кормушин, 1997, с. 185–187; Аманжолов, 2003, с. 124; Кормушин, 2008, с. 111].

18.1. ЦАС 171

В. А. Ошурков, 1891 г.

Ткань, тушь, 168 × 40 см

Атлас: LXXXVII-5

19. Е-24 (Хая-Ужу, Памятник на скале Кемчик-Кая Бажы)

На месте обнаружения. Обнаружен в 1879 г. А. В. Адриановым.

Опубликовано в: [Ядринцев, 1885, с. 456–476; Адрианов, 1888, XI, с. 402–421; Клеменц, 1886, с. 39, 178; ФА, 1899, XVII; Атлас, LXXIX; Radloff, 1895, S. 325–327; Orkun, 1940, s. 87–92; Малов, 1952, с. 44–45; Арагачи, Насилов, 1963; Батманов, 1963, с. 239–242].

19.1. ЦАС 201 (с ретушью)

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 25 × 5 см

Атлас: LXXIX-2b

19.3. ЦАС 203

Д. А. Клеменц, 1891 г. (?)

Ткань, тушь, 160 × 10,5 см

Атлас: LXXIX-2c

19.2. ЦАС 202 (с ретушью)

Д. А. Клеменц, 1891 г.

Ткань, тушь, 160 × 12 см

Атлас: LXXIX–2с

20. Е-25 (Означенное I, Памятник деревни Означенной)

Минусинский музей, экспозиция, № 32. Обнаружен в 1786 г. П. С. Палласом на левом берегу р. Енисей, заново открыт в 1847 г. М. А. Кастреном. В 1880 г. доставлен Н. М. Мартьяновым в Минусинский музей.

Опубликовано в: [ФА, 1899, XVIII; Radloff, 1895, S. 327–328; Атлас, LXXXI–2, LXXXVIII; Orkun, 1940, s. 163–165; Малов, 1952, с. 45–47; Субракова, Батманов, 1970, с. 48–52; Васильев, 1983, с. 23, 62, 96; Кормушин, 1997, с. 33–40; Кормушин, 2008, с. 114–115].

20.1. ЦАС 356

Н. П. Евстифеев, 1892 г.

Ткань, тушь, 110 × 54 см

Примечания: Строки 1–3

Атлас: LXXXVIII–1

20.2. ЦАС 357 (с ретушью)

Н. П. Евстифеев, 1892 г.

Ткань, тушь, 110 × 54 см

Примечания: Строки 1–3

Атлас: LXXXVIII–2

20.3. ЦАС 358 (с ретушью)

Н. П. Евстифеев, 1892 г.

Ткань, тушь, 115 × 58 см

Примечания: Строки 1–3

20.4. ЦАС 359 (с ретушью)

Н. П. Евстифеев, 1892 г.

Ткань, тушь, 152 × 51 см

Примечания: Строки 5–7

Атлас: LXXXVIII–3

20.7. ЦАС 59

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 59×49 см

Примечания: Начало строк 1–3

20.8. ЦАС 60

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 49,5 × 25 см

Примечания: Конец строки 4

20.9. ЦАС 61

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 48,5 × 25 см

Примечания: Первая половина строки 4

20.10. ЦАС 62

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 61,5 × 51 см

Примечания: Строки 5–6

20.11. ЦАС 63

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 108 × 34,5 см

20.5. ЦАС 57*Примечания:* Строки 6–7

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 108 × 51 см

Примечания: Строки 1–3**20.6. ЦАС 58**

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 62 × 50 см

Примечания: Вторые половины строк 1–3**21. Е-26 (Очуры, Памятник деревни Ачура, Уйский камень)**

Минусинский музей, экспозиция, № 30. Обнаружен в 1857 г. Н. А. Костровым в 20 км от с. Очуры. В 1859 г. доставлен П. И. Фаленбергом в Шушенское, а затем в Минусинский музей.

Опубликовано в: [ФА, 1899, XIX; Radloff, 1895, S. 328–330; Атлас, LXXXIX–1, 2; Orkun, 1940, s. 133–137; Малов, 1952, с. 47–51; Субракова, Батманов, 1970, с. 44–47; Васильев, 1983, с. 24, 64, 102; Кормушин, 2008, с. 115–116].

21.1. ЦАС 161

Н. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 96 × 37 см

Примечания: Строки 1–4*Атлас:* LXXXIX–1**21.2. ЦАС 162**

Н. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 95 × 36,5 см

Примечания: Строки 1–4**21.3. ЦАС 163 (с ретушью)**

Н. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 95 × 36,5 см

Примечания: 105 × 32 см*Атлас:* LXXXIX–2**21.4. ЦАС 164**

Н. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 128 × 45 см

21.7. ЦАС 167

Н. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 105 × 31 см

Примечания: Строки 9–12*Атлас:* LXXXIX–5**21.8. ЦАС 168**

Н. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 102 × 35 см

Примечания: Строки 9–12**21.9. ЦАС 169 (с ретушью)**

Н. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 102 × 35 см

Примечания: Строки 9–12*Атлас:* LXXXIX–6**21.10. ЦАС 170**

Н. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 77 × 16 см

Примечания: Строки 5–8

Атлас: LXXXIX–3

21.5. ЦАС 165

Н. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 98 × 35 см

Примечания: Строки 5–8

21.6. ЦАС 166 (с ретушью)

Н. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 105 × 34 см

Примечания: Строки 5–8

Атлас: LXXXIX–4

Примечания: Строки 13

Атлас: LXXXIX–7

21.11. ЦАС 13

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 93 × 32 см

Примечания: Первые половины строк 1, 2, 4

21.12. ЦАС 14

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 111 × 33 см

Примечания: Строки 6–8

21.13. ЦАС 15

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 118 × 40 см

Примечания: Строки 9–12

22. Е-27 (Оя)

Минусинский музей, экспозиция, № 31. Обнаружен в 1880 г. Н. А. Костровым ниже устья р. Оя и доставлен им в Минусинский музей.

Опубликовано в: [ФА, 1899, XX; Radloff, 1895, S. 331; Атлас, LXXX–2a, 2b, XC–1,2; Orkun, 1940, s. 157–159; Малов, 1952, с. 51–52; Субракова, Батманов, 1970, с. 13–17; Васильев, 1983, с. 24, 64, 102; Кормушин, 1997, с. 60–63; Кормушин, 2008, с. 116–117].

22.1. ЦАС 364

Н. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 83 × 42 см

Примечания: Строки 1–4

Атлас: XC–1

22.2. ЦАС 365

Н. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 77 × 45 см

Примечания: Строки 1–4

22.3. ЦАС 366 (с ретушью)

Н. П. Евстифеев, 1893 г.

22.5. ЦАС 362 (с ретушью)

Н. П. Евстифеев, 1892 г.

Ткань, тушь, 85 × 56 см

Примечания: Строки 5–9

Атлас: LXXX–2a

22.6. ЦАС 16

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 66 × 36 см

Примечания: Строки 1–4

22.7. ЦАС 17

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Ткань, тушь, 83 × 40 см

Бумага, 66×36 см

Примечания: Строки 1–4

Примечания: Строки 5–9

Атлас: ХС–2

22.4. ЦАС 363

Н. П. Евстифеев, 1892 г.

Ткань, тушь, 84 × 56 см

Примечания: Строки 5–9

Атлас: LXXX–2b

23. Е-28 (Алтын–Кёль I)

Минусинский музей, экспозиция, № 27. Обнаружен в 1878 г. крестьянами Корчаковым и Марковым близ оз. Алтын–Кёль (Телецкое). В 1881 г. доставлен Н. М. Мартыновым в Минусинский музей.

Опубликовано в: [ФА, 1899, XXI; Radloff, 1895, S. 332–336; Атлас, ХС–3, 4, ХСІ; Orkun, 1940, s. 11, 101–111; Малов, 1952, с. 52–55; Субракова, Батманов, 1970, с. 24–29; Кляшторный, 1976, с. 261, 263–264; Васильев, 1983, с. 25, 64–65, 102–103; Кормушин, 1997, с. 63–66, 75–90; Кормушин, 2008, с. 117–120].

23.1. ЦАС 296

В. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 139 × 45 см

Атлас: ХС–4

23.2. ЦАС 295 (с ретушью)

В. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 134 × 48 см

Атлас: ХС–3

3.4. ЦАС 297

В. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 216 × 23 см

Атлас: ХС–5

23.5. ЦАС 298

В. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 118 × 23,5 см

Примечания: Верхняя часть строк

23.8. ЦАС 301 (с ретушью)

В. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 160 × 23 см

Атлас: ХС–7

23.9. ЦАС 302

В. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 132 × 23 см

Атлас: ХС–8

23.10. ЦАС 29

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 132 × 46 см

Примечания: Строки 1–3

23.11. ЦАС 30

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 131 × 32,5 см

Примечания: Строки 1–6

23.6. ЦАС 299 (с ретушью)

В. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 140 × 22 см

Атлас: ХС–6**23.7. ЦАС 300**

В. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 132 × 20 см

Атлас: ХС–7**23.12. ЦАС 31**

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 125 × 31,5 см

Примечания: Строки 3, 7–9**23.13. ЦАС 32**

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 57 × 18,5 см

Примечания: Строки 7–8**24. Е-29 (Алтын–Кёль II)**

Минусинский музей, экспозиция, № 28. Обнаружен в 1878 г. крестьянами Корчаковым и Марковым близ оз. Алтын–Кёль. В 1881 г. доставлен Н. М. Мартьяновым в Минусинский музей.

Опубликовано в: [ФА, 1889, XXII; Radloff, 1895, S. 334–335; Атлас, LXXXI–1, XCI–1,2; Orkun, 1940, s. 104–105, 110–111; Малов, 1952, с. 55–58; Субракова, Батманов, 1970, с. 30–34; Кляшторный, 1976, с. 262–264; Васильев, 1983, с. 24, 64, 102; Тарасенко, 1996; Кормушин, 1997, с. 63–74; Кормушин, 2008, с. 120–122].

24.1. ЦАС 303

Н. П. Евстифеев, 1892 г.

Ткань, тушь, 49 × 16 см

Примечания: Строки 5–6*Атлас:* XCI–5**24.2. ЦАС 372**

Н. П. Евстифеев, 1892 г.

Ткань, тушь, 49 × 16 см

Примечания: Строки 5–6**24.3. ЦАС 373 (с ретушью)**

Н. П. Евстифеев, 1892 г.

Ткань, тушь, 49 × 16 см

Примечания: Строки 5–6*Атлас:* XCI–6**24.4. ЦАС 367**

Н. П. Евстифеев, 1892 г.

24.9. ЦАС 371 (с ретушью)

Н. П. Евстифеев, 1892 г.

Ткань, тушь, 105 × 19 см

Примечания: Строки 7–8*Атлас:* XCI–4**24.10. ЦАС 372**

Н. П. Евстифеев, 1892 г.

Ткань, тушь, 48 × 20 см

Примечания: Строки 7–8*Атлас:* XCI–3**24.11. ЦАС 35**

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 108 × 45 см

Примечания: Строки 1–2**24.12. ЦАС 36**

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Ткань, тушь, 152 × 29 см

Примечания: Строки 5–6

Атлас: LXXXI–1a

24.5. ЦАС 368

Н. П. Евстифеев, 1892 г.

Ткань, тушь, 152 × 60 см

Примечания: Строки 3–4, 7–8

Атлас: XCI–1

24.6. ЦАС 369 (с ретушью)

Н. П. Евстифеев, 1892 г.

Ткань, тушь, 142 × 53 см

Примечания: Строки 3–4, 7–8

Атлас: XCI–2

24.7. ЦАС 370

Н. П. Евстифеев, 1892 г.

Ткань, тушь, 133 × 22 см

Примечания: Строки 7–8

Атлас: XCI–3

24.8. ЦАС 309

Н. П. Евстифеев, 1892 г.

Ткань, тушь, 54 × 42 см

Примечания: Строки 7–8

Бумага, 60 × 50 см

Примечания: Строки 1–2

24.13. ЦАС 34

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 112 × 23,5 см

Примечания: Строки 5–6

24.15. ЦАС 37

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 59 × 18 см

Примечания: Строки 5–6

24.16. ЦАС 33

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 131 × 26 см

Примечания: Строки 7–8

24.17. ЦАС 44

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 46 × 26 см

Примечания: Начало строк 7–8

25. Е-30 (Уйбат I, 1-й памятник с Уйбата)

Минусинский музей, экспозиция, № 7. Обнаружен в 1721–1722 гг. Ф. Ю. Таббертом (Страленбергом) и Д. Г. Мессершмидтом на правом берегу р. Уйбат. В 1886 г. доставлен И. П. Кузнецовым-Красноярским и Д. А. Клеменцем в Минусинский музей.

Опубликовано в: [ФА, 1889, XXII; Кузнецов–Красноярский, 1889, XIV; Radloff, 1895, S. 336–342; Атлас, LXXX, XCII–XCIV; Orkun, 1940, s. 141–154; Малов, 1952, с. 58–60; Субракова, Батманов, 1970, с. 33–34; Васильев, 1983, с. 25, 65, 104; Кормушин, 1997, с. 91–96; Кормушин, 2008, с. 122–123].

25.1. ЦАС 221

Д. А. Клеменц, 1893 г.

25.8. ЦАС 227

Д. А. Клеменц, 1893 г.

Ткань, тушь, 160 × 28 см

Атлас: ХСII-1

25.2. ЦАС 222

Д. А. Клеменц, 1893 г.

Ткань, тушь, 150 × 28 см

25.3. ЦАС 223 (с ретушью)

Д. А. Клеменц, 1893 г.

Ткань, тушь, 148 × 28 см

Атлас: ХСII-2

25.4. ЦАС 224

Д. А. Клеменц, 1893 г.

Ткань, тушь, 145 × 41 см

Атлас: ХСII-3

25.6. ЦАС 225

Д. А. Клеменц, 1893 г.

Ткань, тушь, 137 × 42 см

25.7. ЦАС 226 (с ретушью)

Д. А. Клеменц, 1893 г.

Ткань, тушь, 135 × 35 см

Атлас: ХСII-4

Ткань, тушь, 139 × 37 см

Атлас: ХСII-5

25.9. ЦАС 228 (с ретушью)

Д. А. Клеменц, 1893 г.

Ткань, тушь, 135 × 35 см

Атлас: ХСII-6

25.10. ЦАС 38

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 137 × 45 см

25.11. ЦАС 39

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 134 × 47 см

Примечания: Строки 2–3

25.12. ЦАС 39

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 134 × 47 см

Примечания: Строка 1

25.13. ЦАС 72

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 43,5 × 25 см

Примечания: Отдельные знаки

26. Е-31 (Уйбат II, 2-й памятник с Уйбата)

Минусинский музей, экспозиция, № 29. Обнаружен в 1885 г. И. П. Кузнецовым-Красноярским на правом берегу р. Уйбат и доставлен им в Минусинский музей.

Опубликовано в: [ФА, 1889, XXIV; Radloff, 1895, S. 337–338; Атлас, LXXX-1; Orkun, 1940, s. 142–143, 151–152; Малов, 1952, с. 60–61; Субракова, Батманов, 1970, с. 35–37; Васильев, 1983, с. 25–26, 65, 105; Кормушин, 1997, с. 96–97; Кормушин, 2008, с. 12–124].

26.1. ЦАС 361

Н. П. Евстифеев, 1892 г.

Ткань, тушь, 80 × 63 см

Атлас: LXXX-1b

26.3. ЦАС 64

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 81 × 52 см

26.2. ЦАС 360 (с ретушью)

Н. П. Евстифеев, 1892 г.

Ткань, тушь, 81 × 54 см

Атлас: LXXX-1a

**27. Е-32 (Уйбат III, 3-й памятник с Уйбата,
Мессершмидтов обелиск)**

Минусинский музей, экспозиция, № 8. Обнаружен в 1721–1722 г. Ф. Ю. Таббертом (Страленбергом) и Д. Г. Мессершмидтом выше устья р. Бея. В 1886 г. доставлен И. П. Кузнецовым-Красноярским и Д. А. Клеменцем в Минусинский музей.

Опубликовано в: [ФА, 1889, XXV; Radloff, 1895, S. 338–340; Атлас, XCIII, XCIV; Orkun, 1940, s. 143–146; Малов, 1952, с. 61–64; Васильев, 1983, с. 26, 66, 105; Кормушин, 1997, с. 99–117; Кормушин, 2008, с. 123–126].

27.1. ЦАС 206

Н. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 236 × 83 см

Атлас: XCIII-3

27.2. ЦАС 204 (с ретушью)

Н. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 223 × 76 см

Атлас: XCIII-1

27.3. ЦАС 205 (с ретушью)

Н. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 210 × 73 см

Атлас: XCIII-2

27.4. ЦАС 208

Н. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 245 × 77 см

Атлас: XCIV-2

Примечания: Строки 2–4, 11–16

27.5. ЦАС 207 (с ретушью)

Н. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 220 × 82 см

27.6. ЦАС 209

Н. П. Евстифеев, 1893 г.

Ткань, тушь, 245 × 77 см

Атлас: XCIV-3

Примечания: Строки 2–4, 11–15

27.7. ЦАС 41

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 224 × 50,5 см

Примечания: Вторые половины строк 5–10

27.8. ЦАС 65

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 240×26 см

Примечания: Строки 16–17

27.9. ЦАС 66

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 162,5 × 27 см

Примечания: Вторые половины строк 1, 3 и последняя треть строки 10.

Атлас: XCIV–1

27.10. ЦАС 67*Примечания:* Строки 2–4, 11–16

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 94,5 × 31 см

Примечания: Строки 16–17**28. Е-33 (Уйбат IV, 4-й памятник с Уйбата)**

Местонахождение неизвестно. Обнаружен в 18181 г. П. С. Палласом в 15 км к западу от устья р. Уйбат.

Опубликовано в: [ФА, 1889, XXVI; Radloff, 1895, S. 342; Атлас, XCV–1,2; Orkun, 1940, s. 147, 154; Малов, 1952, с. 64–65; Васильев, 1983, с. 26, 65; Кормушин, 2008, с. 22, 127].

28.1. ЦАС 230**28.2. ЦАС 229 (с ретушью)**

Д. А. Клеменц, 1893 г.

Д. А. Клеменц, 1893 г.

Ткань, тушь, 45 × 26,5 см

Ткань, тушь, 48 × 29 см

Атлас: XCV–2*Атлас:* XCV–1**29. Е-34 (Уйбат V, Кара-Курган)**

На месте обнаружения. Обнаружен в 1793 г. П. С. Палласом на правом берегу р. Уйбат.

Опубликовано в: [ФА, 1889, XXVII; Radloff, 1895, S. 342; Orkun, 1940, s. 147, 154; Малов, 1952, с. 65; Васильев, 1983, с. 26, 65, 66, 80; Кормушин, 2008, с. 24, 127].

29.1. ЦАС 172**29.2. ЦАС 173 (с ретушью)**

Н. П. Евстифеев, 1893 г. (?)

Н. П. Евстифеев, 1893 г. (?)

Ткань, тушь, 134×34 см

Ткань, тушь, 134 × 34 см

Атлас: XCV–3*Атлас:* XCV–4**30. Е-36 (Туба II, Тесинская писаница)**

Местонахождение неизвестно. Обнаружен в 1885 г. краеведом И. Т. Савенковым.

Опубликовано в: [ФА, 1889, XXIX; Radloff, 1895, S. 343–344; Orkun, 1940, s. 169–170; Вяткина, 1949, с. 420; Малов, 1952, с. 66, рис. 14].

30.1. ЦАС 45**30.2. ЦАС 46**

А. В. Адрианов, 1910 г (?)

А. В. Адрианов, 1910 г (?)

Бумага, 33×29 см

Бумага, 42×11 см

Примечания: Строки 1–2*Примечания:* Строка 3

31. Е-37 (Туба III, 3-й памятник с Тубы, Тесь)

Минусинский музей, экспозиция, № 12. Обнаружен в 1722 г. Д. Г. Мессершмидтом между р. Ерба и Тесь. В 1896 г. доставлен А. В. Адриановым в Минусинский музей.

Опубликовано в: [ФА, 1889, XXX; Radloff, 1895, S. 343–344; Атлас, ХСV– 6; Orkun, 1940, s. 170; Малов, 1952, с. 66–67; Батманов, 1959, с. 161–162; Васильев, 1983, с. 28, 67, 103; Кормушин, 1997, с. 123–127; Кормушин, 2008, с. 12–128].

31.1. ЦАС 601

Н. П. Евстифеев (?), 1893 г. (?)

Ткань, тушь, 155 × 67 см

Атлас: ХСV–5

31.3. ЦАС 68

А. В. Адрианов, 1915 (?)

Бумага, 143 × 52 см

Примечания: Строка 1

31.2. ЦАС 602 (с ретушью)

Н. П. Евстифеев (?), 1893 г. (?)

Ткань, тушь, 155 × 65 см

Атлас: ХСV–6

32. Е-39 (Кара-Юс I)

На месте обнаружения. Обнаружен в 1887 г. И. Р. Аспелином на берегу р. Кара-Юс.

Опубликовано в: [ФА, 1889, XXXII; Radloff, 1895, S. 345; Атлас, LXXVII; Orkun, 1940, s. 191–195; Евтюхова, 1948, с. 58, 103; Малов, 1952, с. 68–69].

32.1. ЦАС 47

А. В. Адрианов, 1909 г.

Бумага, 30,5 × 14 см

Примечания: Строка 5

33. Е-40 (Ташеба)

Минусинский музей, экспозиция, № 43. Обнаружен в 1889 г. А. О. Гейкелем на р. Ташебе. В 1897 г. доставлен А. В. Адриановым в Минусинский музей.

Опубликовано в: [ФА, 1889, XXXIII; Radloff, 1895, S. 345; Атлас, ХСV–7–10; Orkun, 1940, s. 173–175; Малов, 1952, с. 69–70; Васильев, 1983, с. 29, 67; Кормушин, 1997, с. 128–129; Кормушин, 2008, с. 128–129].

33.1. ЦАС 174

Н. П. Евстифеев, 1893 г. (?)

Ткань, тушь, 47 × 25 см

33.4. ЦАС 177

Н. П. Евстифеев, 1893 г. (?)

Ткань, тушь, 29 × 22 см

Примечания: Первая половина надписи

33.2. ЦАС 175

Н. П. Евстифеев, 1893 г. (?)

Ткань, тушь, 46 × 37 см

Примечания: Первая половина надписи

Атлас: ХСV–7

33.3. ЦАС 176 (с ретушью)

Н. П. Евстифеев, 1893 г. (?)

Ткань, тушь, 47 × 27 см

Примечания: Первая половина надписи

Атлас: ХСV–8

Примечания: Вторая половина надписи

Атлас: ХСV–9

33.5. ЦАС 178 (с ретушью)

Н. П. Евстифеев, 1893 г. (?)

Ткань, тушь, 27,5 × 22 см

Примечания: Вторая половина надписи

Атлас: ХСV–10

33.6. ЦАС 69

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 100,5 × 35 см.

34. Е-41 (Хемчик-Чыргакы, Памятник Хемчик-Чыргакы,

Памятник Кемчик-Джиргак, Памятник с реки Кемчик-Джиргак)

Минусинский музей, экспозиция, № 34. Обнаружен в 1889 г. А. О. Гейкелем на кургане у р. Чыргакы. В 1901 г. доставлен А. В. Адриановым в Минусинский музей.

Опубликовано в: [Малов, 1936, с. 259–267; Orkun, 1940, s. 79–85; Малов, 1952, с. 72–73; Батманов, Кунаа, 1963б, с. 13–17; Васильев, 1983, с. 29, 67, 106; Кормушин, 2008, с. 55–57, 129].

34.1. ЦАС 304

Н. П. Евстифеев, 1893 г. (?)

Ткань, тушь, 118×67 см

34.2. ЦАС 18

А. В. Адрианов, 1909 (?)

Бумага, 98 × 26,5 см

Примечания: Строки 1–5

34.3. ЦАС 70

А. В. Адрианов, 1909 (?)

Бумага, 85×29,5 см

Примечания: Строки 6–10

35. Е-42 (Бай-Булун I, Памятник Минусинского музея)

Минусинский музей, экспозиция, № 38. Обнаружен в 1915 г. А. В. Адриановым на левом берегу р. Улуг-Хем, затем доставлен им в Минусинский музей.

Опубликовано в: [Малов, 1936, с. 267–272; Orkun, 1940, s. 95–98; Малов, 1952, с. 75–78; Батманов, Кунаа, 1965, с. 27–29; Насилов 1974: 210; Васильев, 1983, с. 29–30, 68, 107; Кормушин, 1997, с. 161–169; Кормушин, 2008, с. 130–131].

35.1. ЦАС 538

А. В. Адрианов, 1916 г.

Бумага, 226 × 49 см

Примечания: Строки 1–2, 7–8

35.2. ЦАС 539

А. В. Адрианов, 1916 г.

Бумага, 217 × 46 см

Примечания: Строки 3–6

36. Е-44 (Кызыл-Чираа II)

Тувинский музей, стеларий. Обнаружен в 1916 г. А. В. Адриановым к востоку от р. Баян-Кол. В 1961 г. доставлен в Тувинский республиканский краеведческий музей.

Опубликовано в: [Малов, 1952, с. 79–81; Малов 1959: 69–70; Батманов, Кунаа, 1963а, с. 55–56; Щербак, 1964, с. 141–143; Васильев, 1983, с. 31, 68, 109; Кормушин, 1997, с. 220–223; Кормушин, 2008, с. 133–134].

36.1. ЦАС 785

С. В. Киселев, 1947 г.

Бумага, 188 × 40 см

37. Е-49 (Бай-Булун II, 1-й памятник из Тувы)

Минусинский музей, экспозиция, № 22. Обнаружен А. В. Адриановым в 1915 г. ниже устья р. Элегест, затем доставлен им в Минусинский музей.

Опубликовано в: [Киселев, 1939, с. 131; Малов, 1952, с. 97–98; Батманов, Кунаа, 1965, с. 30–31; Аманжолов, 1974, с. 101–102; Васильев, 1983, с. 30, 69, 107–108; Кормушин, 1997, с. 161–169; Кормушин, 2008, с. 140–141].

37.1. ЦАС 540

А. В. Адрианов, 1916 г.

Бумага, 263 × 50 см

Примечания: Строки 1–3

37.1. ЦАС 541

А. В. Адрианов, 1916 г.

Бумага, 230 × 27 см

Примечания: Строка 4

38. Е-50 (2-й памятник из Тувы, Тувинская стела Б)

Минусинский музей, двор, № 42. Обнаружен в 1915 г. В. А. Адриановым близ Писаной горы.

Опубликовано в: [Киселев 1939: 132; Малов, 1952, с. 98–99; Батманов, Кунаа, 1963б, с. 32–34; Васильев, 1983, с. 32, 69, 111; Кормушин, 1997, с. 276–279; Кормушин, 2008, с. 141–142].

38.1. ЦАС 542

А.В. А. В. Адрианов, 1915 г.

Бумага, 110 × 107 см

39. Е-51 (3-й памятник из Тувы, Тувинская стела Д)

Минусинский музей, двор, № 36. Обнаружен в 1915 г. В. А. Адриановым на правом берегу среднего притока р. Элегест.

Опубликовано в: [Киселев, 1939, с. 134; Малов, 1952, с. 99–100; Батманов, Кунаа, 1965, с. 23–24; Насилов, 1974, с. 210–211; Васильев, 1983, с. 32–22, 69, 111; Кормушин, 1997, с. 260–264; Кормушин, 2008, с. 143–144].

39.1. ЦАС 543

А. В. Адрианов, 1915 г. (?).

Бумага, 109 × 52 см

40. Е-52 (Элегест II)

Эпитафия генералу Кёртле. Тувинский музей, стеларий. Обнаружен в 1907 г. Й. Гранэ на правом берегу р. Элегест. В 1960 г. доставлен Кызласовым в Тувинский республиканский краеведческий музей.

Опубликовано в: [Малов, 1959, с. 70–72; Арагачи, 1961, с. 235–237; Батманов, Кунаа, 1963а, с. 35–37; Кызласов, 1965; Васильев, 1893, с. 19, 70, 91; Кормушин, 1997, с. 174–177; Кормушин, 2008, с. 144].

40.1. ЦАС 781

С. В. Киселев. 1947 г.

Бумага, 181 × 25 см

40.2. ЦАС 782

С. В. Киселев. 1947 г.

Бумага, 170,5 × 23 см

40.3. ЦАС 783

С. В. Киселев. 1947 г.

Бумага, 152 × 25 см.

40. Е-68 (Эль-Бажы)

Минусинский музей, экспозиция, № 37а, 37б, б/н. Обнаружена в 1902 г. Ф. Я. Коном выше устья р. Барык. Два фрагмента доставлены в 1903 г. Коном в Минусинский музей, оставшиеся два фрагмента в 1916 г. доставлены А. В. Адриановым. Местонахождение верхнего фрагмента неизвестно.

Опубликовано в: [Насилов, 1963, с. 125–128; Васильев, 1983, с. 35–36, 72, 113–114; Кормушин, 1997, с. 205–206; Кормушин, 2008, с. 152–154].

40.1. ЦАС 19

А. В. Адрианов, 1916 г.

Бумага, 60 × 24,5 см

Примечания: Верхний фрагмент

40.2. ЦАС 544

А. В. Адрианов, 1916 г.

Бумага, 97 × 61 см

Примечания: Средний фрагмент

40.3. ЦАС 545

А. В. Адрианов, 1916 г.

Бумага, 55 × 51 см

Примечания: Нижний фрагмент

40.4. ЦАС 27

А. В. Адрианов, 1916 г.

Бумага, 60,5 × 24,5 см

Примечания: Отдельные знаки

40.5. ЦАС 28

А. В. Адрианов, 1916 г.

Бумага, 24,5 × 9,5 см

Примечания: Отдельные знаки

41. Е-69 (Чер-Чарык)

Минусинский музей, экспозиция, № 45. Обнаружен в 1902 г. Ф. Я. Коном на левом берегу р. Хемчик. В 1903 г. доставлен им в Минусинский музей.

Опубликовано в: [Насилов, 1963, с. 128–129; Батманов, Кунаа, 1965, с. 25–26; Васильев, 1983, с. 21, 61, 93; Кормушин, 2008, с. 154].

41.1. ЦАС 20

А. В. Адрианов, 1915 г. (?)

Бумага, 58×27,5 см

42. Е-71 (Подкунинское)

МАЭ, № 2564–1. Обнаружен в 1907 г. А. В. Адриановым в 25–27 км ниже г. Минусинска, в 1907 г. доставлен им в музей Томского Университета. В 1916 г. передан по просьбе В. В. Радлова в Турфанский отдел МАЭ.

Опубликовано в: [Рыгдылон, 1956].

42.1. ЦАС 3

Коллекция А. В. Адрианова (коллекция Енисейской губернии).

Происхождение: А. В. Адрианов, 1908 г. (?).

Бумага, 62 × 58 см

43. Е-111–117 (Тепсей I–VII, Тепсейская писаница)²¹

На месте обнаружения. Обнаружен в 1888 г. Г. И. Спасским

Опубликовано в: [Кляшторный, 1976; Васильев, 1983, с. 43–44, 52, 122].

43.1. ЦАС 73

А. В. Адрианов, 1907 г. (?).

Бумага, 28 × 11 см

Примечания: Е-111

43.2. ЦАС 74

А. В. Адрианов, 1907 г. (?).

Бумага, 24 × 12 см

Примечания: Е-111

43.3. ЦАС 75

А. В. Адрианов, 1907 г. (?).

Бумага, 42 × 14 см

Примечания: Е-112

43.4. ЦАС 76

А. В. Адрианов, 1907 г. (?).

Бумага, 60,5 × 12,5 см

Примечания: Е-114

43.5. ЦАС 77

А. В. Адрианов, 1907 г. (?).

Бумага, 60×14 см

Примечания: Е-114

43.6. ЦАС 78

А. В. Адрианов, 1907 г. (?).

Бумага, 60 × 11,5 см

43.7. ЦАС 79

А. В. Адрианов, 1907 г. (?).

Бумага, 48,5 × 10,5 см

Примечания: Е-115

43.8. ЦАС 80

А. В. Адрианов, 1907 г. (?).

Бумага, 48,5 × 6,5 см

Примечания: Е-115

43.9. ЦАС 21

А. В. Адрианов, 1907 г. (?).

Бумага, 24,5 × 12,5 см

Примечания: Е-116. Первая половина надписи

43.10. ЦАС 42

А. В. Адрианов, 1907 г. (?).

Бумага, 130 × 21,5 см

Примечания: Е-117 (?)

43.11. ЦАС 43

А. В. Адрианов, 1907 г. (?).

Бумага, 128 × 20,5 см

Примечания: Е-117 (?)

²¹ Эстампажи ЦАС 81–84, по всей вероятности, также являются оттисками надписей Тепсейской писаницы. Идентифицировать их не удалось.

Примечания: Е-114

44. Е-120 (Тугутюп)²²

Красноярский музей (верхний фрагмент и середина). Обнаружен в 1904 г. А. В. Адриановым на левобережье Енисея. В 1904 г. доставлен в Красноярский музей. Местонахождение нижнего фрагмента неизвестно.

Опубликовано в: [Кызласов, 1979; Васильев, 1977, с. 53; Васильев, 1981; Васильев, 1983, с. 44, 124; Кормушин, 1997, с. 129–132; Кормушин, 2008, с. 162–163].

44.1. ЦАС 22

А. В. Адрианов, 1904 г. (?)

Бумага, 87 × 14 см

Примечания: Первая половина строки 1

44.2. ЦАС 48

А. В. Адрианов, 1904 г. (?)

Бумага, 60,5 × 14,5 см

Примечания: Первая половина строки 1

44.3. ЦАС 71

А. В. Адрианов, 1904 г. (?)

Бумага, 77 × 13,5 см

Примечания: Начало строки 1

44.4. ЦАС 49

А. В. Адрианов, 1904 г. (?)

Бумага, 47 × 13,5 см

Примечания: Первая половина строки 1

44.5. ЦАС 51

А. В. Адрианов, 1904 г. (?)

Бумага, 77 × 14 см

Примечания: Первая половина строки 1

44.6. ЦАС 54

А. В. Адрианов, 1904 г. (?)

Бумага, 52,5 × 15 см

44.7. ЦАС 55

А. В. Адрианов, 1904 г. (?)

Бумага, 43 × 14,5 см

Примечания: Середина строки 1

44.8. ЦАС 23

А. В. Адрианов, 1904 г. (?)

Бумага, 147 × 14 см

Примечания: Вторая половина строки 1

44.9. ЦАС 52

А. В. Адрианов, 1904 г. (?)

Бумага, 69 × 13,5 см

Примечания: Конец строки 1

44.10. ЦАС 53

А. В. Адрианов, 1904 г. (?)

Бумага, 57 × 14 см

Примечания: Конец строки 1

44.11. ЦАС 50

А. В. Адрианов, 1904 г. (?)

Бумага, 49 × 13,5 см

Примечания: Отдельные знаки строки 1

44.12. ЦАС 24

А. В. Адрианов, 1904 г. (?)

Бумага, 147 × 14 см

²² Строки указаны по [Кормушин, 2008].

Примечания: Середина строки 1

Примечания: Середина и конец строки 2

Техника изготовления оттисков с памятников не предполагала длительного хранения копий. Изготовленные для того, чтобы наиболее точно передать все графические особенности надписи для ее расшифровки и изучения, эстампажи зачастую хранились в ненадлежащем виде самими исследователями, что вызывало их повреждение. Так, например, сделанные из многослойной бумаги и покрытые лаком эстампажи А. В. Адрианова, хранящиеся в МАЭ РАН и в ИВР РАН, настолько ветхие, что работа с ними постоянно связана с риском их утраты. За прошедшие десятилетия состояние эстампажей, естественно, не улучшилось. Многие из них расслоились, порвались, помялись. Эстампажи большого размера, долгое время хранившиеся в сложенном виде, имеют неизгладимые складки и заломы. Реставрация же этих копий на сегодняшний момент невозможна, несмотря на все достижения технического прогресса.

Список литературы / References

- Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. *Записки Императорского Русского географического общества*. 1888. № XI. С. 147–290, 402–421 [Adrianov A. V. Travel to Altai and beyond the Sayan Mountains in 1881. *News of the Russian Imperial Geographical Society*. Issue 11. P. 147–290, 402–421 (in Russian)].
- Аманжолов А. С. К истории тюркского рунического алфавита. *Казак тілі мен әдебиеті*. 1974. № 5. С. 98–100 [Amanzholov A. S. On the History of the Turkic Runic Alphabet. *Kazakh Language and Literature*. 1974. Issue 5. P. 98–100 (in Russian)].
- Аманжолов А. С. *История и теория древнетюркского письма*. Алматы: Мектеп, 2003. – 368 с. [Amanzholov A. S. *History and Theory of the Old Turkic alphabet*. Almaty: Mekmet, 2003 (in Russian)].
- Арагачи З. Б. Памятник с Элегеста. *Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории*. 1961. Вып. IX. С. 235–237 [Aragachi Z. B. The Elegest Inscription. *Notes of Tuvan Research Institute of Language, Literature and History*. 1961. Vol. 9. P. 235–237 (in Russian)].
- Арагачи З. Б., Насилов Д. М. О надписи на скале Хая-Ужу. *Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории*. 1963. Вып. X. С. 257–263 [Aragachi Z. B., Nasilov D. M. On the Haya-Baji Inscription. *Notes of Tuvan Research Institute of Language, Literature and History*. 1963. Iss. 10. P. 257–263 (in Russian)].
- Атлас древностей Монголии*. Изданный по поручению Императорской Академии Наук В. В. Радловым. (Труды Орхонской экспедиции). Вып. I–IX. Санкт-Петербург, 1893–1899. [Atlas Der Alterthümer Der Mongolei. Im Auftrage kaiserlichen Akademie der Wissenschaften Herausgegeben von W. Radloff. (Arbeiten der Orchon – Expedition). I–IV. St. Petersburg: Buchdruckerei der Akademie der Wissenschaften, 1892. (in Russian)].

- Батманов И. А. Памятник с Уюк Тарлака. *Язык енисейских памятников древнетюркской письменности*. Фрунзе, 1959. С. 135–138 [Batmanov I. A. Uyuk-Tarлак Inscription. *Language of the Old Turkic Runic Monuments of the Yenisei*. Frunze. 1959. P. 135–138 (in Russian)].
- Батманов И. А. Еще о надписи на скале Хая-Ужу. *Труды Кызыльского пединститута*. Вып. 3. Кызыл, 1963. С. 239–242 [Batmanov I. A. Once again on the Haya-Baji Inscription. *Proceedings of the Kyzyl Pedagogical Institute*. Iss. 3. Kyzyl, 1963. P. 239–242 (in Russian)].
- Батманов И. А., Кунаа А. Ч. *Памятники древнетюркской письменности Тувы*. Вып. 1. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1963а. – 32 с. [Batmanov I. A., Kunaа A. Ch. *Old Turkic runic monuments of Tuva*. Vol. 1. Kyzyl: Tuvan Book Printing House, 1963. – 32 p. (in Russian)].
- Батманов И. А., Куна А. Ч. *Памятники древнетюркской письменности Тувы*. Вып. II. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1963б. – 44 с. [Batmanov I. A., Kunaа A. Ch. *Old Turkic runic monuments of Tuva*. Vol. 2. Kyzyl: Tuvan Book Printing House, 1963. – 44 p. (in Russian)].
- Батманов И. А., Куна А. Ч. *Памятники древнетюркской письменности Тувы*. Вып. III. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1965. 32 с. [Batmanov I. A., Kunaа A. Ch. *Old Turkic Runic Monuments of Tuva*. Vol. 3. Kyzyl: Tuvan Book Printing House, 1965. – 32 p. (in Russian)].
- Васильев Д. Д. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала. *Советская тюркология*. 1976. № 1. С. 71–81 [Vasiliev D. D. Monuments of the Turkic Runic Script of the Asian Area. *Soviet Turcology*. 1976. №1. P. 71–81 (in Russian)].
- Васильев Д. Д. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. *Тюркологический сборник 1977*. Москва, 1981. С. 51–62 [Vasiliev D. D. Ancient Turkic Epigraphy of Southern Siberia. *Turkological Collection 1977*. Moscow, 1981. P. 51–62 (in Russian)].
- Васильев Д. Д. *Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея*. Ленинград, 1983. – 127 с. [Vasiliev D. D. *Corpus of Turkic Runic Monuments of the Yenisei Basin*. Leningrad, 1983. – 127 p. (in Russian)].
- Вяткина К. В. Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения. *Сборник Музея антропологии и этнографии*. 1949. Т. XII. С. 419–420 [Vyatkina K. V. Shalabolinsky (Tesinsky) Petroglyphs. *Collected Works of the Museum of Anthropology and Ethnography*. 1949. Vol. 12. P. 419–420 (in Russian)].
- Евтюхова Л. А. *Археологические памятники Енисейских кыргызов (хакасов)*. Абакан: Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 1948. – 110 с. [Evtyukhova L. A. *Archaeological Monuments of the Yenisei Kyrgyz (Khakas)*. Abakan: Khakass Research Institute of Language, Literature and History, 1948. – 110 p. (in Russian)].

- Кашовская Н.В. Эстампажи средневековых еврейских надгробных текстов некрополя Мангуп (Крым) А.Я. Гидалевича из фондов ИБР РАН. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки*. 2016. Т. 2 (68). № 1. С. 100–116 [Kashovskaya N.V. Estampages of the medieval Jewish tombstones texts in the necropolis Mangup (Crimea) from the funds of the IOM. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science*. 2016. Vol. 2 (68). № 1. P. 100–116 (in Russian)].
- Киселев С.В. Неизданные надписи енисейских кыргызов. *Вестник древней истории*. 1939. № 3 (8). С. 133–134 [Kiselev S.V. Unpublished Inscriptions of the Yenisei Kyrgyz. *Journal of Ancient History*. № 3 (8). P. 133–134 (in Russian)].
- Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Томск: Типография «Сибирской газеты», 1886. – 185 с. [Klementz D.A. *Antiquities of the Minusinsk Museum. Monuments of metal epochs*. Tomsk: Siberian Newspaper Printing house, 1886. – 185 p. (in Russian)].
- Кляшторный С.Г. Руническая эпиграфика Южной Сибири (наскальные надписи Тепсея и Турана). *Советская тюркология*. 1976. № 1. С. 66–70 [Klyashtorny S.G. Runic Epigraphy of Southern Siberia (Tepsei and Turan Stone Inscriptions). *Soviet Turcology*. 1976. № 1. P. 66–70 (in Russian)].
- Кормушин И.В. Текстологические разыскания в области енисейской руники. К вопросу о женских поминальных надписях. *Turcologica*. К 80-летию акад. А.Н. Кононова. Москва, 1986. С. 165–171 [Kormushin I.V. Textological Research in the Field of the Yenisei Runic Script. On the Issue of Epitaphs for Women. *Turcologica*. Dedicated to the 80-th anniversary of academician A.N. Kononov. Moscow, 1986. P. 165–171 (in Russian)].
- Кормушин И.В. *Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования*. Москва: Наука, 1997. – 303 с. [Kormushin I.V. *Turkic Yenisei Epitaphs. Texts and Research*. Moscow: Nauka, 1997. – 303 p. (in Russian)].
- Кормушин И.В. *Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика. Текстология*. Москва: Наука, 2008. – 342 с. [Kormushin I.V. *Turkic Yenisei Epitaphs. Grammar. Textology*. Moscow: Nauka, 2008. – 342 p. (in Russian)].
- Кузнецов-Красноярский И.П. *Древние могилы Минусинского округа*. Томск: сибирская газета, 1889. – 36 с. [Kuznetsov-Krasnoyarsky I.P. *Ancient Graves of the Minusinsk District*. Tomsk: Siberian Newspaper, 1889. – 36 p. (in Russian)].
- Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской письменности. *Советская археология*. 1965. № 3. С. 38–49 [Kyzlasov L.R. On the Dating of the Yenisei script. *Soviet Archaeology*. 1965. № 3. P. 38–49 (in Russian)].

- Кызласов И.Л. Тугутюпская стела с древнехакасской эпитафией. *Советская тюркология*. 1979. № 5. С. 90–92 [Kyzlasov I.L. The Tugutyup Stele with an Ancient Khakassian Epitaph. *Soviet Turcology*. 1979. № 5. P. 90–92 (in Russian)].
- Малов С. Е. Новые памятники с турецкими рунами. *Язык и мышление*. VI–VII. Л., 1936. С. 251–279 [Malov S.E. New Monuments with Turkic Runes. *Language and Thought*. Iss. VI–VII. Leningrad, 1936. P. 251–279 (in Russian)].
- Малов С. Е. *Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования*. Москва, Ленинград: Наука, 1951. 447 с. [Malov S. E. *Monuments of the Old Turkic script. Texts and Research*. Moscow, Leningrad: Nauka, 1951. – 447 p. (in Russian)].
- Малов С. Е. *Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы*. Москва, Ленинград: Наука, 1952. – 116 с. [Malov S. E. *Turkic Yenisei Script. Texts and Translations*. Moscow, Leningrad: Nauka, 1952. 116 p. (in Russian)].
- Малов С. Е. *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*. Москва, Ленинград: Наука, 1959. 112 с. [Malov S. E. *Monuments of the Old Turkic script of Mongolia and Kirgizia*. Moscow, Leningrad: Nauka, 1959. – 112 p. (in Russian)].
- Насилов Д. М. О некоторых памятниках Минусинского музея. *Народы Азии и Африки*. 1963. № 6. С. 124–128 [Nasilov D. M. Several Monuments of the Minusink Museum. *Peoples of Asia and Africa*. 1963. № 6. P. 124–128 (in Russian)].
- Насилов Д. М. Некоторые замечания к прочтению енисейских памятников. *Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования*. Ежегодник 1971. Москва, 1974. С. 204–214 [Nasilov D. M. Some Remarks on the Reading of the Yenisei Monuments. *Written Monuments of the Orient. Historical and Philological research*. Yearbook 1971. Moscow, 1974. P. 204–214 (in Russian)].
- Радлов В. О новом способе приготовления эстампажей с надписей на камнях. *Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества*. Т. VII. 1892. Санкт-Петербург, 1893. С. 169–181 [Radloff W. On the New Method of Making Estampages of the Stone Inscriptions. *Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society*. Vol. VII. 1892. St. Petersburg, 1893. P. 169–181 (in Russian)].
- Свойский Ю. М., Романенко Е. В., Миклашевич Е. А. Опыт создания цифровых образов эстампажей енисейских петроглифов методом трехмерного моделирования. *Camera praehistorica*. 2018. № 1 (1). С. 106–116 [Svoyski Y. M., Romanenko E. V., Miklashevich E. A. The experience of creating digital images of the estampages of the Yenisei petroglyphs by the method of 3d modeling. *Camera praehistorica*. 2018. №1 (1). P. 106–116 (in Russian)].
- Рыгдылон Э.Р. Подкунинская руническая надпись. *Эпиграфика Востока*. 1956. № 11. С. 59–62 [Rygdylon E.R. Podkuninskaya Runic Inscription. *Oriental Epigraphy*. 1956. № 11. P. 59–62 (in Russian)].

- Субракова О. В., Батманов И. А. Древние письмена Хакасии. Вып. 1. Абакан: Хакассский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 1970. – 52 с. [Sabrukova O. V., Batmanov I. A. Ancient Writings of Khakassia. Iss. 1. Abakan: Khakass Research Institute of Language, Literature and History, 1970. 52 p. (in Russian)].
- Тарасенко Р.Ф. К прочтению надписей на памятнике Алтын Кель 1 (Е-28). *90 лет Н.А. Баскакову*. Москва, 1997. С. 231–235 [Tarasenko R.F. To the reading of the inscriptions on the monument Altyn Kel 1 (E-28). 90th birth-anniversary old N.A. Baskakov. Moscow, 1997. P. 231–235 (in Russian)].
- Щербак А.М. Памятники рунического письма енисейских тюрков. *Народы Азии и Африки*. 1964. № 4. С. 140–151 [Shcherbak A.M. Runic Script Monuments of the Yenisei Turks. *Peoples of Asia and Africa*. № 4. P. 140–151 (in Russian)].
- Ядринцев Н.М. Древние памятники и письмена в Сибири. *Литературный сборник*. Санкт-Петербург, 1885. С. 456–476 [Yadrintsev N.M. Ancient Monuments and Scripts in Siberia. *Literary collection*. St. Petersburg, 1885. P. 456–476 (in Russian)].
- Aalto P., Granö J.G. Old Turkic epigraphic materials. *Journal de la Société finno-ougrienne*. Vol. 83. 1991. – 78 p.
- Aalto P., Tryjarski E. A Runic Tombstone Inscription Presumable from Minusinsk. *Rocznik Orientalistyczny*. 1971. T. XXIV (1). P. 35–38.
- Donner O. *Wörterverzeichnis zu den Inscriptions de l'énisseï*. Mémoires de la Soc. Finno-Ougrienne. IV. Helsingfors, 1892. 69 S.
- Inscriptions de l'énisseï recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'archéologie*. Helsingfors, 1889. 164 p.
- Orkun H.N. *Eski Türk Yazıtları*. I–IV. Ankara: TDK, 1987. – 869 s. (in Turkish).
- Radloff W. Die Inschriften vom Ujuk-Tarlak. *Die Alttürkischen Inschriften von Mongolei. Dritte Lieferung Die Denkmäler von Koscho-Zaidam, die übrigen Denkmäler des Orchon bechens und Denkmäler im Flussgebiete des Jenissei*. St.-Petersburg, 1895. 304 S.
- Tekin T. On a Misinterpreted Word in the Old Turkic Inscriptions. *Ural-altaische Jahrbucher*. 1964. Vol. 35. Fasc. 8. P. 134–144.
- Tekin T. Elegest (Körtle Han) Yazıtı. *Türk Dilleri Arastırmaları*. 1995. C. 5. S. 19–32 (in Turkish).
- Tekin T. Eski Türk Yazıtlarında Yanlış Yorumlanan Bir Kelime Üzerine. *Turkish Studies*. 2006. Vol. 1. Is. 2. S. 222–235 (in Turkish).
- Turanskaya A. A. The Early Estampages of the Tonyukuk Inscription Identified in the Collection of Central Asia and Siberia of the IOM, RAS. *Oriens*. 2022. № 4. P. 200–209 (in English).

DOI 10.31696/0131-1344-2023-189-204

ЭПИТАФИИ ТОМСОДЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ И АНТРОПОНИМИИ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА

Ш. М. Хапизов¹, М. Г. Шехмагомедов²

Аннотация

В статье на основе анализа сведений, содержащихся в нововыявленных арабоязычных эпитафиях, показана эффективность комплексного подхода в историко-этнографических исследованиях. Данное исследование проведено авторами на примере 9 населенных пунктов, расположенных в ущелье Томсода (ныне на севере Тляратинского района Республики Дагестан). Исследованы эпитафии и строительные надписи конца XV–XX вв., выявленные на надмогильных стелах, камнях, вставленных в стены жилых и общественных зданий. Информативная часть эпитафий анализируется в совокупности с устными преданиями, живыми этнографическими наблюдениями, а также данными арабоязычных письменных источников. Такой комплексный подход дал возможность авторам датировать формирование сельских общин, а также проследить географию сопровождавших это явление миграционных процессов. Авторы пришли к выводу, что ислам распространялся в ущелье в конце XV в., так же как в соседних Гидатле и Анцухе. Также анализ эпитафий дал возможность проследить процесс эволюции антропонимии в данном микрорегионе, ее зависимость от смены религиозной принадлежности населения. Авторам удалось выявить в надписях местные топонимы, которые позволяют уточнить некоторые вопросы, касающиеся исторической географии горного Дагестана.

Ключевые слова: Дагестан, эпиграфика, антропонимика, арабский язык, аварский язык, распространение ислама

Для цитирования: Ш. М. Хапизов, М. Г. Шехмагомедов. Эпитафии Томсода как источник по истории и антропонимии горного Дагестана. *Эпиграфика Востока*. Т. 37. 2023. С. 189–204. DOI 10.31696/0131-1344-2023-189-204.

¹ Шахбан Магомедович Хапизов — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала; markozul@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1958-9498

Shakhban M. Khapizov — Ph.D, researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia; markozul@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1958-9498

² Магомед Гаджиевич Шехмагомедов — научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала. shehmagomedov.magomed@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-3324-7419

Magomed G. Shekhmagomedov — researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia; shehmagomedov.magomed@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-3324-7419

EPITAPHS OF TOMSODA AS A SOURCE FOR THE HISTORY AND ANTHROPONYMY OF MOUNTAIN DAGESTAN

Shakhban M. Khapizov, Magomed G. Shekhmagomedov

Abstract

The article, based on the analysis of the information contained in the newly discovered Arabic epitaphs, shows the effectiveness of a comprehensive approach in historical and ethnographic research. This study was conducted by the authors on the example of 9 settlements located in the Tomsoda gorge (now in the north of the Tlyaratinsky district of the Republic of Dagestan). Epitaphs and building inscriptions of the late 15th–20th centuries, identified on gravestones, stones inserted in the walls of residential and public buildings, were studied. The informative part of the epitaphs is analyzed together with the oral tradition, vivid ethnographic observations, as well as the data from Arabic-language written sources. Such a comprehensive approach allowed the authors to date the formation of rural communities, as well as to trace the geography of the migratory processes that accompanied this phenomenon. The authors concluded that Islam spread in the gorge at the end of the 15th century, as it did in neighboring Hidatl and Antsukh. Also the analysis of the epitaphs made it possible to trace the evolution of the anthroponymy in this micro-region, as well as its dependence on the changes in the religious affiliation of its population. The authors were able to identify local toponyms in the inscriptions, which allow to clarify some questions concerning the historical geography of mountain Dagestan.

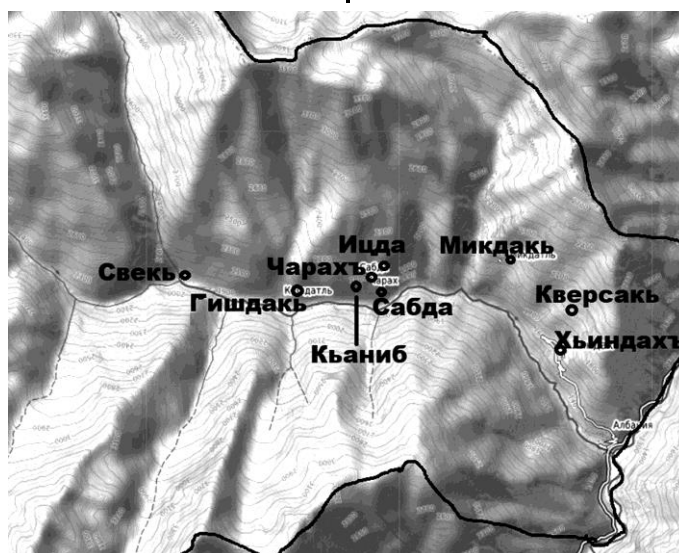
Keywords: Dagestan, epigraphy, anthroponymy, Arabic language, Avar language, spread of Islam

For citation: Khapizov Shakhban M., Shekhmagomedov Magomed G. Epitaphs of Tomsoda as a Source for the History and Anthroponymy of Mountain Dagestan. *Oriental Epigraphy*. Vol. 37. 2023. P. 189–204. DOI 10.31696/0131-1344-2023-189-204.

Институт истории, археологии и этнографии (ИИАЭ) Дагестанского федерального исследовательского центра РАН последние годы уделяет большое внимание изучению эпиграфики. Уже сложилось несколько исследовательских групп, которые занимаются различными регионами Дагестана. С этой целью также организовываются ежегодные экспедиции в различные районы Дагестана и даже за его пределы. В рамках этого направления авторы предлагаемой статьи, научные сотрудники ИИАЭ (Ш. Хапизов и М. Шехмагомедов) решили в августе 2022 г. исследовать эпиграфику и поселенческую культуру труднодоступного ущелья Томсода (*Томсода* «на крыше») на севере Тляратинского района. Поскольку без надежного проводника разобраться в географии ущелья, большая часть которого уже заброшена и не имеет автомобильных дорог, было сложно, обращение к нам томсодинца М. Аглабова было как нельзя кстати.

Всего нами было исследовано более 600 эпитафий, из которых мы выбрали для статьи все эпитафии, датированные нами XV–XVII вв., а также наиболее

информативные эпитафии XVIII–XX вв. Все они написаны на арабском языке. Надмогильные стелы сделаны из темно-синих сланцевых плит, из которых сложена большая часть гор, или темно-серого речного валуна, который в изобилии имеется в небольших руслах рек. Ниже приводятся переводы эпитахий и их датировка, основанная на палеографическом исследовании, т. е. анализе с применением характерных для каждого периода шаблонов, способа нанесения надписи, шрифта, а также орнаментальном оформлении стел. Эпиграфические памятники перечисляются, исходя из географического принципа их локации: начиная с верховьев ущелья и заканчивая низовьями.



Илл. 1

Карта расположения поселений Томсоды
(карта выполнена Ш. М. Хапизовым)

Светль (авар. *Свекъ* «под башней») — населенный пункт, находящийся в верховьях ущелья Томсода, у слияния рек Тунсада-ор и Семилда-ор. Расположенный в верховьях ущелья, он служил своего рода пограничной крепостью по пути в Тиндинское ущелье. Недалеко от Светля высится одна из самых высоких вершин Дагестана — Аддала-Шухгельмеэр, а прямо посередине селения течет бурная река Семилда-ор, через которую переброшен мостик из березовых бревен. Над селением высоко на скалистом склоне возвышается сторожевая башня, служившая, по преданиям, укрытием для последних христиан Томсоды. По устной традиции, жители верхней части ущелья приняли ислам позднее

остальных томсодинцев, а самые последние христиане укрывались в этой башне *Мусудузул си* (авар. «башня красавиц»). После долгой осады они ушли в ущелье Тинди, которое тогда еще не приняло ислам, а башня с тех пор превратилась в дозорный пункт, откуда следили за верховьями ущелья. В поселении Светль имеется два кладбища — верхнее и нижнее, которые разделяются тропой, ведущей в верховья ущелья, а также башенным комплексом. Верхнее кладбище оказалось более поздним, а на нижнем удалось выявить надписи конца XV века. Особое внимание привлекли два надмогильных камня с интересным орнаментом, включавшим христианские кресты. После того как эти надмогильные камни были полностью откопаны, в самом низу оказались арабоязычные надписи.

Тасиял хубал («Верхнее кладбище»)

Эпитафия № 1 (илл. 2) зафиксирована на сланцевой плите с антропоморфным орнаментом. Перевод: «Могила досточтимого 'Али сын 'Абдал-Мухаммада сына Бахсана³ (?) Хлусар-'Али сына Идача⁴. И я автор этих строк, его зять, который записал их ради того, кто был ему подобно светилу. 1318 (с 30 апреля 1900 г.)».

Гъоркыял хубал («Нижнее кладбище»)

Эпитафия № 2 (илл. 3) зафиксирована на надмогильной плите из речного валуна. Памятник датируется XVI в. Перевод: «Смерть — истина, а жизнь — обман. Обладательница этой могилы Тинчур⁵ дочь Мацрача⁶».

Эпитафия № 3 (илл. 4) зафиксирована на надмогильной плите из речного валуна, на которой изображены безоаровые козлы. Очевидно, это надмогильный памятник доисламского периода, который был вторично использован в качестве надмогильной плиты в XIX в. Перевод: «Мухаммад сын Харитуна⁷. В 1241 году (с 15 августа 1825 г.)».

Эпитафия № 4 (илл. 5) зафиксирована на надмогильной плите из речного валуна, на которой отсутствует какой-либо орнамент, только лишь вырезана

³ Аварское мужское имя парфянского, древнеиранского происхождения (*Багсан* «поднимающийся к Богу») [Лившиц, 2010, с. 72–73]. Возможно, в рассматриваемом случае это некий социальный термин.

⁴ *Идач* — коренное аварское мужское имя, распространенное в Анкратле (ныне Тляратинский район и Бежтинский участок Дагестана).

⁵ *Тинчур* — аварское женское имя (авар. «малышка, маленькая девочка»).

⁶ *МацІрач* — аварское мужское имя (авар. «языкастый»). Не исключено также прочтение *Музрахъ* (имя иранского происхождения: «копье, пика»).

⁷ *ХаритІун* — аварская форма греческого имени Харитон (греч. *Χαρίτων* «благодарный»).

надпись. Датируется памятник началом XIX в. Перевод: «Обладатель этого камня Илдар».

Эпитафия № 5 (илл. 6) зафиксирована на надмогильной плите из речного валуна. Эта эпитафия, выполнена в том же стиле, что и предыдущая, расположена рядом с ней и сообщает о захоронении сына Илдара, которому посвящена предыдущая надпись. Перевод: «Обладатель этого камня Мухаммад сын Илдара⁸. 1255 (с 16 марта 1839 г.)».

Эпитафия № 6 выполнена продольно на крупной каменной плите и датируется нами XVII в. Перевод: «Обладатель этого камня — Муса».

Эпитафия № 7 (илл. 7) зафиксирована на надмогильной плите из речного валуна. Надмогильная плита с оригинальным орнаментом, в центре которого расположен крест, выложенный фигурами в виде лепестков. Над основным полем размещен растительный орнамент, по обе стороны от которого также изображены два прямоугольных креста. Судя по историческому контексту (принятие ислама в соседних Анцухе и Гидатле в 1475/76 г. [Хапизов, Шехмагомедов, 2016, с. 113–124]), надпись следует датировать концом XV в., а захороненного в могиле человека следует считать мусульманином в первом поколении. Датируется памятник концом XV в. Перевод: «Обладатель этого камня — Учи⁹, да простит Аллах его грехи».

Эпитафия № 8 (илл. 8) зафиксирована на надмогильной плите из речного валуна. Эта плита примыкает к предыдущему памятнику с аналогичным орнаментом, в котором наряду с растительными мотивами фигурируют также кресты. Надпись выведена в нижнем поле и, судя по всему, это сын Учи, которому посвящена предыдущая эпитафия. Датируется памятник рубежом XV–XVI вв. Перевод: «Обладатель этого камня — ‘Али сын Учи».

Эпитафия № 9 (илл. 9) зафиксирована на надмогильной плите из речного валуна. Эпитафия выполнена в центральном поле, под и над которым имеется повторяющийся орнамент в виде креста, заключенного в двойной круг. Датируется памятник рубежом XV–XVI вв. Перевод: «Обладатель этого камня — Мухаммад сын Аги¹⁰, да простит их Аллах».

Гишдатль (Гишдакъ «под местом обитания хорьков, ласок»)

Кладбище расположено на западной окраине селения. Вероятно, из-за крутого склона и влажного климата, большая часть надмогильных плит оказалась

⁸ *Илдар* — мужское имя иранского происхождения (ил «страна, племя»; дар «владелец»).

⁹ *Учи* — аварское мужское имя (цез., бежт. *уджи* «сын»). Упоминается в надписи 1583 г. из селения Чорода Тляртинского района.

¹⁰ *Аги* — аварское мужское имя («ржаной», от *огоб* «рожь»).

либо с повреждённой поверхностью, либо под слоем грунта. Сохранившиеся плиты датировались XX в. и не представляли интереса для исследователя.

Эпитафия № 10 (илл. 10) зафиксирована на надмогильной плите из сланца, расположенной у нижней окраины кладбища у тропы, ведущей из Гишдатля в Светль. Перевод: «Если бы этот мир был бы для кого-то вечен, то пророк Мухаммад пребывал в нем вечно. Могила досточтимого ученого Нурмухаммада сына Хашахана¹¹, да простит Аллах их грехи. В 1300 году (с 11 ноября 1882 г.)».

Кортан (группа населенных пунктов Чарах, Сабда, Тланиб и Ицда)

В центральной части ущелья Томсода, в пределах нескольких сот метров расположены четыре небольших селения: Чарах (*Чарахъ* «у базальта»), Ицда («у родника»), Тланиб (*Къаниб* «у раздвоения») и Сабда («у черемши»). Последнее имело собственное кладбище, а остальные хоронили фактически на обширном кладбище, разделенном тропами на несколько участков. Кстати, жители остальных пяти населенных пунктов называли эту местность термином *Кортан*, что переводится с аварского как «лобное место» — аналог *годекана*, только не для одного населенного пункта, а целого общества, чаще всего ущелья. Аналогичное место с таким же названием зафиксировано в соседнем ущелье Анцух. Так же, как и там, здесь располагалась пятничная для всего ущелья мечеть Болмажгит, у стен которой томсодинцы также решали общие для всего ущелья дела вплоть до 1944 г.¹² Исследование Кортана было осуществлено нами 8 августа 2022 г. в сложных погодных условиях: в перерывах между сильными порывами ветра, сопровождаемого проливным дождем.

Между селениями Тланиб и Чарах, ближе к западной окраине последнего расположено кладбище, на котором, по словам информантов, хоронили жителей селений Ицда, Тланиб и частично Чараха.

Эпитафия № 11 (илл. 11) зафиксирована на плите с антропоморфным орнаментом, в основном поле которого имеется информативная надпись, датируемая предположительно XIX в. Перевод: «Обладатель этой плиты ‘Али сын ‘Абдал-Мухаммада сына ‘Исалава».

Эпитафия № 12 зафиксирована на надмогильной плите из речного валуна. Памятник датируется XVIII в. Перевод: «Обладатель этого камня Мухаммад сын Маммы, убитого в бою с неверными в местности Рештакъ».

¹¹ *Гъашахан* — аварское мужское имя.

¹² Весной 1944 г. жители шести населенных пунктов были насильственно переселены в предгорную Чечню, жители которой в свою очередь были депортированы в Среднюю Азию и Казахстан. По пути погибло 32 томсодинца, а общие потери в течение первых трех лет составили около одной трети всего переселенного населения.

Выше по склону от этого кладбища, над тропой, ведущей из Чараха в Тла-ниб, расположены два кенотафа (авар. *назар*).

Эпитафия № 13 (илл. 12) зафиксирована на высокой мемориальной плите, украшенной богатым орнаментом. Датируется памятник серединой XIX в. Перевод: «Обладатель этого камня Амир(?)¹³-‘Али сын Хитинав¹³-Мухаммада, убитого в битве с неверными на горе Щубада, да помилует [их] Аллах».

Эпитафия № 14 (илл. 13) зафиксирована на мемориальной плите и выполнена в грубом «процарапанном» стиле. Датируется памятник XIX в. Перевод: «Обладатель этого камня Хадир¹⁴ сын Кача¹⁵-Мухаммада».

На восточной окраине селения Чарах расположены два кладбища, разделенные тропой, ведущей из Чараха в низовья ущелья. Кладбище *Тiасиял хубал* («Верхнее кладбище»), расположено выше по склону от упомянутой тропы и развалин Джума-мечети. На нем зафиксированы более ранние эпитафии, а согласно устной традиции, оно функционировало еще до распространения в Томсоде ислама.

Эпитафия № 15 (илл. 14) зафиксирована на каменной плите, расположенной у тропы перед развалинами Джума-мечети. Памятник датируется XVII в. Перевод: «Обладательница могилы ‘Ашура дочь Бурдухалди¹⁶».

Эпитафия № 16 (илл. 15) зафиксирована на каменной плите, точнее пяти ее обломках, которые были обнаружены разбросанными на стене кладбищенской ограды. В результате удалось собрать из обломков большую часть плиты, на которой выявлена надпись, датируемая XVII в. Перевод: «Обладатель этой могилы Тируч сын Ибрахима».

Эпитафия № 17 зафиксирована на каменной орнаментированной плите, частично вошедшей в грунт и расположенной у тропы под кладбищенской стеной. Памятник датируется XVII в. Перевод: «Обладательница этой могилы — Издаг¹⁷».

Эпитафия № 18 (илл. 16) зафиксирована на высокой орнаментированной плите, установленной в нижней части кладбища. Памятник датируется рубежом XVII–XVIII вв. Перевод: «Обладатель этого камня Лагду¹⁸ сын Мухаммада».

¹³ *Гьитiнав* — аварское мужское имя («младший»).

¹⁴ *Хадир* — аварское мужское имя («грабли?»).

¹⁵ *Кача* — аварское мужское имя («горская безрукавная шуба с пелериной»).

¹⁶ *Бурдух*, *Бурдухалди* — аварское мужское имя.

¹⁷ *Издаг* — аварское женское имя аланского происхождения.

¹⁸ *Лагъду* — аварское мужское имя.

Кладбище *Гъоркъ хубал* («Нижнее кладбище») расположено ниже развалин Джума-мечети и выше селения Сабда. На этом крутом склоне, огороженном металллической сеткой, было выявлено несколько надмогильных памятников второй половины XVIII–XIX вв.

Эпитафия № 19 (илл. 17) зафиксирована на надмогильной плите, обрамленной каменной стеной (авар. *шинт*). Памятник датируется XIX в. Перевод: «Обладатель этой могилы — ‘Али сын Ахкубека сына Мирзы».

Эпитафия № 20 (илл. 18) зафиксирована на надмогильной плите, обрамленной каменной стеной. Перевод: «Владелец этого камня Захал сын Шайхмухаммада аш-Шарахи¹⁹, да помилует [их] Аллах. Покойный умер от болей в животе в 1216 году (с 14 мая 1801 г.)».

Сабда

Ниже Чараха по склону, в 300 метрах от него расположен населенный пункт Сабда. На кладбище зафиксированы несколько надмогильных плит с информативными надписями, датируемыми ранее XX в.

Эпитафия № 21 (илл. 19) зафиксирована на стеле, установленной у *зийарата* — небольшого квадратного строения с прилегающей к ней могилой «шайха». Перевод: «1346 (с 30 июня 1927 г.). Усыпальница покойного Иمامухаммада, наставника этой округи сына ‘Алимухаммада».

Эпитафия № 22 зафиксирована на сланцевой плите, установленной на каменной ограде, у нижней границы кладбища, примыкающей к мечети селения Сабда. Вероятно, это мемориальная, а не надмогильная плита. Перевод: «Обладатель этого камня — ... В 1124» (?) (с 8 февраля 1712 г.).

Эпитафия № 23 (илл. 20) зафиксирована на надмогильной плите, установленной в нижней части кладбища. Датируется концом XIX в. Перевод: «Обладательница этой могилы — Жавхарат дочь Дугума²⁰ сына ‘Абд ...».

Кенотаф по пути из Чараха в Микдатль

Эпитафия № 24 (илл. 21) зафиксирована на мемориальной плите, установленной на скальном выходе, возвышающемся над тропой, ведущей из Чарах в нижнюю часть ущелья. Памятник, согласно устной традиции, посвящен местной жительнице, умершей во время сельскохозяйственных работ на

¹⁹ Аварская фонема [ч] записывалась посредством арабского *харфа* ش *шин* или персидского چ *чим*. В данном случае использован арабский *харф*, а *нисбу* следует читать как *ал-Чарахи*, т.е. «уроженец селения Чарах».

²⁰ Дугум (авар. *Дугъум*) — редкое аварское мужское имя.

близлежащем хуторе. Перевод: «Умерла Зайнаб супруга ‘Абдусалама из Чараха в 1340 году (с 3 сентября 1921 г.) на хуторе Цамцада от боли в животе».

Микдатль (авар. «в дубраве»²¹)

Эпитафия № 25 (илл. 22) зафиксирована на мемориальной плите, установленной на входе в поселение, на его западной окраине. Плита расположена под скалой, возвышающейся над тропой, ведущей из Чараха в Микдатль. На плите имеется антропоморфный орнамент, который наряду с палеографическими особенностями эпитафии, позволяет датировать памятник XIX в. Перевод: «Обладатель этого камня — Муса сын Ибрахима».

Эпитафия № 26 (илл. 23) зафиксирована на надмогильной плите, установленной в нижней части кладбища. Памятник датируется XIX в. Перевод: «Обладатель этого камня — Мухаммад сын Инка-Беруча²²».

Кверсатль (авар. *Кверсакъ* «под рукой»²³)

Эпитафия № 27 зафиксирована на надмогильной плите, установленной в перевернутом виде (на 180°) в западной части кладбища. Перевод: «1339 (с 14 сентября 1920 г.). Да простит Аллах грехи Муртаза‘али».

Эпитафия № 28 (илл. 24) зафиксирована на надмогильной плите, установленной в центральной части кладбища. Эта надпись 1965/66 г. была интересна тем, что иллюстрировала сохранение до этого времени традиции составления эпитафий на арабском языке. К сожалению, надмогильных памятников XIX в. и более раннего периода в Кверсатле не сохранилось. Перевод: «Умерла Изэг дочь Мухаммад‘али, да простит Аллах их грехи. В 1385 году (с 2 мая 1965 г.)».

Хиндах (авар. *Хьиндахъ* «у воды»)

Из всех 9 населенных пунктов Томсоды, лишь здесь население проживает на постоянной основе. В пределах населенного пункта расположено четыре кладбища. Кладбище *Тасиял хубал* («Верхнее кладбище») расположено на верхней окраине Хиндаха, выше тропы, ведущей в селение из верховий ущелья. Здесь было зафиксировано несколько эпитафий XVII–XIX вв.

²¹ Рядом с селением поныне сохранилась дубовая роща.

²² Аварское мужское двусоставное имя (*Инка* — на говоре сел. Ратлуб, расположенном севернее Томсоды, — вариант имени *Гьитлинав*, т.е. «младший»; а авар. *Беруч* — «грациозный, красивый»).

²³ Близ сел. Арадерих расположено средневековое поселение *Кверсахъ* «у руки».

Эпитафия № 29 зафиксирована на каменной плите, установленной в центральной части кладбища. Памятник датируется XIX в. Перевод: «Это могила Муслимат».

Эпитафия № 30 (илл. 25) зафиксирована на каменной плите, установленной в центральной части кладбища. Датируется памятник предположительно XVII в. Перевод: «Обладатель этой могилы — Хата (*Гъамла*)».

Кладбище *Гъоркъ хубал* («Нижнее кладбище») расположено ниже вышеуказанной тропы и функционирует по сей день. Здесь наш интерес привлекла высокая и красиво орнаментированная каменная плита.

Эпитафия № 31 (илл. 26). Перевод: «Это место упокоения (букв. усыпальница) Дарманди²⁴ дочери Мухаммада ат-Тунсуди. Смерть — это чаша, и каждый из людей испробует из нее. Умерла она в месяц *джумад ал-аввал* 1326 г. (июнь 1908 г.). Смерть — истина, а жизнь — обман».

Кладбище *Капуразул хубал* («Кладбище неверных») расположено в верхней части Хиндаха и частично занято огородами. Нам не удалось выявить здесь эпитафий, кроме одной надписи, которая состоит из нескольких буквенных знаков.

Выводы

Надписи на твердых поверхностях принято считать не только памятником мемориальной культуры, но и весьма ценным и часто наиболее объективным историческим источником. Вместе с тем они содержат сведения, проливающие свет на современные этнографические реалии и позволяющие провести реконструкцию канувших в лету событий. Именно под этим углом в настоящей статье рассматривается эпиграфический материал, собранный в ущелье Томсода (авар. *Томсода*) Тляратинского района Республики Дагестан в ходе экспедиции, принятой в августе 2022 г.

В ходе исследования для датировки раннеисламских для Томсоды эпитафий за основу было взято чолодинское кладбище. Сопоставление исследуемых эпитафий с памятниками средневекового поселения Чолода (расположено в 2 км от селения Мачада Шамильского района РД и относительно недалеко от Томсоды) дает возможность надежно датировать публикуемые надписи по палеографическим характеристикам. Дело в том, что исследованное нами кладбище поселения Чолода функционировало в 1480–1620-х гг. [Хапизов, Шехмагомедов, 2016, с. 113–124]. Первые захоронения начали проводиться там со времени распространения ислама, а перестало оно функционировать в конце первой четверти XVII в., когда рядом с сел. Мачада, куда переселилось все

²⁴ Аварское женское имя («бальзам, лекарство») иранского происхождения.

население Чолоды, выросло новое мусульманское кладбище, на котором наиболее ранняя могила датируется 1637 г.

При датировке вышеуказанных эпитафий мы исходим из палеографии текстов, их почерков, формул, характерных для каждого периода («смерть — истина, а жизнь — обман»), способа нанесения надписи, а также орнаментального оформления (использование узора *рехъеб* «вьюнок») надмогильной стелы. Как и в Чолоде, эпитафии XV–XVII вв. из Томсоды не имеют дат.

Эти параллели, рассмотренные в историческом контексте, убеждают нас в том, что процесс принятия ислама в Томсоде проходил синхронно с Анцухом и Гидатлем, с которыми исследуемый регион граничит с севера и с юга, а именно в 1475/76 г. Вместе с тем не вызывает сомнений факт, что этот процесс не прошел одномоментно и без сопротивления.

Согласно устной традиции, в обществе Томсода еще до ислама, в средневековье существовало феодальное владение во главе с неким «Белоком» [Магомедов, 1980, с. 35]. Точное написание имени — *Белек*, в такой же форме оно зафиксировано в эпитафии рубежа XV–XVI вв. из ущелья Келеб [Хапизов, Шехмагомедов, 2016, с. 14–18], расположенного к северу от Томсоды. Также стоит отметить наличие тухума Белекилал в томсодинском селении Гишдатль. В пойме реки Тунсада-ор, в 300 метрах ниже по склону от селения Гишдатль, есть местность, ныне поросшая небольшой рощей, где находилось доисламское кладбище (*капуразул хубал*). Здесь же, согласно устной традиции, во время принятия ислама имело место сопротивление одного из тухумов (*Дергъелал* «летучие мыши»), мужская половина которого, за исключением младенца, спрятанного в мякине в яслях для скота, якобы было уничтожено в ходе столкновения с газиями. Третий тухум Гишдатля — *Xlymtlulal* также представлен в селении Сабда, куда переселился в конце XIX в. Имаммухамад (ум. 1927/28 г.; см. эпитафию №21) со своим сыном. Они оказались вынуждены переселиться в результате кровной мести — его сын убил в родном селении человека, и им пришлось покинуть его навсегда. Кстати, миграции томсодинцев были направлены и вне родного ущелья. Так, в селении Дагбаш (Ахвах) Шамильского района мы выявили две родственные группы (*тухум*), образованные переселенцами из Томсоды. Это *Шамхалилал* и *Гванзал* (из сел. Хиндах) [Хапизов, Шехмагомедов, 2020, с. 23].

Также устная традиция сообщает о прочных христианских традициях в селении Светль, в котором мы зафиксировали две надмогильные плиты с арабскими эпитафиями рубежа XV–XVI вв., на которых изображены христианские кресты. Это обстоятельство говорит о синкретическом характере религиозных представлений жителей Светля, в которых христианское культурное наследие смешалось с новой религией — исламом. По преданию, часть населения,

засевшая в башне, возвышающейся над Светлем, не захотела принять ислам и долгое время провела в осаде, пока не ушла однажды ночью через перевал на запад, в сторону Тинди.

Таким образом, сопротивление распространению ислама было оказано лишь в двух самых западных, верхних по течению реки селениях Томсоды: Светле и Гишдатле, в которых, согласно устной традиции, были более сильные позиции христианства.

Список литературы / References

- Лившиц В. А. *Парфянская ономастика*. СПб: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 400 с. [Livshits V. A. *Parthian Onomastics*. Saint Petersburg: St. Petersburg Linguistic Society, 2010. 400 p. (in Russian)].
- Магомедов Д. М. Социальный строй средневековых поселений горного Дагестана (X—XV вв.). *Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978–1979 гг.: тезисы докладов*. Махачкала, 1980. С. 35 [Magomedov D.M. Social Structure of Medieval Settlements of Mountain Dagestan (10th–15th Centuries). *Materials of the Session on the Results of Expeditionary Research in Dagestan in 1978–1979: Talks' Abstracts*. Makhachkala, 1980. P. 35 (in Russian)].
- Хапизов Ш. М., Шехмагомедов М. Г. Кладбище поселения Чолода как источник по истории и антропонимии горной Аварии. *CAUCASO-CASPICA. Труды Института автохтонных народов Кавказско-Каспийского региона*. Ереван, 2016. С. 113–124 [Khapizov Sh. M., Shekhmagomedov M. G. The Cemetery of Choloda Settlement as a Source on the History and Anthroponymy of Mountain Avaria. *CAUCASO-CASPICA. Proceedings of the Institute of Autochthonous Peoples of the Caucasus-Caspian Region*. Yerevan, 2016. P. 113–124 (in Russian)].
- Хапизов Ш. М., Шехмагомедов М. Г. Эпитафии как историко-этнографический источник (на примере селения Дагбаш/Ахвах Шамильского района Республики Дагестан). *Вестник Дагестанского научного центра*. 2020. № 77. С. 16–24 [Khapizov Sh. M., Shehmagomedov M. G. Epitaphs as a Historical and Ethnographic Source (On the Example of the Village Dagbash/Akhvakh of Shamil District of the Republic of Dagestan). *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*. 2020. № 77. P. 16–24 (in Russian)].
- Хапизов Ш. М., Шехмагомедов М. Г. Эпиграфические памятники как источник по истории Келебского ущелья XV–XVIII вв. *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. 2016. № 1 (45). С. 14–18. [Khapizov Sh. M., Shekhmagomedov M. G. Epigraphic Monuments as a Source for the History of the Keleb Gorge in the 15th–18th Centuries. *Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography*. 2016. № 1 (45). P. 14–18 (in Russian)].

Иллюстрации ²⁵



Илл. 2
Эпитафия № 1



Илл. 3.
Эпитафия № 2



Илл. 4
Эпитафия № 3



Илл. 5
Эпитафия № 4



Илл. 6
Эпитафия № 5



Илл. 7
Эпитафия № 6

²⁵ Фото, представленные на иллюстрациях 2-26, выполнены Ш. М. Хапизовым и М. Г. Шехмагамедовым.



Илл. 8
Эпитафия № 8



Илл. 9
Эпитафия № 9



Илл. 10
Эпитафия № 10



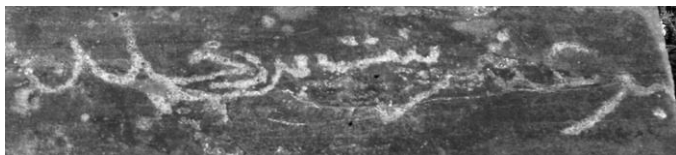
Илл. 11
Эпитафия № 11



Илл. 12
Эпитафия № 13



Илл. 13
Эпитафия № 14



Илл. 14
Эпитафия № 15



Илл. 15
Эпитафия № 16



Илл. 16
Эпитафия № 18



Илл. 17
Эпитафия № 19



Илл. 18
Эпитафия № 20



Илл. 19
Эпитафия № 21



Илл. 20
Эпитафия № 23



Илл. 21
Эпитафия № 24



Илл. 23
Эпитафия № 26



Илл. 2
Эпитафия № 30



Илл. 22
Эпитафия № 25



Илл. 24
Эпитафия № 28



Илл. 26.
Эпитафия № 31

DOI 10.31696/0131-1344-2023-205-215

ДВЕ НОВЫЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ ЧАЧЫКЕЙ (КЕНКОЛЬСКАЯ ДОЛИНА, КЫРГЫЗСТАНЕ)¹**Л. Херманн, В. В. Тишин²****Аннотация**

Первая надпись древнетюркским руническим письмом в Таласской долине была найдена около 125 лет назад, в 1896 году. В последние десятилетия в долине реки Кенколь, притока реки Талас (Кыргызстан), были обнаружены другие надписи, такие, как наскальные тексты Чон Чачыкей-I–III и Кичи Чачой I. Рядом с ними также находились петроглифы и тамги древнетюркской эпохи. Здесь впервые публикуются две новые рунические надписи из Чон Чачыкей (Чон Чачыкей IV и V). Обе были обнаружены рядом друг с другом. Надпись Чон Чачыкей IV состоит из одной строки, включающей 22 графемы, тогда как короткая надпись Чон Чачыкей V состоит из шести графем. Обе надписи содержат имя *čulīq*, которое, судя по всему, следует читать именно как *čulīq*. Наличие имени в обеих надписях позволяет утверждать, что они оставлены одним и тем же человеком.

Ключевые слова: Таласская долина, Кенколь, рунические надписи, наскальное искусство, древнетюркская эпоха

Для цитирования: Херманн Л., Тишин В. В. Две новые рунические надписи Чачыкей (Кенкольская долина, Кыргызстан). *Эпиграфика Востока*. Т. 37. 2023. С. 205–215. DOI 10.31696/0131-1344-2023-205-215.

¹ Авторы выражают признательность ведущему научному сотруднику Отдела археологии эпохи камня и палеометалла Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК Алексею Евгеньевичу Рогожинскому за помощь в расшифровке надписи Чон Чачыкей IV.

² Люк Херманн — независимый исследователь, Арлон, Бельгия; lhermann2@hotmail.com
Luc Hermann — independent researcher, Arlon, Belgium; lhermann2@hotmail.com
Владимир Владимирович Тишин — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Отдел истории Востока Института востоковедения РАН; tihij-511@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-7344-0996

Vladimir V. Tishin – PhD (History), Research Fellow, Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; tihij-511@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-7344-0996

TWO NEW RUNIC INSCRIPTIONS IN TCHATHCIKEI (THE KENKOL VALLEY IN KYRGYZSTAN)

Luc Hermann, Vladimir V. Tishin

Abstract

In the Talas valley, the first Old Turkic runic inscription was discovered some 125 years ago in 1896. In the last decades other inscriptions were found in the Kenkol valley, a tributary stream of the Talas river (Kyrgyzstan), such as the engraved runic inscriptions Tchon Tchatchikei I–III and Kitchi Tchatchoi I. Near them, there were also petroglyphs and tamgas from the Old Turkic period. Two new runic inscriptions from Tchon Tchatchikei (Tchon Tchatchikei IV and V) are published here for the first time. Both were found near each other. For Tchon Tchatchikei IV, the line is written in 22 characters, whereas Tchon Tchatchikei V has only six characters and is the repetition of the name *čvliq* which is also present in the inscription Tchon Tchatchikei IV. For this reason, it is reasonable to think that both inscriptions were done by the same person.

Keywords: Talas valley, Kenkol, runic inscriptions, rock art, Old Turkic period

For citation: Luc Hermann, Vladimir V. Tishin. Two New Runic Inscriptions in Tchatchikei (the Kenkol Valley in Kyrgyzstan). *Oriental Epigraphy*. Vol. 37. 2023. P. 205–215. DOI 10.31696/0131-1344-2023-205-215.

Введение

Кенкольская долина располагается в Таласской области на северо-западе Кыргызстана, в 12 км к северо-востоку от г. Таласа вдоль реки Кенкол. Наскальные рисунки, относящиеся в основном к бронзовому веку, зарегистрированы на склонах гор на территории вдоль восьми ее притоков, а именно — с запада на восток: Джоша, Чачой, Чачке, Ийри-Колот, Терек, Чачыкей, Обо и Коргон-Таш. Если первые рисунки были найдены в 1938 г. [Гапоненко, 1963], то первая разведка была предпринята в 1980 г., когда было обнаружено около 90 поверхностей с изображениями в Обо и 127 в Чачое [Аманбаева, Сулейманова, Жолдошов, 2009, с. 45]. В 2010 г. кыргызстанско-корейская исследовательская группа исследовала несколько рисунков в Чачыкей [Чжан, Чаргынов, Жолдошев, 2011, с. 128 след.]. С 2015 по 2022 гг. Люк Херманн задокументировал более 13.000 рисунков (например, более 450 поверхностей с изображениями в Обо и около 9.000 рисунков в Чачыкей [Hermann, 2018; 2019]).

Древнетюркские рунические надписи в Кенкольской долине

Средневековые петроглифы отмечены в каждой долине, но наиболее всего они сконцентрированы в Чачое, Чачыкей и Обо. Также в этих местностях обнаружены

тамги древнетюркской эпохи [Hermann, 2020, p. 185–188]. Всего в долине Чачыкей было зарегистрировано около 600 поверхностей с примерно 1.200 петроглифами древнетюркской эпохи. Однако наличие изображений древнетюркской эпохи могли иметь большее значение, чем предполагалось, поскольку эти петроглифы процарапаны, а не выбиты на скалах, и имеют очень незначительные размеры (иногда всего 2–3 см). Поэтому многие из них очень трудно разглядеть и зафиксировать.

Рунические надписи в Кенколе были обнаружены в двух разных долинах:

- в Чачой одна надпись обнаружена в 2019 г. [Херманн, Тишин, Рогожинский, 2020].

- В Чачыкей известны три рунические надписи. Надпись № 1 была обнаружена в 2008 г. [Аманбаева, Сулейманова, Жолдошов, 2009, с. 39]. Надписи № 2 и 3 были обнаружены Л. Херманном в 2016 и 2019 гг. [Табалдиев и др., 2020; Херманн, Тишин, Рогожинский, 2020].

Чачыкей представляет собой долину, разделенную на два основных участка: Чон Чачыкей на западе и Кичи Чачыкей на востоке. Надписи № 1 и 2 находятся на правом берегу речки Чон-Чачыкей, а надпись № 3 — в высохшей долине притока на левом берегу речки Чон-Чачыкей. В непосредственной близости от этих трех надписей не было обнаружено каких-либо тамг. Рядом с этими тремя надписями находятся следы древних поселений, которые, возможно, можно отнести к древнетюркской эпохе. Надпись № 1 расположено на вершине холма примерно в 150 м к северо-востоку от возможного нахождения поселения. Еще одно поселение расположено примерно в 50 м к юго-востоку от надписи № 2. Надпись № 3 расположена на вершине холма на высоте 1.765 м над уровнем моря, примерно в 260 м к северо-западу от третьего поселения, находящегося на высоте 1.661 м. Если надпись № 1 выбита и хорошо визуализируется ввиду своих размеров (52 × 18 см), то надписи № 2 и 3 были выцарапаны и малозаметны, в том числе из-за их малых размеров (№ 2 – 6 × 4 см; № 3 – 12 × 5 см).

В июле 2022 г. в ходе новых полевых исследований Л. Херманном в Чон-Чачыкей были обнаружены две новые рунические надписи, находящиеся всего в девяти метрах друг от друга на одном же холме, в том же высохшем притоке реки, что и поселение, связанное с надписью № 3 (илл. 1). Обе новые надписи располагаются примерно в 300 м к западу от надписи № 3 и в 450 м к западу от поселения (илл. 2).

Надпись Чон Чачыкей-IV ориентирована на юго-восток. На поверхности процарапано 22 знака, общая длина надписи составляет 28 см при максимальной ширине 5 см (илл. 3). Знаки плохо видны из-за сильной темной патины. На той же скале отмечены три петроглифа железного века, но нет изображений древнетюркской эпохи. Эта надпись находится на высоте 1.794 м.

Надпись Чон Чачыкей-V ориентирована на юг. Всего шесть знаков небольших размеров; размеры строки — 7 × 6 см. Однако надпись хорошо различима, поскольку

знаки не патинированы (илл. 4). Надпись связана с изображением козла, возможно, того же времени (илл. 5). Эта надпись находится на высоте 1,786 м, но располагается примерно в 140 см над землей, на скале, образующей небольшое укрытие (илл. 6). Однако из-за формы холма это небольшое убежище нельзя было использовать для поселения, а только в качестве некоторого места для отдыха, защищенного от солнца.

Надпись Чачыкей-IV (илл. 3)

Транслитерация: r² t¹ v M A₅ Č v l¹ I q₁₀ I A s² b² g₁₅ I A I M I₂₀ š (?) A

Транскрипция: (ä)r (a)tum a čulīqī a s(ä)b(i)gi a imiš a

Перевод: 'Мужское имя (мое) — Чулыкы Себиги, было (?)'

Комментарий

Графический фонд. С точки зрения особенностей графики знак № 4, читаемый как /m/, отражает написание, характерное для таласских и кочкорских надписей [Васильев, 1983, с. 125, табл. 18, № 39; Alimov, 2014, s. 24, No 8]. Для знака № 19 в виде «кружка» тоже характерно для фонемного значения /m/, этот вариант также известен в таласских надписях. Однако если на нем присутствует «точка» или несколько в центре (что не совсем ясно по фотографиям), то его можно читать как лигатуру /nt/, отражает другой вариант, без лучей, [Васильев, 1983, с. 145, табл. 33, № 2; Alimov, 2014, s. 26, No 35]. В последнем слове, знак № 21, по-видимому, представляет собой шипящий сибилант, обозначенный знаком «крыша» (знак № 21), что характерно для таласских надписей, множества текстов с территории Тувы, Алтая [Васильев, 1983, с. 133, табл. 24, № 2–4, с. 135, табл. 26, № 2–5; Alimov, 2014, s. 25, No 24], а также Семиречья [Тишин, Рогожинский, 2018, с. 97–98, табл. 1]. В целом по графическим особенностям (ср. знаки № 4 – /m/, № 10 – /q/, № 14 – /b²/, № 15 – /g/) текст примыкает к таласским надписям и большинству текстов, найденных к настоящему моменту на территории Семиречья.

Среди особенностей исполнения надписи следует отметить написание знака № 1 (/r²/) – с петлеобразной основой, а также тот факт, что знак № 8 (/l¹/) имеет дополнительный штрих, появление, вероятно, следует объяснять в связи с обстоятельствами исполнения надписи и не считать исходной графической характеристикой.

Орфография. Нетипично написание третьего знака в слове (a)tum, притом что, с точки зрения норм фонетики, ожидалось бы *(a)tīm, т.е. узкий гласный в аффиксе принадлежности 1 л. ед. ч. +(X)t. В древнеуйгурских манихейских текстах известно написание аффикса принадлежности 1 л. множ. ч. +(X)mXz в огубленном варианте +(U)mXz / +(U)mUz там, где ожидалось бы +(l)mIz [Erdal, 2004, p. 17, 161]). Подобное, ничем не оправданное огубление гласного в аффиксе можно отметить в тринадцатой таласской надписи (стк. 3), где встречается форма дательного-местного падежа слова *uġa* 'гнездо, родня' как *uġ(a)l(a)rumda*, то есть в аффиксе принадлежности 1 л. ед. ч. +(X)t выписан

огубленный гласный [Alimov, 2014, s. 132 (транслитерация), 133 (транскрипция, перевод), 135–137 (комментарий), 220 (фотография), 221 (эстампаж, копия)]. Р. Алимов указывает на типологический пример в надписи Алтын-Кель I (Е 28), с территории Хакасии, где в стк. 3 (так у Р. Алимова, у некоторых исследователей иной порядок строк и она идет как стк. 6) написано *ZnčŭMAkŭZnčŭMA*, т.е. *(e)z(ä)nčŭm-ä kŭz(ä)nčŭm-ä* 'дозорный (мой), ах! страж (мой), ах!', если только это не формы с аффиксом *+(X)nčU* (обстоятельный разбор у Т. Текина: [Tekin, 1997, p. 219–221], о втором слове как *kŭzŭnč* см. еще: [Erdal, 1991, p. 278]).

В слове, которое обозначает часть имени, *čvliqī*, заслуживает внимания выписывание узкого гласного во втором слоге. Эта практика не является типичной, но в данном случае обусловлена, вероятно, необходимостью дать правильное понимание написанного слова, при теоретической возможности существования двух омографов (см. ниже).

Последнее слово формально можно прочесть как *imiš* или *intiš*, но оба перевода будут затруднены. Если принять первый вариант, можно предположить форму глагола прошедшего заглазного времени на *-mīš* от основы **i-* < *er-* ~ *ir-* 'быть, существовать', с падением *-r-*, в памятниках древнетюркской письменности, однако, преимущественно представленного в форме *är-* (с полушироким гласным) (обсуждение см.: [Clauson, 1972, p. 193–194; Севортян, 1974, с. 218–220]).

Знак, обозначающий обычно широкий неогубленный гласный, /a/ или /ä/, в данной надписи выполняет синтаксическую функцию, являясь словоразделителем, что типично для древнетюркских рунических надписей с территории Казахстана и Кыргызстана.

Содержание. Формула *(ä)r (a)tum* (вм. *(ä)r (a)tīm*, см. выше), букв. 'мое имя мужа(-воина)' является характерной для так наз. «посетительских» надписей (см., напр.: [Alimov, 2014, s. 49]).

Есть два возможных прочтения третьего слова и, следовательно, два варианта трактовки для третьего слова.

В ДТС отмечено *čoluq* в парн. *aqsaq čoluq* 'увечный (букв. хромой и безрукий)', также в юридических документах XII–XIV вв. древнеуйгурским письмом зарегистрировано *čoluq* как имя собственное [Древнетюркский словарь, 1969, с. 153], ср. в «Дүвән-и Луғāt ат-Турк» Махмұда ал-Кāшғарұ *čolaq* 'однорукий, безрукий; калека' [Древнетюркский словарь, 1969, с. 152]. Согласно сэру Дж. Клосону, следует ожидать *čoloq*, вероятно, отглагольное имя от **čol-*. Исследователь дает значение "originally 'with one arm', that is with the other missing or paralysed"; для тюркских языков северо-восточного ареала характерна форма *čolaq*, "often with the more general meaning 'crippled, lame'" [Clauson, 1972, p. 419].

Возможна другая трактовка, при чтении с узким огубленным гласным в первом слоге – *čulīq*. В ДТС, с единственной ссылкой на «Дүвән-и Луғāt ат-Турк», отмечено *čulīq* ‘зоол. большеклювый зуёк (*Charadrius leschenaultii* L.)’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 156]. Сэр Дж. Клосон отмечает *čulīq* как ‘a kind of bird; survives in S[outh]E[ast] Tūrki **çulluk** a name for several kinds of ‘plover’”, впервые отмечено в ДЛТ в значении *tāyir fī'l-mā' muballaq 'alā qadari'l-fāxita* ‘a spotted black-and-white water-bird about the size of a ring-dove’ [Clauson, 1972, p. 420].

По-видимому, написание с узким гласным во втором слоге, обозначенным специально (см. выше), является подсказкой, что следует предпочесть именно второй вариант и читать именно *čulīq*, то есть с узким неогубленным гласным в первом слоге.

Слово *s(ä)b(i)g*, букв. ‘любимый’ известно в письменных памятниках, в том числе зафиксировано в личной ономастике. В ДТС *sevig*, *sevik* ‘любимый, любящий, милый’, ‘любовь’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 497], *sebük*, *sevüg*, *sevük*, *sewüg* ‘любимый, любящий, милый’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 494, 498]. Следуя сэру Дж. Клосону, *sävig* ‘love, loving, liking’ и *sävük* ‘liked, beloved’ являются отглагольными образованиями от основы *säv-* ‘любить’ [Clauson, 1972, p. 787–788]. По уточнению М. Эрдала, форма *sävig* или *sävüg* (форма с огубленным гласным второго слога характерна, по-видимому, для диалектов, отраженных в более ранних памятниках) — образование на -(X)g с исходным значением ‘love’ может обозначать как субъект (‘loving’), так и объект действия (‘beloved’), отраженного в производящей глагольной основе. Исследователь также поправляет предшественников, трактовавших написание с конечным -k как самостоятельную форму, которую, однако, следует объяснять в связи с орфографическими характеристиками конкретных текстов и понимать как обозначение единственной формы со звонким -g [Erdal, 1991, p. 201–202, 223]. Г. Батболдом в специальной статье разобраны случаи передачи слова в китайской транскрипции [Ба-ту-бао-ли-дао Ао-тэ-гун, 2015].

В тексте оба разобранных слова, *čulīq* и *s(ä)b(i)g*, имеют показатели принадлежности, соответственно аффикс 3 л. ед. ч. +(s)l и аффикс 1 л. ед. ч. +(X)m.

Чачыкей-V (илл. 4)

Транслитерация: Č u l¹ I q

Транскрипция: čulīq

Перевод: Чулык

Комментарий. Вероятно, это то же имя, которое встречено в разобранной выше надписи.

Заключение

Местность Чон Чачыкей представляет собой очень большую важность для изучения наскального искусства древнетюркской эпохи, о чем свидетельствует обнаружение там около 1200 петроглифов того времени. Кроме того, значение этой местности усиливает открытие пяти рунических надписей. Обе новые надписи, вероятно, были выполнены одним и тем же лицом, что следует из наличия обеих имени *čulīq*. Дальнейшие исследования в местности Чачыкей в частности, а также в Кенкольской долине в целом позволяет расширить наши знания о древнетюркском наскальном искусстве в Таласской области.

Список литературы / References

- Аманбаева Б. Э., Сулейманова А. Т., Жолдошов Ч. М. *Наскальное искусство Кыргызстана (аналитический и историографический обзор)*. Бишкек: Бийиктик, 2009. 80 с. [Amanbaeva B., Suleymanova A., Zholdoshev Ch. M. *Rock Art in Kyrgyzstan*. Bishkek: Biyiktik, 2009. 80 p. (in Russian)]
- Васильев Д. Д. *Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации)*. М.: Наука, 1983. 146 с. [Vasilyev D. D. *Graphic Fund of Monuments of the Turkic Runic Writing of the Asian area (An Experience of Systematization)*. Moscow: Nauka, 1983. 146 p. (in Russian)]
- Древнетюркский словарь*. ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. – XXXVIII, 714 с. [Nadelyaev V. M., D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Scherbak (eds.). *A Dictionary of Old Turkic*. Leningrad: Nauka, 1969. – XXXVIII, 714 p. (In Russian)]
- Гапоненко В. М. Наскальные изображения Таласской долины. *Археологические памятники Таласской долины* / отв. ред. Н. П. Кожемяко. Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1963. С. 101–110 [Gaponenko V. M. Rock Art Images of Talas Valley]. Kozhemyako N. P. (ed.) *Archaeologic Monuments in Talas Valley*. Frunze: Acaedmy of Sciences of Kirgiz SSR, 1963. P. 101–110 (in Russian)].
- Севортян Э. В. *Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные)*. М.: Наука, 1974. – 767 с. [Sevortyan E. V. *An Etymological Dictionary of Turkic Languages (Common Turkic and Inter-Turkic Vowel Bases)*. Moscow: Nauka, 1974. – 767 p. (in Russian)].
- Табалдиев К. Ш., Херманн Л., Тишин В. В., Железняков Б. А. Новые руноподобные надписи в Кенколе (верховья Таласской долины). *Народы и религии Евразии*. 2020. № 3 (24). С. 65–82 [Tabaldiyev K. Sh., Hermann L., Tishin V. V., Zheleznyakov B. A. New runic inscriptions in Kenkol (Upper Talas Valley). *Narody i Religii Evrazii*. 2020. №3 (24). P. 65–82 (in Russian)].

- Тишин В. В., Рогожинский А. Е. Новые прочтения и новые находки рунических надписей из Семиречья: Кулжабасы и Алмалы. *Altaistic, Turcology, Mongolistics / Алтаистика, тюркология, моңголистика / Алтаистика, Тюркология, Монголистика*. 2018. № 4. С. 65–98 [Tishin V. V., Rogozhinskiy A. E. New Readings and New Finds of Runic Inscriptions from Semirechye: Kulzhabasy and Almaly. *Altaistic, Turcology, Mongolistics*. 2018. №4. P. 65–98 (in Russian)].
- Херманн Л., Тишин В. В., Рогожинский А. Е. Древнетюркские рунические надписи и тамги-петроглифы в долине Кенкола (Кыргызстан). *Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница»*. 2020. Вып. 12. С. 142–153 [Hermann L., Tishin V. V., Rogozhinskiy A. E. Ancient Turkic runic inscriptions and tamga-petroglyphs from the Kenkol Valley (Kyrgyzstan). *Memoirs of the Museum-reserve "Tomsk Pisanitsa"*. 2020. Vol. 12. P. 142–153 (in Russian)].
- Чжан С., Чаргынов Т. Т., Жолдошев Ч. *Петроглифы Центрально-Восточного Кыргызстана*. Seoul: Tongbuga Yöksa Chaedan, 2011. 423 с. [Chzhan S., Chagrynov T. T., Zholdoshev Ch. *Petroglyphs of Central-Eastern Kyrgyzstan*. Seoul: Tongbuga Yöksa Chaedan. 2011. 423 p. (in Russian)].
- Alimov R. *Tanrı Dağı Yazıtları. Eski Türk Runik Yazıtları Üzerine Bir İnceleme*. Konya: Kömen Yayınları, 2014 (5), 262 s.
- Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972. Xlviii. 989 p.
- Erdal M. *Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991. Vol. I–II. XIV, 874 p. (Turcologica. Bd. 7).
- Erdal M. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston: Brill, 2004. xii, 575 p. Handbook of Oriental Studies. Section 8. Central Asia. №. 3.
- Hermann L. L'art rupestre de la vallée de Kenkol (oblast de Talas) au Kirghizstan. *INORA*. 2018. № 80. P. 22–31.
- Hermann L. L'art rupestre de Tchatchikei dans la vallée de Kenkol (oblast de Talas) au Kirghizstan. *INORA*. 2019. № 85. P. 13–23.
- Hermann L. Repertory of the Tamgas in the Talas Region (Kyrgyzstan). Jacobson-Tepfer E., Novozhenov V. A. (eds.). *Rock Art Chronicles of Golden Steppe from Karatau to Altai*. Almaty: UNESCO Center, 2020. Vol. 2. P. 145–151.
- Tekin T. The first *Altınkök* Inscription. *Turkic Languages*. 1997. Vol. 1/2. P. 210–226.
- Ба-ту-бао-ли-дао Ао-тэ-гун [巴图宝力道奥特功] (Batbold Gonchigiin). Ту-цзюэ, хуэй-ху вэнь-чжун дэ «со-фу Säbig» и ци као-ши [突厥、回鹘文中的“娑匐 Säbig”一词考释]. *Цао-юань вэнь-у* [草原文物]. 2015. Вып. 2. С. 110–114. (in Chinese)]

Иллюстрации³

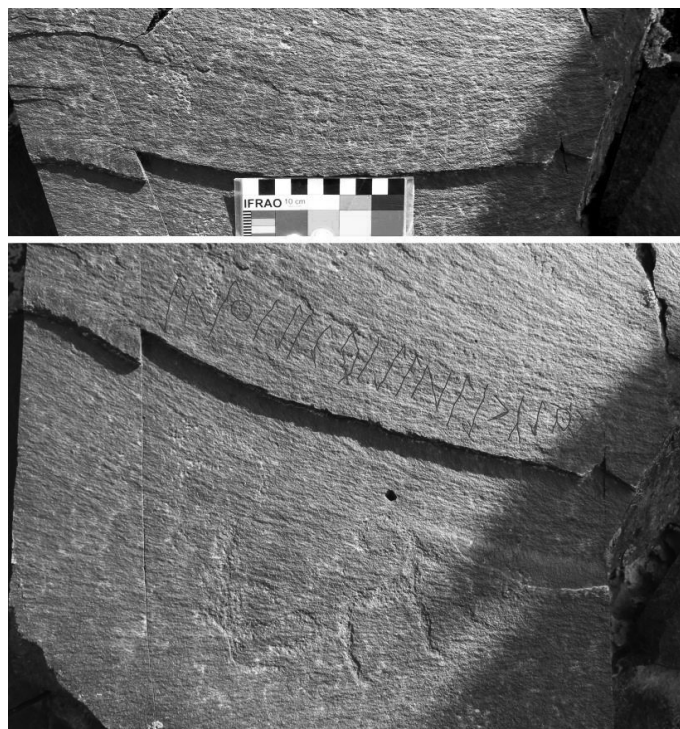


Илл. 1
Расположение надписей Чон Чачыкей-IV и V

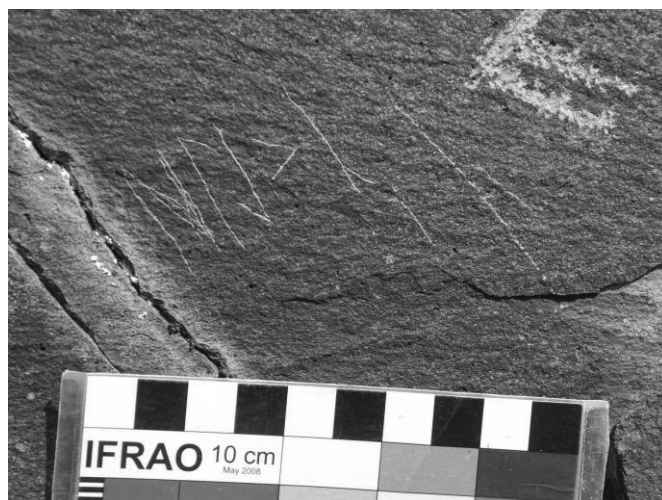


Илл. 2
Расположение поселения (А) и надписей Чон Чачыкей-III, IV и V

³ Фотографии, представленные в качестве иллюстраций 1–6, выполнены Л. Л. Херманном



Илл. 3
Руническая надпись Чон Чачыкей-IV



Илл. 4
Руническая надпись Чон Чачыкей-V



Илл. 5
Руническая надпись Чон Чачыкей-V с изображением козла



Илл. 6
Расположение надписи Чон Чачыкей-V

СОКРАЩЕНИЯ**ABBREVIATIONS**

АМ	Азиатский музей
Атлас	Атлас древностей Монголии
БК, X	Большая надпись на восточной стороне стелы Бильге кагана
БК, Ха	Продолжение большой надписи на левой боковой (южной) стороне стелы Бильге кагана
БК, Хб	Малая надпись на северной стороне стелы Бильге кагана
ГАИМК	Государственная Академия истории материальной культуры
Е	<i>Енисейские надписи</i>
ЗВОРАО	<i>Записки Восточного отделения Российского археологического общества.</i> Санкт-Петербург
ИЗ	Исторические записки
КТб	Большая надпись на лицевой (восточной) стороне стелы Кюль тегина
МАЭ РАН	Музей антропологии и этнографии Российской Академии Наук
МШУ	Стела Могойн Шинэ Усу (Селенгинский камень)
Оа	Надпись на южной стороне Онгинской стелы

СЭ	Журнал «Советская этнография»
Тар	Тариатская (Терхинская) надпись
Тон	Надпись советника Тоньюкука (I; II – две стелы)
УФИЦ РАН	Уфимский федеральный исследовательский центр Российской Академии Наук
ФА	Inscriptions de l'Ienissei
ADAIK	<i>Abhandlungen des Deutschen Archäologischen Instituts Kairo</i>
AF	<i>Ägyptologische Forschungen</i> . Glückstadt
ArOr	<i>Archív Orientání. Journal of the Czechoslovak Oriental Institute. Prague</i>
ASAE	<i>Annales du Service des Antiquites d'Egypt</i> . Le Caire
AV	<i>Archäologische Veröffentlichungen</i> . Deutsches archäologisches Institut. Abteilung Kairo. Mainz am Rhein
BIFAO	<i>Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale</i> . Le Caire
CGC	<i>Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire</i>
CT	B u c k , A . , d e . The Egyptian Coffin Texts. VIII. Texts of Spells 472-786. <i>Oriental Institute publications</i> . 87. 1961
Faulkner	F a u l k n e r , R . A <i>Concise Dictionary of Middle Egyptian</i> . Oxford: Griffith Institute, 1972
GM	<i>Göttinger Miszellen</i> . Göttingen
GHP	<i>Golden House Publications</i> . London
GOV	<i>Göttinger Orientforschungen</i> . IV. Reihe: Ägypten. Wiesbaden
IEG	<i>Indian Epigraphical Glossary</i> . Delhi

Hannig	<i>Ägyptisches Wörterbuch II: Mittleres Reich und zweite Zwischenzeit.</i> By R a i n e r H a n n i g . Hannig-Lexica 4. Kulturgeschichte der Antiken Welt, Band 112. Mainz, 2006.
LÄGG	<i>Lexicon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen.</i> Hrsg. C h . L e i t z . Leuven, Paris, Dudley 2002–2003
LGN	L e p r o h o n , R . J . <i>The Great Name: Ancient Egyptian Royal Titulary.</i> Atlanta, 2013
MÄS	<i>Münchener ägyptologische Studien.</i> München-Berlin
MIFAO	<i>Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale.</i> Le Caire
Orientalia	<i>Orientalia.</i> Commentarii periodici pontificii instituti biblici. Roma
PT, Pyr.	S e t h e , K . <i>Die Altägyptischen Pyramidentexte.</i> Bd. I–IV. Leipzig, 1908–1922
WB	E r m a n , A . , G r a p o w , H . <i>Wörterbuch der ägyptischen Sprache.</i> Bd. I–V (1926–1931), VI (1950), VII (1971), Belegstellen I–V

СОДЕРЖАНИЕ**CONTENTS**

- Беляев В. А., Сидорович С. В. Фрагмент чиновничьей печати государства Восточное Ся, обнаруженный в Приморье 7
Belyaev V. A., Sidorovich S. V. A Fragment of Eastern Xia State Official's Seal Discovered in Primorye
- Волович А. Ю. Отражение одной из функций богини Хекет в речении 1061 Текстов саркофагов из некрополя Дейр эль-Берше 13
Volovich A. Yu. Image one of the goddess Heqet's functions in the spell 1061 of the Coffin Texts from the Deir El-Bershe necropolis
- Dayalan D. *Kāveripūmpaṭṭiṇam: A Cosmopolitan Centre of Ancient Tamilakam* 25
Даялан Д. Каверипумпаттинам — космополитичный центр древнего Тамиллагама
- Долин А. А. Мемориальные стелы на родине Масаока Сики 44
Dolin A. Memorial Steles in Masaoka Shiki's Homeland
- Зайцев И. А. Санскритские дарственные надписи на глиняных табличках первых паганских правителей Аноратхи (1044–1077) и Солу (1077–1084) 63
Zaitsev I. A. Sanskrit Donative Inscriptions on Votive Tablets of the First Pagan Kings of Anawratha (1044–1077) and Sawlu (1077–1084)

Куликов Д. Е. Надпись на каменном сосуде гуй из Иньсюя (опыт интерпретации ритуальной эпиграфики позднешанского периода)	82
<i>Kulikov D. E. Inscription on the Stone Vessel Gui from Yinxu (Attempt in Interpretation of Late Shang Ritual Epigraphy)</i>	
Лебедев М. А. Использование плагина DStretch при изучении Египетских гробничных памятников эпохи Древнего царства	101
<i>Lebedev M. A. The Use of the DStretch Plugin while Studying the Egyptian Old Kingdom Funerary Monuments</i>	
Прудников В. В. К вопросу о надписи на мече короля Сицилии Рожера II	115
<i>Prudnikov V. V. On the Inscription on King Roger II of Sicily's Sword</i>	
Тарасюк Я. В. Надобщинная структура <i>коттам</i> в южноиндийском царстве Паллаво по данным эпиграфики	122
<i>Tarasyuk Ya. V. Supra-Communal Structure Kottam in the South Indian Pallava Kingdom: Epigraphic Sources</i>	
Тишин В. В. Об интерпретации сочетания <i>qara bodun</i> в памятниках древнетюркской рунической письменности: в связи с гипотезой В. В. Бартольда	137
<i>Tishin V. V. On the Interpretation of the Phrase qara bodun in Monuments of Old Turkic Runic Writing: Toward to the Hypothesis of W. Barthold.</i>	
Туранская А. А., Козинцев М. А. Эстампажи енисейских рунических памятников в коллекции Института восточных рукописей РАН	151
<i>Turanskaya A. A., Kozintcev M. A. Estampages of the Old Turkic Runic Writing Monuments of the Yenisei Preserved in the IOM, RAS.</i>	

Хапизов Ш. М., Шехмагомедов М. Г. Эпитафии Томсода как источник по истории и антропонимии горного Дагестана	189
<i>Khapizov Sh. M., Shekhmagomedov M. G. Epitaphs of Tomsoda as a Source for the History and Anthroponymy of Mountain Dagestan</i>	
Херманн Л., Тишин В. В. Две новые рунические надписи Чачыкей (Кенкольская долина, Кыргызстан)	205
<i>Hermann L., Tishin. V. V. Two New Runic Inscriptions in Tchatchikei (the Kenkol Valley in Kyrgyzstan)</i>	
Сокращения.....	216
<i>Abbreviations</i>	

Статьи, опубликованные в журнале «Эпиграфика Востока», прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

07.00.00 Исторические науки и археология

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.06 Археология

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

10.00.00 Филологические науки

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы, текстология

10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африк

Приглашаем авторов
Для быстрой и удобной подачи статей в журнал
Воспользоваться редакционно-издательским порталом
RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «Мои публикации» станет активна кнопка «Заявка на публикацию», нажав на которую, вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «Комментарии для редактора». Статья будет отправления в редакцию сразу же после нажатия кнопки «Отправить редактору».

Подробная инструкция размещена по ссылке:

<https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Научное издание

Эпиграфика Востока
Выпуск XXXVII

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН
АР № 040753 от 10 апреля 1996 г.

Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Формат 84х108/16. Бумага офсетная.
Подписано в печать 07.03.2023.
Объем 23,52 усл. печ. л.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru